

ISSN 1812-1985

*«Придумать можно все,
кроме психологии»
Л.Н. Толстой*

.....
Человеческий фактор
.....

СОЦИАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГ

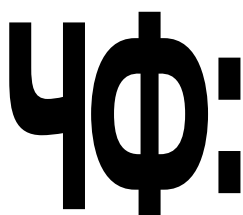
.....

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПСИХОЛОГОВ

Основан в 2000 году в Ярославле

2011

№ 1 (21)

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

Свидетельство о регистрации — ПИ № 77–15751
Подписной индекс Агентства «Роспечать» — **36053**

СОЦИАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГ

Выпуск № 1(21) 2011

ЖУРНАЛ
ДЛЯ ПСИХОЛОГОВ

Основан в 2000 году

УЧРЕДИТЕЛИ ЖУРНАЛА:

МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ
ЭРГОНОМИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ

МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ЦЕНТР
ЭРГОНОМИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ И РАЗРАБОТОК
МИНПРОМНАУКИ РОССИИ

ИНСТИТУТ ИННОВАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ

Главный редактор журнала
«ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР»
В.В.Новиков

Главный редактор серии
«Социальный психолог»
В.В.Козлов

Главный редактор серии
«Проблемы психологии и эргономики»
В.М.Львов

Главный редактор серии
«Общество и власть»
Д.П.Пискарев

Редакционная коллегия серии
«Социальный психолог»
*А.В.Карпов, В.В.Козлов, В.М.Львов,
В.А.Мазилев, Н.В.Клюева,
И.Н.Карицкий, Н.П.Фетискин*

Редакционный совет серии
«Социальный психолог»
*Г.В.Акопов, И.П.Волков,
А.Л.Журавлев, Т.П.Емельянова,
М.М.Кашатов, Ю.А.Клейберг,
Г.М.Мануйлов, В.В.Марченко,
В.И.Назаров, Р.С.Немов, Н.Н.Обозов,
Б.Д.Парыгин, Ю.П.Поваренков,
А.Л.Свенцицкий, В.Е.Семенов,
В.А.Урываев, А.В.Филиппов*

Оригинал-макет: *М.Н.Федоров*

Адрес редакции:

150057, г. Ярославль,
ул. Матросова, дом 9, офис 206
Тел.: (4852) 728–394;
факс (4852) 478–666.

Адрес издателя и распространителя:

ООО «Исследовательская группа
“Социальные науки”»
249031, г. Обнинск, а/я 1023
Тел.: (48439) 74–126. E-mail: ig_socin@mail.ru

Отпечатано на Фабрике офсетной печати. 249039, г. Обнинск, ул. Королева, 6
Формат 70x100/16. Тираж . Заказ №

ЧФ: СОЦИАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГ

2011 выпуск № 1 (21)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Козлов В.В. Принцип многомерности истины в интегративной психологии	5
Петренко В.Ф. Степная цивилизация как часть Евразийского мира	11
Минеева О.А., Лидерс А.Г. Фамилистика. Обзор научных представлений о семье	19

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Мельникова А.А. Анализ синтаксиса как метода познания национальной ментальности: русская онтология и гносеология в зеркале языка	59
Мазилев В.А., Янчук В.А. Культурный фрейминг россиян и белорусов: постановка проблемы	71
Антоненко И.В., Карицкий И.Н. Предприниматель как пассионарий, культурная традиция и технологический прорыв	80
Гречишников С.Е., Кузина Е.В. Типологизация административно-политического управления в российских регионах	85
Козлов В.В., Мазур Е.Ю. Этические основы в деятельности юриста	90
Шигорина Т.Б. Единство духовных традиций как средство выражения всеобъемлющего мировоззрения китайцев	95
Новиков В.В., Ободкова Е.А. Проблема социально-психологического управления в период глобализации	102
Артемьева И.Г. Коучинг как инструмент управления человеческими ресурсами компании	107
Урываев В.А. Больной — пациент — клиент: социально-психологический анализ эволюции базовой модели отношений	112

Олешкевич В.И. Психология развития А.Адлера	116
Олешкевич В.И. Интериоризация и зона ближайшего развития как культурно-исторически обусловленные феномены советской психологии	124

ЭКСПЕРИМЕНТ И ТЕХНОЛОГИЯ

Туляганова Г.К. Особенности процедуры разработки психодиагностической методики «Осознанность жизненных целей подростков»	132
Козлов В.В., Санникова Н.Г. Исследование различий в ощущении социальной изолированности среди студентов творческих и нетворческих специальностей	140
Буровихина И.А. Универсальные и групповые особенности семантического пространства образа мира современного подростка ...	143
Перетолчина Д.С. Психологические сложности детей младшего школьного возраста, воспитывающихся в семьях и в условиях детского дома	149
Наши авторы	156

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Козлов В.В.

ПРИНЦИП МНОГОМЕРНОСТИ ИСТИНЫ В ИНТЕГРАТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ

В работе обобщен теоретический анализ частного научного методологического принципа многомерности истины с точки зрения интегративной психологии.

Ключевые слова: методология, интегративная психология, истина, парадигма, субъектная реальность, сознание, модель.

В апреле этого года мы провели еще один методологический семинар по актуальным проблемам психологии и 9-й раз заслушали множество докладов, в которых ученые из разных стран и психологических школ излагали свое понимание предметной области психологии.

Методологические семинары, которые мы проводили в Ярославле вместе с профессором В.А.Мазилковым и доцентом И.Н.Карицким, окончательно утвердили меня в важности для современной психологической науки принципа многомерности истины. Этот принцип мы выдвинули в начале 90-х годов в качестве инструмента понимания мультипарадигмальности и многомерности интерпретации предмета психологии.

Мы имеем достаточно предвзятое отношение к существованию абсолютной и относительной истины и тем более совершенно не уверены в конкретности объективной истины.

Более того, на наш взгляд, представления об истине всегда являются корпоративной договоренностью, весьма зависимой от социальных ценностей и познавательных мотивов в научном сообществе, культурной и экономической среды, степени открытости-закрытости научных коммуникаций.

В силу этого мы совершенно согласны с В.Ф.Петренко, который считает, что такие понятия как объективная действи-

тельность или объективная реальность (независимая от субъекта восприятия), истина, как наличие единственно правильного мировоззрения, представление о том, что можно изучать нечто, как «то есть на самом деле», независимо от позиции интерпретатора, принадлежащие «корреспондентной теории истины» или «теории отражения» (ее отечественному аналогу) постепенно уступают место таким понятиям, как «жизненное пространство» (зависимое от системы отсчета), «жизненный мир» (подразумевающее наличие «пристрастного», «страдающего» человека), плюрализм или «множественность истины», адекватность и эвристичность модели взамен самого понятия «истины» [1].

Вне сомнения, в начале 90-х годов нам прельщала сама идея «обладания истиной» как пробуждения, переживания Реальности (в буддийском понимании), просветления и стяжания «от Духа Святого» (в христианском смысле). Фома Аквинский писал, что Истина для Бога гораздо полнее и объемнее, чем истина для человека. Наш замах на истину «полнее и объемнее» был вознагражден многими озарениями [2], но даже эти прекрасные устремления не смогли поколебать наше убеждение в том, что любое объяснение и понимание индивидуальной психической реальности, а также социально-психологических закономерности

стей групп и сообществ всегда будет неполным, а значит и неистинным.

При любом объяснении и понимании будет ряд неучтенных переменных, влияющих на поведение человека или группы и выведенные закономерности в индивидуальной психической реальности, групповом пространстве будут справедливы лишь при определенных условиях и с определенной (неопределенной) вероятностью.

Следует согласиться с мнением В.Ф.Петренко, который считает, что принцип множественности истины наиболее присущ постмодернизму (Фуко, Ж.Деррида, Р.Барт, Ж.-Ф.Лиотар), но его истоки можно найти как в религиозной философии Востока, так и Запада. Так, в буддизме, в частности, дается на эту тему поэтический образ: «То, что является рекой Ганг для человека, будет потоком гноя и нечистот для голодного духа и потоком амброзии для божества». Релятивизм познания можно найти уже у древних греков — в высказывании Гераклита о том, что нельзя дважды войти в одну реку. Сопоставление картины мира людей разных культур привело К.Леви-Брюля к заключению об отличии мышления людей примитивных культур от мышления современного человека и введению понятия «про логическое мышление». Различие мировосприятия, присущее людям разных эпох и культур, описано в работах О.Шпенглера, французской исторической школы «Анналов» (М.Блок, Л.Февр), работах А.Я.Гуревича. На формирующуюся методологическую парадигму конструктивизма, бесспорно, влияют теория относительности А.Эйнштейна и принцип «дополнительности» Н.Бора, учитывающие позицию наблюдателя (исследователя и интерпретатора) и постулирующие возможность сосуществования и взаимодополнения альтернативных теорий и моделей. Как полагает буддизм, альтернатива великой Истине тоже великая Истина [1].

Любая психологическая теория является внешним проявлением многих ас-

пектов человеческого существования и потенциально может отразить многие его сокровенные стороны. Теория как метод вербализует картины мира, в которых человек занимает центральное место, кодирует, хранит, распространяет в социальную среду и передает из поколения в поколение в материальной форме. Потенциально она способна описать все, что есть в культурной картине мира, хотя и не все фиксирует.

При этом следует понимать, что психологическая теория отражает определенный способ восприятия и устройства мира, человека, социальных сообществ. Совокупность представлений о психической реальности (от индивида до ноосферы и универсума), заключенных в терминологическом аппарате психологической теории, образует некую единую систему взглядов или предписаний и называется в качестве обязательной всем носителям данной парадигмы психологии (или любой другой гуманитарной дисциплины) — начиная от эзотерических школ до глобальных мировоззренческих установок типа материализма). В этом заключается его чрезвычайно важная образовательная, социализирующая и культурно-воспроизводящая функция психологической теории.

Одновременно смысловые компоненты, входящие в терминологический аппарат психологической теории в форме непосредственных утверждений, могут оспариваться разными носителями этой теории, то есть находятся в противоречии с «канонами» теории, с общей системой представлений, которая формирует содержание и принципы теории.

Это означает, что даже если и существует два психолога с идентичной моделью психологии (что крайне сомнительно), внутренняя, смысловая, концептуальная сторона этой модели будет различной. А это еще раз показывает, что даже если в концептуальном осмыслении психической реальности есть общие точки соприкосновения, они все равно носят индивидуальный, уникальный ха-

ракти. Владея терминологическим аппаратом, психолог с помощью него концептуализирует феноменологию психического. При этом конфигурации идей, заключенных в значении терминологического аппарата парадигмы психологии, воспринимаются им как нечто само собой разумеющееся, и у него возникает иллюзия, что так вообще устроена сама психическая реальность. Но сопоставление разных индивидуальных «карт психической реальности» показывает значительные расхождения между ними. Это наблюдается как внутри школ психологии, так и (тем более) в различных научных моделях психологии.

Содержательная сторона психологической теории тем или иным образом связана с концептуальной системой психолога. В свою очередь, реализуясь в теоретических представлениях, концептуальная картина психического преодолевает в некоторой степени свою абстрактность и становится более понятной для самого человека и для его собеседников и потомков. Теоретические модели психологии, хоть и несколько искаженно, но аккумулируют опыт отдельного индивида, языковой, этнической, культурной и т.д. групп.

Так, роль теории психологии при образовании и отражении психической реальности не должна ни переоцениваться (в некоторых случаях он может дать только описание явлений, но не непосредственный опыт), ни недооцениваться (это высшая форма обобщения науки о человеке).

Теория как исследовательский метод — это не зеркальное отражение феноменологии психического, а некоторая ее интерпретация, осуществляемая отдельными психологами, которые отличаются друг от друга. Поэтому можно сказать, что любая психологическая теория — это динамичное явление: она постоянно уточняется, реконструируется, углубляется.

Одновременно следует помнить, что теория — это лишь один из методов, на

которых «говорит» психология. Даже при изучении психологической теории познать категориальный строй — это не означает познать все компоненты реальности теории. За теорией стоят ощущения, эмоции, образы и символы, культурный и языковой опыт как среда, из которой родилась и формировалась теория.

Вне сомнения, теоретический метод самое сложное образование в психологии из-за того, что оно вбирает в себя все аспекты других методов и имеет самый выраженный индивидуальный характер [3].

Любая психологическая теория включает множество смыслов, которые как бы остаются «за кадром»:

- исходящие из основных мировоззренческих концептов создателя теории;
- условий, в которых он рос, учился, жил, работал;
- традиций и обычаев, которые соблюдал;
- стратегию его жизни, идеалы, которым подражал и за которыми тянулся;
- архетипическая идентификация, какие архетипические сценарии реализации он избрал для себя (мудреца, мага, воина, возлюбленного, царя, трикстера, висельника, младенца, шута).

Таким образом, психологические теории раскрывают не столько «объективную истину о психической реальности», а сколько являются преломлением субъективной реальности — индивидуального и уникального восприятия-представления-переживания-смысла бытия, которое формируется в процессе социализации и является интегративным образованием, определяющим эмоциональные, когнитивные и поведенческие особенности реагирования индивида на стимульное содержание внутренней и внешней среды.

В 1994 году мы предложили для обозначения субъективной реальности термин «карты психической реальности», основываясь на той идее, что вся реальность, данная нам в модальностях опыта, является продуктом самой психической ор-

ганизации, которую сознание наполняет структурой, смыслом, отношением и переживанием [3].

Эксперименты, проведенные нами с необычными состояниями сознания за последние 20 лет, показали, что термин субъектной реальности более подходит, так как объемлет не только способы отражения привычных модальностей опыта, но и феномены, далеко выходящие за их пределы, интерперсонального и трансперсонального характера. При этом субъектность предполагает только одну значимую переменную — существование *индивидуального свободного сознания*, не обусловленную даже самой средой функционирования (как показывают предельные эксперименты с измененными состояниями сознания, приводящие к ниродхе или более мягкой диссоциации «чистой энергии сознания»).

В предельном выражении принцип многомерности истины полагает, что любое объяснение и понимание психологии человека и групп может претендовать на жизнь и истинность. Принцип многомерности отражает факт высокой динамичности индивидуальной психической реальности и межличностных отношений, их изменчивость и развитие с одной стороны, с другой — такую же множественность пониманий, отношений и интерпретаций со стороны психолога и психологических школ. Как мы уже писали во многих своих работах, все парадигмы психологии существуют в своем понятийном аппарате, а система значений, категорий человеческого сознания опосредует восприятие, осознание, понимание и конструирование психической реальности индивида и социальной реальности групп. Введение и разработка новых понятий, трансформация категориальной сети мировосприятия и признание этой понятийной системы образует научную школу, социального сообщества, особым образом мыслящую свою предметную область психологии. Таким образом, формирование новой категориальной системы меняет поведение и от-

ношение людей в социальных сообществах, создавая корпоративные ценности, убеждения и критерии истинности.

И, если обратиться к языку метафоры в объяснении принципа многомерности истины — душа — тайна тайн и истина о душе многолика. Каждый лик заслуживает доверия и как зеркало (пусть иногда замутненное или по-разному кривое) отражает Единое.

Во многих смыслах научные сообщества «сотворяют кумиров» и цепляются за истину как за веру.

Истина многомерна и многолика. Правы материалисты и идеалисты, глупые и умные, образованные и необразованные и гений человеческий настолько же близок к истине, насколько деревенский дурак. Истина многоголоса и каждый человек в некотором приближении «глаголет нам ее устами».

И каждая парадигма психологии, школа практической психологии, психотерапии просто на свой лад описывают свой предмет. Мы можем чем-то восторгаться, что-то презирать, не принимать, отрицать.

А принцип многомерности истины говорит — все правы, ибо истина и церковь одна. Только каждый смотрит в разные части этой церкви, рассказывает об увиденном на своем языке в соответствии со своим жизненным опытом, образованием, мировоззрением и групповыми приоритетами.

Принцип многомерности истины в реальном взаимодействии психолога с клиентом выдвигает следующие требования:

- при интеграции кризисного состояния преследовать не свои личные цели, а помочь личности и группе в достижении их собственных целей;
- предлагать альтернативные способы восприятия жизни и кризисного состояния в том числе. Если необходимо — операционализировать выход из кризиса, указывать реальные действия, которые должен сделать клиент. Брать ответственность;

- понимать и с определенной долей условности принимать любой образ мира и действовать в соответствии с ним;
- хорошо понимать и представлять многообразие теорий, концепций, моделей о любой проблемной ситуации. Умение работать внутри нескольких парадигм. Умение видеть ценность альтернативных подходов к работе с кризисным состоянием личности и группы.

Принцип многомерности истины — призыв к рефлексивной, понимающей и сопереживающей позиции к любому мнению, позиции, опыту, суждению, идее, теории и учению. Одновременно он означает изменчивость содержания, формы и способов взаимодействия с клиентом в зависимости от его личности (социально-психологических характеристик группы, когда клиентом является группа), его интересов и мотивов, установок, а также установок и возможностей специалиста.

Следует помнить, что как самые гениальные психологические теории, так и заявления людей с мифологическим мышлением о «сглазе», «порче», «родовом проклятии», «божественном провидении», «вещем сне» являются в первую очередь попыткой структурировать и транслировать собственный внутренний опыт.

Таким образом, исследование, понимание и оценка учеными психологической науки зависит от очень многих переменных. Это и вера, и личностные убеждения, система представлений о науке и научности, и личный контакт с представителями разных парадигм, это и особый эстетический вкус к красоте интеллектуальных построений, это и прагматичность теории, в конце концов, это пол и этническая идентичность, социальное происхождение и «приближенность» к отцам науки, степень идентифицированности и ангажированности системой ценностей парадигмы, монетарные интересы, лень и зависть...

И для того, чтобы истина была услышана, недостаточно надежных научных

аргументов и даже решительные доводы не способны убедить многих и уж точно нет такого аргумента, чтобы убедить всех.

Ни жизнеспособность, ни прагматичность, ни правдоподобность, ни даже красота теории не способны убедить ученого, захваченного своим способом конструирования психической реальности.

Интегративный подход является принципиально новым смысловым пространством как для профессионалов (психологов, социальных работников, психотерапевтов), так и для их клиентов.

Любая современная психологическая парадигма при кажущейся зачастую их полноте и универсальности является справедливым лишь при определенных обстоятельствах и с известной долей вероятности в определенной предметной области. Ценность любой парадигмы относительна, и говорить об абсолютных мерках применительно к эмпирическим и концептуальным верованиям ученых-психологов не имеет никакого смысла.

Предельное осознание относительности и в то же время истинности любого понимания психического освобождает специалиста от догм и приближает его к точке интеграции, а рефлексивное понимание и принятие — к интегративной психологии. В этом смысле интегративная психология является направлением профессионального мышления, философской и психологической тенденцией, имеющей практическое применение.

Стратегия интегративной психологии — постижение природы человека через сопровождаемое критической рефлексией интегрирование, синтез различных традиций, подходов, логик, диагностического и психотехнического инструментария, при сохранении их автономии в последующем развитии. Суть ее заключается в многоплоскостном, многомерном, многоуровневом, разновекторном анализе, создающем возможность качественно иного исследования, предполагающего включение в плоскость анализа аспектов множественности, диалогич-

ности, многомерности психического феномена.

Становление в интегративную позицию, которая по сути является метасистемной по отношению ко всем пяти парадигмам психологии и к множествам различных других ментальных конструкций о психической реальности, предоставляет возможность отстраненного анализа и обеспечивает возможность нового качественного скачка в развитии психологического знания.

Интегративная психология как реализацию принципа многомерности истины предлагает свободное оперирование многомерным знанием, связанным с наиболее продуктивно работающими в проблемной области традициями, психологическими парадигмами и их диагностическим, психотехническим инструментарием. Мы не отрицаем достижений ни одной парадигмы, школы психологии и наше отношение к ним прагматично: возможен и рационален выбор любой парадигмы, любого представления об истине, которые в данный момент и в данной ситуации решает **большее число проблем**, заданных контекстом жизни.

Реализация принципа многомерности истины в интегративной психологии как способ и культура мышления осуществляется за счет соблюдения определенных правил научного существования:

– использование и интроскопия в поле психологического мышления культурного и познавательного потенциала предшествующих исторических периодов;

– радикальный плюрализм и толерантность;

– стирание границ между массовой и элитарной психологическими культурами, субкультурами Востока и Запада, через разнообразие психологического языка;

– равноправие стилей мышления и познавательных парадигм психологии, признание их самоценности;

– конвенциональность психологического знания, то есть психология как наука уже имеет в социальной культуре определенный набор устойчивых характеристик, выделенных в качестве значимых и у психологии есть возможность развития общества через внедрение новых представлений и ценностей.

Язык, ценности, исследовательские стратегии интегративной психологии обращены ко всему социуму вне всякой дифференциации, учитывая весь спектр интересов и настроений различных социальных групп, применяя универсальные, основанные на общих антропоцентрированных ценностях и убеждениях смыслы и методы. На наш взгляд, применение принципа многомерности истины является наиболее перспективной стратегией развития современной психологической науки.

Литература

1. *Петренко В.Ф.* Конструктивистская парадигма в психологической науке // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 3. С. 113–121.

2. *Козлов В.В.* Духовные путешествия. — Ярославль: Диапресс, 1999. 56 с.

3. *Козлов В.В.* Интегративная психология: пути духовного поиска или освящение повседневности. — М.: Психотерапия, 2007. 528 с.

Kozlov V. Printsip's goats of multidimensionality of true in integrative psychology

The generalized theoretical analysis of private scientific methodological principle of multidimensionality of truth from the perspective of integrative psychology.

Keywords: methodology, integrative psychology, truth, reality, paradigm, consciousness, subjective model.

Петренко В.Ф.

СТЕПНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ КАК ЧАСТЬ ЕВРАЗИЙСКОГО МИРА *

В статье рассматриваются различные подходы к «степной цивилизации», история исследований в зарубежной и российской философии и культурологии, а также влияние различных религиозных систем на ее формирование.

Ключевые слова: цивилизация, культура, философия, шаманизм, буддизм, христианство.

Цивилизация (от латинского слова *civilis* — гражданский, государственный) — понятие, появившееся еще во времена античности, то есть во времена независимых городов-полисов, где противостояло понятию варварства как нецивилизованности, и таким образом подразумевало определенный уровень культуры и государственности. Значение слова постепенно расширялось и у Данте «*humanitas*» означало всеобщее человеческое единство. В активный философский словарь это понятие вошло в 18 веке благодаря работам Вольтера, В.Мирабо, А.Форгюсона как определенная стадия (наивысшая) всемирно-исторического процесса. В начале 19 века, отмечает, один из авторов «Анналов» (направления в историографии) Л.Фабр слово «цивилизация» стало употребляться во множественном числе, как следствие понимания многообразия культур и путей экономического развития. Можно выделить, по крайней мере, два подхода к трактовке понятия «цивилизация». Так называемый «формационный» подход (Форгиусон, К.Маркс, Ф.Энгельс) исходит из единства истории человечества и выделяет этапы (уровни) его становления. Это: общинно-племенной уровень развития, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, социалистический и т.д. Формационный подход полагает, что все страны и государства проходят последовательно эти этапы на пути к бесклассовому обществу. Цивилизационный подход исходит из то-

го, что суть цивилизации составляют духовных, религиозных ценности, менталитет и культура того или иного этноса, народа. Сторонники этого подхода Н.Я.Данилевский (1991), О.Шпенглер (2007), А.Тойнби (1991, 1996), Л.Гумилев (1992, 1990) исповедуют представление об этносе и его культуре как о некоем организме, которому суждено рождение, становление, кульминация в развитии, регресс и гибель. Отметим, что известные социолог П.Сорокин (1998) и историк Ф.Бродель (1998) подвергли критике идею неизбежности гибели той или иной цивилизации (Сорокин, 1998). История в рамках цивилизационного подхода рассматривается как совокупность локальных историй этносов и народов, хотя и взаимодействующих, но имеющих каждый свою судьбу, энергетику и динамику развития. Цивилизация при таком подходе рассматривается не как этап общечеловеческой всемирной истории, а как культурно-исторический тип бытия этноса или народа. Так Н.Я.Данилевский, выдвинув теорию типологии культур, выделил десять самобытных цивилизаций: египетскую, китайскую, ассирийско-вавилонско-финикийскую (или халдейскую), индийскую, иранскую, еврейскую, греческую, римскую, романно-германскую (или европейскую). Этот подход был продолжен английским историком А.Тойнби (1991, 1996), выделившим помимо западной (римско-католической, протестантской) еще и православную (идущую

* Èññëääí äáí èÿí ðí äí äÿöñÿ í ðë ò èí äí ñí äí é í í äääðæéä ÐÔÔÈ, äðáí ò¹ 11-06-00196a è äðáí ò ÐÔÔÈ¹ 11-06-12023 í ò è-Ì -2011.

от Византии) цивилизацию. Понятие «степной цивилизации» в их типологии отсутствует. Тем не менее, если не исходить из оперяющегося на экономические отношения и промышленные достижения формационного или марксистского похода, связывающего понятие «цивилизация» с индустриальной экономикой, городской жизнью, а делать акцент на культурно-ценностной специфике и особенностях менталитета целого конгломерата народов населяющих, как ее называют Лев Гумилев и Олжас Сулеменов «Великую степь», то понятие «Степная цивилизация» представляется вполне уместным и эвристичным. Великая степь широкой полосой протянулась от восточных пределов Манчжурии и Монголии до степей Причерноморья и севера Крыма. Это область степной и полупустынной растительности и горных джалео. С юга ее ограничивает субтропический климат Китая и горные цепи (отроги Гималаев, Саян, Алтай, Тянь-Шаня). С севера Великая степь переходит в тайгу Восточной и Западной Сибири. Великую степь населяли множество народов (многие из которых канули в лету), принадлежащих к различным этносам, говорившим на разных языках и исповедовавших разные религии (шаманизм, буддизм Махаяны и тантрический буддизм, христианство нестереанского и монофизитского толка, ислам, старообрядчество, православие). Но, несмотря на различие языков, религий и этносов, народы Великой степи объединяла общность хозяйственной деятельности, связанная с отгонным животноводством, а также высокое взаимопроникновение культур и истории, в силу высокой подвижности, а значит, и взаимообмена культурными достижениями, кочевников. К высоким достижениям степной цивилизации можно отнести успехи в селекции и выведении породы монгольской лошади — выносливого неприхотливого животного, способного самостоятельно добывать зимой сухую траву из-под снега, и обеспечивающего экономическую основу всей степной цивилизации. Мобильность и неприхотли-

вость кочевников обеспечила им роль «кары Божьей» для многих оседлых народов. Гунны, выходцы из прибайкальской степи под предводительством Аттилы, наводили ужас на раннее христианскую Европу. К военным инновациям, обеспечившим в 12–14 веке завоевания огромных территорий от Китая и северной Индии, до Руси и Восточной Европы, относится изобретение дальнобойного клееного многосоставного лука, бывшего в те времена чрезвычайно эффективным оружием. На быстрых и вертких монгольских лошадях воины степных орд, ведомые наследниками Чингисхана, расстреливали стрелами одетых в тяжелые доспехи рыцарей Европы. Огромным цивилизационным (так сказать, гуманитарным и юридическим) достижением монголов, под предводительством Чингисхана, было создание правового и этического кодекса, называемого Великой книгой Ясса. По сравнению с современными на то время этико-правовыми нормами, это было огромное цивилизационное новшество, на мой взгляд, во многом обеспечившее успех образования огромной монгольской империи. Наряду с жесткой военной дисциплиной, связанной круговой порукой, это, прежде всего, веротерпимость и готовность принять в свою орду другие этнические группы, согласные подчиняться верховному хану. Как известно в столице монгольской империи Каракоруме сосуществовали и храмы самых разных религий. Степной цивилизации были присущи и определенные формы демократии. Так, в рамках степной демократии верховный хан избирался из потомков Чингисхана. Этим она выгодно отличалась, например, от принципа престолонаследия на Руси (от старшего брата к младшим), ведущего к раздробленности и взаимной вражде близкородственных властителей, и тем более, выгодно отличалась от престолонаследия исламских правителей, где смерть обладающего большим гаремом властителя, означала кровавую борьбу его сыновей от разных жен за власть, и, чуть ли не санкционированное обычаем, уничтожения

всех побочных родственных ветвей, пришедшем к власти новым властителем. Помимо ряда кодексов санкционирующих права чужеземца и купеческого гостя, кодекс Ясса ввел принцип неприкосновенности посла и жестоко карал его нарушение, обеспечивая тем самым возможность мирных переговоров и торговли.

Работами Тойнби, Л. Гумилева, О. Сулейменова достаточно убедительно показывается сложная социальная жизнь народов «Великой степи» и их весомое влияние (не только разрушительное) на исторические процессы Китая, Руси, Малой и Средней Азии и Восточной Европы, а так и несомненный вклад этих народов в мировую культуру.

В концепции техно-гуманитарного баланса А. П. Назаретяна (2004) показывается взаимовлияние технических возможностей цивилизации и сдерживающих, корректирующих поведение моральных ограничителей. Так возникновение мировых религий (осевое время по К. Ясперсу), произошедшее примерно в одно (по эволюционным меркам) время связано по Назаретяну, с переходом от бронзового к железному оружию. Дорогостоящее бронзовое оружие позволяло содержать малочисленных профессиональных воинов, тогда как появление, относительно дешевого железного оружия позволило формировать многочисленные армии вооруженного населения. Возросшие технические возможности войны могли бы привести к самоистреблению человечества, которому потребовались сдерживающие факторы агрессии в виде мировых религий, постулирующих единство людей по религиозному принципу. «Несть грека и иудея, а есть христианин». Геноцид как форма покорения у степных народов сменилась собиранием дани с подвластных территорий.

Я присутствовал, еще в советское время, на докладе Льва Гумилева, который проходил в здании института психологии Академии Педагогических наук, где люди стояли в проходах и почти висели в проемах окон, что бы послушать опаль-

ного, в то время, историка. Рассказывая о взаимодействии Золотой Орды с Русью, которое, по мнению Гумилева, было неким сложным симбиозом государственных образований и культур. Гумилев довольно убедительно доказывал, что вторжение (под именем монголы) народов Великой Степи в Европу было для Европы и России относительным благом, так как монгольская империя оградила собой возможную экспансию средневекового Китая, для которого геноцид по отношению к побежденным народам был нормой. Так ли это сказать трудно. История не имеет сослагательного наклонения и что бы было, если бы сын Чингисхана Хубилай не завоевал в тринадцатом веке Китай, и как бы шла мировая история при ином сценарии развития можно только строить гипотезы. (Что, тем не менее, чрезвычайно интересно и может быть одним из возможных, в духе Тойнби, исторических сюжетов исследований Евразийского мира). Обсудим, какие, на мой взгляд, возможны по этой тематике психологические исследования.

В тридцатые года прошлого века выдающийся отечественный психолог Александр Романович Лурия, в рамках культурно-исторической теории Льва Семеновича Выготского проводил кросс-культурные исследования познавательных процессов у дехкан Узбекистана, как проходивших обучение в школе и у не грамотных. Испытуемым предъявлялись изображения классических визуальных иллюзий, а так же просили высказать суждение на основе аристотелевых силлогизмов, типа: «На севере не растут арбузы; Город Н-ск находится на севере; Растут ли там арбузы?» Испытуемые прошедшие школьное образование, и тем самым овладевшие элементарными логическими приемами умозаключений, легко справлялись с требуемым заданием, в то время как не прошедшие его, в вынесении суждения по требуемому вопросу опирались на свой личный опыт: «Извини дорогой, я не был в городе Н-нск и не знаю. Я вот был в другом городе, но там арбузы не росли». Узбекские испытуемые

Лурии не решали силлогистических задач и не демонстрировали типичных, связанных с визуальной перспективой иллюзий. Идея влияния обучения и культуры на познавательные процессы, по мнению А.Р.Лурии, находила экспериментальное подтверждение. Молодой ученый радостно телеграфировал своему другу и коллеге Л.С.Выготскому: «у узбеков нет иллюзий». Из исследований Лурия, в частности следовало и очень важное положение об отсутствии рефлексии у народов традиционных культур по причине не обучения их логике, которая вкраплена, имплицитно присутствует в содержании школьного учебного материала. Заключение Александра Романовича поставил под сомнение мой старший, к сожалению уже умерший друг, Маджит Муканович Муканов (см. о творчестве М.М.Муканова — Дуйсенбеков, 2009). Он вырос в районе Аральского (ныне почти высохшего моря), на территории племенного объединения, так называемого Малого джуза, и русский язык полноценно освоил только тогда, когда был призван на фронт в армию. Он воевал во время Второй мировой на американском самолета Аэробон, который нам поставляли американцы по ленд-лизу. После войны он окончил пединститут и стал психологом. Будучи пытливым ученым и прекрасно зная традиционную культуру казахов, он увлекся этнопсихологией, издавал работы по проблемам познания, переписывался с Пиаже, общался с А.Р.Лурией, П.Я.Гальпериным, с Алексеем Николаевичем и Алексеем Алексеевичем Леонтьевыми, В.С.Мерлином, В.П.Зинченко, А.А.Брудным. Вообще, Маджит Муканович был прекрасным примером ученого интернационалиста. Глубокий знаток казахской кочевой культуры он начисто был лишен так называемого «казахбайства», столь распространенного среди чиновного люда Средней Азии. Он дружил с казахами, русскими, евреями, немцами и ценил в людях доброту и интеллект.

Муканов, изучая казахский фольклор: пословицы, поговорки, и так называемые «айтысы» — краткие рассказы судебных

прецедентов, пришел к выводу о том, что эти традиционные культурные малые формы несут в традиционном обществе функцию рефлексии, заменяя традиционную европейскую (Аристотелеву) логику. Рефлексия у традиционных народов, конечно же, есть, но в иных, отличных от форм современной цивилизации.

Другим ярким ученым, в своем творчестве затрагивающим психологию народов «Великой Степи», был Арон Абрамович Брудный. Его творчество не укладывается в сциентистские рамки обычной (по Куну) науки, предусматривающей выдвижение гипотез, их проверку, доказательств, выводы. Его творчество метафорично и он, скорее, пророк, переместившийся из ветхозаветного прошлого в наше суетное время. Основа его познания зиждется на способности бесстрашно погружаться в преисподнюю досознательного, мир архетипов, и давая им толкование, показывать нам диковинные глубинные сущности, всплывающие из глубины времени в мир нашего сознания во снах и в творчестве. В своей близкой к гениальности книге «Психологическая герменевтика» Брудный, говоря о психологии человечества, использует метафору Юнга. «Бескрайнее море. По нему плывут корабли, их бесчисленно много. Но это не флот — каждый корабль плывет своим курсом. Чем выше мы поднимаемся над морем, тем многочисленнее эти кораблики и тем синее, глубже бездоннее вода. Вот сущность великого открытия Юнга. Есть общий для всех людей пласт коллективного бессознательного, по которому, говорил он, — личное индивидуальное сознание плывет, как корабль». Прекрасная метафора, но ограниченная, как любая метафора, описывающая не знакомое через привычное. Сознание не просто плывет по волнам бессознательного, но его креативные идеи возникают именно благодаря контакту с до- и бессознательным. И Арон Абрамович как блистательный семиотик анализирует семантические структуры архетипического на материале их опредмечивания в сознании. Другая ипостась творчества А.А.Брудно-

го связана с его с его культуртрегенством, внедрением богатства русской и общеевропейской культуры в культуру «Степной цивилизации» Евразийского мира. Его блестящие эссе показывают как сеть смыслов, заложенных в человеческой культуре одухотворяют природу, создавая человеческий мир, мир человеческого бытия.

Изучение познавательных процессов включающих национальную культуру и религию в современной психологии только набирает обороты. В наших собственных исследованиях (Петренко, 2005) мы используем фразеологизмы национальных языков для построения семантических пространств, отражающих специфику менталитета и общественного сознания той или иной культуры. Фразеологизм через метафорический образ дает ту или иную характеристику в описании человеку или ситуации. Например, киргизский фразеологизм «джигит там, где светит солнце» близок к русскому «флюгер» и означает «приспособленца». «Наездник на хромой собаке» выражает крайнюю степень нищеты, а «побигушка у сироты» — предельно низкий социальный статус. Построение семантических пространств на материале национальных языков позволяет путем факторного анализа выявить повторяемые и, следовательно, значимые для данной культуры аспекты, а анализ образного ряда фразеологизмов реконструировать специфику визуального мышления данного этноса. В этом плане построение семантического пространства тувинских фразеологизмов представляется мне весьма перспективной задачей для психологической науки.

Широкий простор возможностей кросс-культурных сопоставлений жизни народов «степной цивилизации» дает экспериментальная психосемантика. Материалом нашего исследования служили поступки в предлагаемых обстоятельствах. Испытуемые — девушки различных национальностей оценивали вероятность свершения этих поступков ими самими, их матерью, когда она была в том же возрасте, идеалом девушки с

точки зрения общества, их собственным идеалом, типичной в данной культуре девушкой, отвергаемым ими образом девушки, девушкой 40 лет тому назад (образ прошлого), девушки через 20 лет (образ будущего) и образами типичной девушки ряда других национальностей. Полученные матрицы данных обрабатывались с помощью факторного анализа, и строилось семантическое пространство поступков, в котором размещались описанные выше образы (или ролевые позиции в терминах Дж.Келли). То есть мы получали представления о стереотипах поведения принятых в той или иной культуре. При этом сопоставление семантических пространств поступков у различных этносов позволяло оценить меру сходства (количественно выраженную), близости различных национальных культур друг к другу. В этом плане изучение стереотипов поведения тувинцев в сопоставлении с другими этносами позволит провести чрезвычайно интересный анализ влияния факторов истории, специфики жизнедеятельности, языка и религии на межличностное поведение и картину мира этноса. Так этнически, как тюрки, тувинцы наиболее исторически и по языку близки к кочевникам средней Азии (казахам, киргизам), но по религии буддизма к бурятам, а совместная государственная общность и распространенное среди тувинцев двуязычие и сближает их с русскими. Как в научно-психологических, так и в социально-политических целях было бы очень полезно провести сопоставительное психосемантическое исследование этих этносов, оценив меру их психологической близости, а также сопоставить с рядом живущими народами китайцев и монголов. Такое объемное психосемантическое культурно-сопоставительное исследование менталитета тувинцев, бурятов, киргизов, русских, монголов и китайцев внесло бы весомый вклад в мировую этнопсихологию. В основе исторического китайского менталитета лежит принцип У-вей (принцип «недеяния»), охватывавший практически все главные аспекты

жизнедеятельности человека. «Недеяние» означает не пассивное бездействие, а следование естественному порядку мира, стремление минимально вмешиваться в этот порядок» (Степин, 2001, с. 21). Менталитет европейского человека (включая и русский этнос), напротив, ориентирован на изменения, на активное преобразование среды обитания и экспансивную производственную деятельность. По мысли М.Вебера, протестантизм мостил дорогу капитализму. Да и один из самых ярких европейских мыслителей К.Маркс, призвал своих последователей не описывать мир, а изменять его, что и имело в мировой истории и истории множества стран самые драматические последствия. Возникает вопрос чему ближе тувинцы — традиционной китайской ментальности (при понимании того, что и она значительно трансформировалась в свете экономических преобразований современного Китая) или активно-преобразовательному менталитету, ориентированному на трансформацию и изменение. В рамках собственного наблюдения могу сослаться на разговор с шаманкой Аль Чурек, которая выразила негативное отношение к потенциально возможной добычи природных ископаемых в Туве. Рудные жилы — полагает она — подобны нервам природных горных массивов, и нельзя вторгаться в живую природу. Понятно, что такое мифо-поэтическое мироощущение противоречит предпринимательской активности, но несет в себе природоохранную идею, идеологию гармонии с природной средой. Будущее развитие экономики Тувинской республики должно не противоречить национальному менталитету, который, конечно требует своего психологического изучения, и, исходя из его особенностей, следует развивать те или иные формы. Например, делать в развитии экономики на экологический туризм, на экономику восстановления здоровья на основе буддистской и европейской медицины, на конный туризм и иппотерапию (терапию с помощью лошади). Уникальная природа Ту-

вы, Великий Енисей при психологически правильно поставленной рекламе может привлечь туристов из самых разных концов света. Это в свою очередь даст экологически чистые формы трудовой деятельности и создаст рабочие места, что, в свою очередь, поставит проблему толерантности и терпимости местных жителей к приезжим туристам. Конечно, я сейчас набросал только один из возможных путей экономического развития. Но любые формы развития требуют предварительного анализа психологического статуса населения.

Другой методический ход анализа менталитета населения и изучение сходства этносов через сопоставление присущих им психических состояний предложен в работах А.Прохорова (2007). Предложенные им проективные методики позволяют определять доминирующие психические состояния присущие тому или иному этносу (мечтательности или тревожности, агрессии или созерцательности, уныния или жизнерадостности и т.п.).

Иной аспект изучения менталитета народа «степной цивилизации» и уже бурятов, тувинцев и калмыков, связан с влиянием на их культуру философии и религии буддизма. И это — одна из тем нашей конференции: «Психология религий и многообразие культурных влияний в Туве (шаманизм, буддизм и православное христианство)». Буддизм, практиковавший традиции философских дискуссий, выработал свою особую буддистскую логику, которая не могла не повлиять на особенности мышления людей исповедующих эту религию, а в особенности, на менталитет духовенства (лам). Исследования специфики буддистской логики уже имеются в отечественной и зарубежной философской и филологической литературе. Психологические же исследования в духе гипотезы лингвистической относительности Сепира и Уорфа о влиянии языка (а мы бы добавили и религии, как задающей имплицитную логику ментальных конструкторов) на познавательные процесс еще ждут своих ис-

следователей. В наших собственных исследованиях я в настоящее время строю кросс-конфессиональное семантическое пространство различных религий (Петренко, Ярцева, 2003), где на основе фрагментов сакральных канонических текстов строится пространство религиозной мысли человечества и внутри него находится место каждой конкретной религии (в частности, представленные в Туве шаманизм, буддизм, старообрядчество и православие). Широкой областью возможных психологических исследований в рамках проблематики «степная цивилизация» является изучение шаманизма. Хотя в отечественной психологии имеется достаточно богатая литература, описывающая шаманизм, она представлена в основном культурологическими работами, посвященными описанию обрядов и реконструкцией картины мира в шаманизме, описанию мифологических путешествий в нижние и верхние миры. Психологические же механизмы суггестивного воздействия шамана на присутствующих при камлании, изменение его собственного сознания при вхождении в транс, уровни и формы трансового состояния практически не изучены. В то же время в современной трансперсональной (в основном американской) психологии в работах С.Грофа, Ч.Тарта, Дж.Менделла, Р.Фрейджера, К.Уилбера проводятся активные изучения измененных форм сознания, вхождения в транс как с помощью психотропных веществ, так и (после запрещения американским законодательством использования ЛСД) с помощью различного рода дыхательных техник и медитативных установок. Создателем и первым главным редактором журнала «Трансперсональной психологии» был Абрахам Маслоу, лидер гуманистической психологии. В практике и теории представители трансперсональной психологии опираются на опыт психопрактик шаманизма, буддийских медитаций, суфийских зикров (способов вхождения в трансовые состояния через танец). Так, что современная (пока в основном только западная), психология ак-

тивно использует при работе в области психотерапии, космической медицины, патопсихологии, психологии искусства и творчества, опыт традиционных восточных психопрактик, получивших широкое распространение и сохранившихся в рамках «Степной цивилизации». Кстати, и проблематика «сверходаренности» заявленная в рамках нашей конференции также связана с проблематикой измененных состояний сознания, с движением от хаоса к новым когнитивным структурам — аттракторам (Пригожин, Хакен, Степин). Проблематика искусства, также в своей основе базирующаяся на бессознательном и архетипах, тесно связана с проблематикой трансперсональной психологии. Как мне рассказал один бурятский депутат российской государственной Думы, великий художник, мыслитель и создатель абстрактной живописи В.Кандинский имел в своем роду бурятские корни и, по видимому, принимал участие в камланиях. Опыт трансовых состояний сознания, возможно и объясняется его потрясающее мироощущение, не выразимое в рамках конфигуративной живописи и потребовавшее создания нового художественного языка. Стоит, конечно, упомянуть и влияние родственного трансперсональной психологии психоанализа З.Фрейда на искусство сюрреализма, абсурдизма, неореализма. В российской федерации, хотя и ограничено, тем не менее, представлено направление трансперсональной психологии, прежде всего работами В.В.Козлова и В.В.Майкова. Создана ассоциация Российской Трансперсональной Психологии и летом 2010 года она провела Международный конгресс трансперсональных психологов, куда приехали около полутора тысяч, большей частью иностранных участников, включая звезд мирового уровня. Необходимо хорошо усвоить и современные работы по трансперсональной психологии, чтобы осмыслить шаманские или буддийские психотехники в контексте концептуального аппарата современной психологии.

Литература

1. Брудный А.А. Психологическая герменевтика. — М., 1998. 336 с.
2. Гумилев Л.Н. От Руси до России. — СПб., 1992.
3. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. — Л., 1990.
4. Данилевский Н.А. Россия и Европа. — М., 1991.
5. Дуйсенбеков Д.Д. М.М.Муканов как основатель казахстанской психологической школы и создатель историко-этнической концепции соотношения рассудочной и мыслительной деятельности человека // Методология и история психологии. 2009. Вып. 2. С. 160–167.
6. Кобзев А.И. Категории и основные понятия китайской философии и культуры // Универсалии восточных культур. — М.: Восточная литература, 2001. С. 220–243.
7. Козлов В.В. Интегративная психология: Пути духовного поиска, или освящение повседневности. — М.: Психотерапия, 2007. 528 с.
8. Майков В.В., Козлов В.В. Трансперсональная психология: Истоки, история, современное состояние (монография). — М.: АСТ, 2004. 603 с.
9. Митина О.В., Петренко В.В. Кросс-культурное исследование стереотипов женского поведения (в России и США) // Вопросы психологии. 2000. № 1. С. 68–87.
10. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. Синергетика, психология, прогнозирование. — М., 2004.
11. Сулейменов О. Эссе, публицистика, стихи, поэмы. — Алма-Ата: Жалын, 1989.
12. Сравнительное изучение цивилизаций. — М.: Аспент пресс, 1998.
13. Степин В.С. Мироззренческие универсалии как основания культуры // Универсалии восточных культур. — М.: Восточная литература, 2001. С. 14–41.
14. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. — СПб., 2005.
15. Петренко В.Ф., Кучеренко В.В. Медитация как непосредственное познание // Методология и история психологии. 2007. № 1. С. 164–190.
16. Прохоров А.О., Ларионова И.Г. Этнокультуральная идентичность и саморегуляция психических состояний (на примере русских и татар) // Психологический журнал 2007. № 6. С. 59–68.
17. Сорокин П. Общие основы цивилизационной теории и ее критика // Сравнительное изучение цивилизации. — М.: Аспент Пресс, 1998.
18. Сунь-Цзы. Общество и война в древнекитайской мысли // Сравнительное изучение цивилизации. — М.: Аспент Пресс, 1998.
19. Тойнби А.Дж. Постижение истории. — М., 1991.
20. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. — М., 1996.
21. Шпенглер О. Закат Европы. — М.: Эксмо. 2007.
22. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Сравнительное изучение цивилизации. — М.: Аспент Пресс, 1998.

Petrenko V. F. A steppe civilization as a part of the Euroasian world

This article explores the various approaches to «steppe civilizations, history of foreign and Russian studies in philosophy and cultural scientists, as well as the effects of different religious systems at its formation.

Keywords: civilization, culture, philosophy, shamanism, Buddhism, Christianity.

Минеева О.А., Лидерс А.Г.

ФАМИЛИСТИКА. ОБЗОР НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СЕМЬЕ

Эволюция наук о семье

Семья как бы вплетена в коренные основы жизнедеятельности и образует базовые предусловия функционирования социума путем физического и социокультурного замещения поколений благодаря рождению детей и поддержанию существования всех членов семьи. Без этого воспроизводства населения и социализации потомства невозможно восполнение всех социальных образований, обеспечение социальной жизни.

С другой стороны, индивидум всегда является частью своей семьи, он в ней возник, развивался внутри нее, судит о мире и людях на основании своего опыта в семье. Это главная составляющая их идентичности; даже если семейные корни глубоко зарыты под слоями образования, адаптации, новых межличностных связей, они по-прежнему влияют на чувства и поведение.

Именно поэтому исследователю бывает трудно сохранить объективность оценки в семейных исследованиях. Даже в социологии, рассматривающей семью как объект строгой науки, исследователи отмечают: «Индивидуальный опыт семейной жизни самого ученого в еще большей степени, чем неискренность и самозащита респондентов, препятствует беспристрастному изучению семейных отношений. Социолог всегда рискует стать сторонником тех теорий, в которых отражен привычный ученому семейный образ жизни» (Антонов, 1998, с. 10).

Знакомство с различными моделями семьи, семейной нормы, выработанными в рамках разных наук и подходов, по мнению авторов, поможет достичь более глубокого понимания моделей семьи, на которых базируется психология семьи и

практика семейной психотерапии. Поэтому мы приводим в обзоре не только общую картину развития наук о семье, но и отдельные, наиболее значимые фамилистические теории и классификации моделей семьи.

Формально не существует единой науки под названием Фамилистика. Этим термином объединяется разнообразие наук и подходов, изучающих семью, таких как психология семьи, микросоциология и социология семьи, антропология и культурология, политология, историография семьи. Эти науки различаются не только методами, они не имеют единой парадигмы, понятийного аппарата и единого определения самого объекта изучения, семьи. Описания семейной жизни, историй семьи мы встречаем уже начиная с самых древних литературных источников. Но в 19 веке семейный быт становится предметом науки, предметом специального изучения этнографов, историков и фольклористов.

В развитии фамилистики можно выделить несколько этапов:

1. Первый этап — с античности до середины XIX века. В этот период доминировали чисто умозрительные представления о семье. Основной формой признавалась моногамная семья. Ее считали миниатюрным прообразом общества, а само общество понималось как разросшаяся вширь семья.

Идея того, что семейные отношения (между родителями и детьми, между мужем и женой) служат моделью отношений политических и определяют отношения индивидуума к власти, — сквозная теория, разделяемая мыслителями от Конфуция до Руссо, от Аристотеля до

Фрейда. При этом рассматривалась только одна форма семьи — та, что существовала в непосредственном окружении мыслителя. Имплицитно Конфуций воспроизводит китайский тип, Руссо — доминантную форму Парижского региона или отдельных кантонов Швейцарии, Фрейд — немецкую модель, а Аристотель — античную форму института семьи.

Наиболее явно точка представления о семье в этот период проявились в форме утопий. Определяющее влияние на идеи утопии имел Платон. В его идеальном государстве моногамная нуклеарная семья, а также детско-родительские отношения отменяются как вредные для государства. Утопические построения эпохи Ренессанса (16–17 вв.) (Кампанелла, Ванини, Гассенди), а затем и системы утопистов 19 в. (Ш.Фурье и Р.Оуэн) тесно связаны с идеями Платона, находясь под их непосредственным влиянием. Интересно отметить принижающее негативное отношение к детям в этих системах. Направление, восходящее к Томасу Морю противостоит Платону. В центре утопии находится патриархальная семья-клан во главе с отцом и матерью. Нуклеарная (малая) семья не выделяется. Глава клана отвечает за воспитание и образование детей. Власть принадлежит старшему поколению до физической смерти, женатые сыновья подчиняются отцу. Вместе с тем большое значение придается чувствам, отношениям, состояниям отдельного человека.

Таким образом, нуклеарная семья, как малая группа, играющая роль медиатора между индивидом и государством отрицалась всеми утопистами. Различаются они, главным образом, тем, что ставится во главу угла: свобода или порядок и что является целью, благо человека или благо государства.

Впервые о важной роли семьи для индивида и общества заговорил О.Конт, родоначальник социологии (1798–1857). Он ввел в обращение сам термин *социология* в своем труде «Курс положительной философии» как определение позитив-

ной социальной науки. Позитивная наука для Конта, это наука, которая занимается явлениями, как они нам даны, и их упорядоченными связями, которые могут быть обнаружены в ходе эмпирического исследования. Образцом такой науки может служить классическая физика. Этой же модели в изучении социума должна следовать социология. Конт первоначально даже употреблял термин *социальная физика* (Конт, 1900). Он настаивал на том, что социальные факты могут изучаться столь же объективно, как и природные явления и утверждал, что развитие социологических знаний открывает возможности для разработки социальных технологий для решения социально-политических проблем.

Существенно, что для Конта впервые общество не являлось объединением индивидов, но напротив не могло быть сведено к индивидам. С целью анализа общество может быть разбито только на группы. Базовым элементом, группой, является семья.

2. Второй этап развития фамилистики — с середины XIX века до начала XX века. В этот период тон в изучении семьи задавали антропологи и этнографы. Они опирались на широкий эмпирический материал, собранный в ходе полевых исследований и наблюдений примитивных обществ, а также в ходе сравнительно-исторического анализа. Умозрительные схемы уступили место конкретным фактам. Антропологические понятия, сохранившие свое значение до сегодняшнего дня, формируют понятийный аппарат будущей социологии семьи. Активно изучаются различные системы родства. С помощью таких данных, реконструируя формы приветствий, обнаруженных в ежедневных докладах членов семей в Азии, Америке и Австралии, М.Морган смог реконструировать тип экзогамного клана. Труд Л.Моргана (L.Morgan, *Ancient society*. London, 1887, 560 p; в рус. перев. «Первобытное общество», 1900), оказал существенное влияние на развитие социологии семьи, особенно ее мар-

ксистского варианта. Работа Ф.Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884) целиком основана на работе Л.Моргана.

Теоретическая дискуссия разворачивается по вопросу о соотношении патриархата и матриархата, моногамного и группового брака. Классический труд швейцарского историка права Иогана Якоба Бахофена (Bachofen, 1815–1887) «Материнское право» (*Mutterrecht*. Stuttgart, 1884, 259 p.) положил начало изучению истории семьи и проблемы матриархата. Он предположил, что моногамному браку предшествовали полигамные отношения между полами, а патриархату — период главенства женщин в жизни первобытного рода. Теория матриархата подверглась критике со стороны приверженцев теории патриархата, последняя стала господствующей в науке.

Независимо от И.Баховена к открытию материнского права пришел шотландский адвокат Дж.Мак-Леннан (1827–1881). Рассматривая развитие семейной организации, он ввел в науку такие фундаментальные понятия, как эндогамия и экзогамия. По схеме Мак-Леннана, семья прошла в своем развитии три ступени — от промискуитета через материнское право к отцовскому праву (Mac Lennan *Studies in ancient history*. London, 1886, 387 p.).

Представление о групповых формах брака было свойственно и Дж.Леббоку (Lubbock, *Origines de la civilisation*, 1834–1913), который рассматривал «общинный» и «коммунальный» брак как самую раннюю форму брачных отношений. Из нее через похищение женщины возникла экзогамия.

Антропологический подход к изучению форм и функций семьи имеет целью объяснение особенностей развития человеческой цивилизации в целом. Социология семьи, зародившаяся в конце XIX века, перешла к изучению социального мира через взаимосвязь личного и общественного сквозь призму семейно-

го посредничества: восприимчивость социальной системы к устремлениям личности и, наоборот, личности к интересам общества зависит от обоюдного учета ими потребностей семьи как целого. Исследование посреднической роли семьи и образует специфику социологического подхода к изучению семьи. Начало собственно социологическому направлению в изучении семьи положила работа Э.Дюркгейма (Emile Durkheim) «*Introduction a la sociologie de la famille*». («Введение в социологию семьи», 1888). Дюркгейма наряду с Ф.Ле Плэ считают первооткрывателем исследования семьи. Работы этих авторов подробно рассматриваются ниже.

Следует отметить, что в глазах большинства западных мыслителей XIX века семья была реакционным институтом, «школой деспотизма». Это убеждение в социально-репрессивной роли семьи перешло по наследству к психоанализу. В то же время российские социологи считали семью структурой, защищающей личность от государства. Так Н.К.Михайловский (1842–1904) полагал, что идеальная семья гарантирует благополучие и самостоятельность личности (И.А.Голосенко, В.В.Козловский. История русской социологии семьи XIX–XX вв. М., 1995). М.М.Ковалевский (1851–1916), изучавший малые семьи, появляющиеся после распада больших домохозяйств, писал: «Семья — великая школа альтруизма, которая спасет мир» (М.М.Ковалевский. «Очерк происхождения и развития семьи и собственности». СПб., 1895, с. 118). Питирим Сорокин (1889–1968), рассматривая кризис современной ему семьи, как ослабление связи родителей и детей и распад хозяйственного союза, говорил о негативном влиянии вмешательства государства в дела семьи.

3. Третий период — первая половина XX века — назван Г.Кристенсенем (редактор сб. «Антология по браку и семье», 1967), периодом «спонтанной науки». В социологии семьи появляется большое

число умозрительных работ о роли семьи, и одновременно накапливаются эмпирические данные о стадиях, формах и типах брачных отношений (выбор супруга, развод и т.д.). В это же время продолжается активное развитие антропологии и этнографии. С 1932 года в США начинаются исследования Маргарет Мид, этнографа, предложившей ряд гипотез на стыке наук (этнографии, антропологии, биологии, психологии, социологии) о природе родительских чувств, происхождении материнской и отцовской ролей, формировании идентичности ребенка в семье и др. (М.Мид. *Культура и мир детства*. М., 1988).

Во Франции в 1945 году создается Национальный институт демографических исследований (INED) при министерстве социальных дел Франции, являющийся сегодня одним из главных центров по изучению семьи. В 1946 году институт начал издавать журнал «Population», публикующий исследования по проблемам населения и семьи, но семья как целостность занимает мало места в этих исследованиях.

В первой половине 20 века появляются первые работы психоанализу. Теория личности З.Фрейда заложила основу для понимания психодинамических процессов, происходящих в семье, что позднее, сложившись с теорией субъектных отношений и теорией систем, дало жизнь, соответственно, психодинамическому подходу к семье и теории Боуэна. Классический психоанализ не рассматривал семью как целое, но вывел происхождение эмоциональных проблем индивида из нарушений детско-родительских отношений в его прошлом. В конце этого периода (между 1940 и 1950 годами) в русле психиатрии появляются первые работы, рассматривающие пациента в его семейном контексте. С этого момента исследования функционирования семьи стали приобретать все возрастающее значение. Первые работы были сфокусированы на «патологической» матери и «неадекватном» отце, когда были введены

понятия «шизофреногенной матери», «гиперпекающей матери», «симбиотических отношений». (Г.Зак и Д.Рубенс, 1980).

Производилась редукция семейной динамики к особенностям индивидуумов. Тем не менее, это можно считать началом психологии семьи и семейной психотерапии.

4. Четвертый период — с середины XX века до настоящего времени — период активного развития психологии семьи. В социологии этот период характеризуется планомерным построением теории и столь же планомерной организацией эмпирических исследований. Г.Кристенсен назвал его «периодом самосознания».

В этот период Т.Парсонс сформулировал функциональный подход к семье, как к социальному институту, обращаясь, прежде всего, к ее функции воспитания ребенка, в то время как внешние функции семьи отбираются у нее другими институтами общества (Т.Parsons. *The structures and Functions of the Nuclear Family*. NY, 1959). Согласно Парсонсу, семья — подсистема общества, обеспечивающая стабильность социума в целом благодаря установлению «инструментальных» отношений с другими социальными подсистемами и структурами, а также «экспрессивных» отношений внутри самой семьи.

Другое направление, микросоциология семьи, концентрируется на взаимодействиях членов семьи в различных социальных и семейных ситуациях, на организации семейной жизни и факторах устойчивости семьи как группы. В наибольшей мере развитию этой традиции способствовали взгляды Э.Берджесса (Президент американского национального совета по семейным отношениям, 1886—1966) на семью, как «единство взаимодействующих личностей». (А.И.Антонов, 1998).

К семидесятым годам 20 века американская социология семьи раздробилась на множество самостоятельных направлений и математических областей. В те-

чение 1974–1975 гг. около 50 ученых из 25 университетов США приняли участие в крупном проекте — создании единой системы объяснительных теоретических моделей функционирования семьи. Участники проекта выделили 24 сферы изучения семьи: семейная коммуникация, ролевое напряжение и конфликт, структура власти в семье, молодая семья, неполная семья и др. По расчетам специалистов, в США социология семьи включает несколько десятков тысяч работ. Наиболее известными специалистами в области социологии семьи в США являются И. Най, Л. Коттрелл, У. Гуд, К. Девис, У. Берр, Р. Хилл, Г. Кристенсен, И. Ранте.

Во Франции интерес к феномену семьи вспыхнул в конце 60-х. «Молодежные бунты», призывавшие к ломке старых взаимоотношений полов и морали, феминистское движение, столкнулись с консервативным социальным институтом семьи и высветили проблемы, которые раньше оставались в тени. Появилась необходимость в комплексном изучении эмоциональной, внутренней жизни семьи, а также определению ее роли в обществе.

Заметное влияние на дальнейшее изучение вопросов, связанных с семьей и детством, оказали работы Ф. Ариеса, особенно «Ребенок и семейная жизнь при старом режиме» (Aries Ph. *L'enfant et la vie familiale sous l'ancien regime*. P., 1960; Aries Ph. *The family*. Cambridge, 1977), хотя сами эти работы обращены к прошлому Франции. Автор не только рассматривает темы детства, отношения взрослых к детям как самостоятельные проблемы исторической антропологии, но и как составные части общей картины мира, параметры коллективного сознания. Ф. Ариес демонстрирует изменчивость восприятия феномена детства общественным сознанием в разные исторические периоды. Он выдвигает тезис о сравнительно недавнем существовании детства, как особой социально-психологической категории (И. С. Кон. *Ребенок и общество*. М.: Наука, 1988, с. 7–11).

Начиная с работ Ле Плэ, французской фамилистикой накоплен большой материал по демографии и функционированию семьи различных народов мира в различные эпохи, служащий основой работ сравнительного характера. Например, две монографии под одинаковым названием «История семьи» (*Histoire de la famille/sous la dir. De A. Burgiere*. P., 1986; *Histoire de la famille/sous la dir. De J. Goody*. P., 1986), а также работа Л. Русселя («*La famille incertain*» P.: Editions Odile Jacob, 1989). Существенный вклад во французскую социологию семьи внес также Ф. Де Синьи. Взгляды этих авторов будут подробно рассмотрены ниже.

Французская фамилистика в целом испытывает значительное влияние социологии. Поэтому в ней доминирует понимание семьи как домохозяйства (*la maison*), группы людей, живущих в одном доме (*groupe domestique de coresidence*). Отсюда сфокусированность исследований, проводимых на основе анкет INED, на структуре семьи и родства, формах наследования. Брак при этом, в первую очередь, инструмент трансмиссии семейной собственности и семейных ценностей, традиций, воспроизводства семейной социальной группы. Характерной чертой французской фамилистики является также малое внимание к роли женщины. Так впервые только в 1999 году опрос INED по теме «Истории семей, семейные истории» коснулся женщин, а не только мужчин. (Опрос проводился с 1999 по 2004, статья по его материалам «Конец традиционной модели семьи?» опубликована на сайте INED (Claire Sassonia. *Vers la fin du modele familiale traditionnelle?* www.ined.fr, 13/04/2005)). Эта тенденция характерна для работ многих французских исследователей семьи (Ле Плэ, Э. Тодд, Леви-Стросс).

В СССР социологические исследования семьи особенно активно проводились с середины 60-х годов. За период с 1968 по 1983 г. в стране опубликовано более 3 тыс. работ по семье. Наибольшее

число работ посвящено вопросам репродуктивного поведения, совмещения профессиональных и семейных ролей работающих женщин, распределению власти и обязанностей в семье. Значительный массив данных введен в научный оборот Всесоюзным исследованием репродуктивных установок, проведенным в НИИ ЦСУ в 1969 г. В начале 80-х годов усилилось внимание специалистов к образу жизни семьи, эмоциональным отношениям супругов, конфликтам, распределению обязанностей, отношениям власти и авторитета, государственной помощи семье (включая деятельность служб семьи и семейных консультаций), теоретическим и методическим проблемам, молодым семьям, воспитанию детей в неблагополучных семьях, сексуальному и добрачному поведению. Одновременно сократилось количество публикаций по правовым аспектам брака, репродуктивным функциям семьи, профессиональной деятельности женщин. В начале 90-х годов наиболее популярными темами стали проституция, девиантное поведение, дети-сироты, самоубийства, наркомания, гомосексуальное поведение, нравственная подготовка к семейной жизни, городская многодетная семья, до- и после-разводная ситуация, женщины-предприниматели.

Наиболее крупный вклад в развитие социологии семьи внесли: Г.Харчев (теория), М.С.Мацковский (методология и методика), А.Н.Антонов (рождаемость), В.Сысенко (устойчивость брака), И.С.Голод (стабильность семьи), В.А.Борисов (потребность в детях), Д.Я.Кутсар (качество брака), Н.Г.Юркевич, М.Я.Соловьев, С.С.Седельников (мотивы и причины развода), Л.Гордон, Э.Клопов (жизненный цикл семьи), И.А.Герасимова (демографическая типология семей), В.Л.Ружже (типология семейных групп), Г.А.Вишневский (исторические типы рождаемости), И.В.Бестужев-Лада (прогнозирование семьи), А.Г.Волков (ожидаемая продолжительность брака), Н.В.Малырова (типология супружеских

конфликтов), Т.Ж.Гурко (молодая семья), Э.К.Васильева (типология видов жизнедеятельности семьи), В.Б.Голофаст (функции семьи), И.С.Кон (сексуальное поведение, социализация, взросление, этнография детства), З.А.Янкова (городская семья) и другие.

В психиатрии с 1950 до начала 60-х интерес с индивида сместился на отношения в «патогенной семье». Были описаны диады (главным образом мать-ребенок), затем треугольники (родители — проблемный ребенок), затем отношения 4 членов семьи (2 родителя, 2 ребенка) и, наконец, семья в целом.

Особенно много исследователи занимались семьей шизофреника.

В 1956 Грегори Бейтсон и его сотрудники из департамента социологии и антропологии Стэнфордского университета в Паоло Альто, Калифорния, базируются на теории логических типов Б.Рассела, развили новую теорию шизофрении, которая понималась как «единственная форма выживания в семье со специфически измененной коммуникацией». В ходе этого исследования, начатого в 1952 году, был разработан известный концепт двойной петли (double bind), объясняющий патогенную роль семьи. В семье, то есть в рамках продолжительных интенсивных отношений, жизненно важных для идентифицированного пациента в настоящее время, происходит коммуникация, в которой два неконгруэнтных послания передаются одновременно и на разных логических уровнях; получатель этого парадоксального послания не может ни выйти из области, задаваемой перегруженной коммуникацией, ни принять, ни избежать коммуникации, ни потребовать прояснения.

Д.Джексон, организовавший позднее (в 1959) знаменитый Институт ментальных исследований в Паоло Альто, в январе 1954 представил важный доклад «К вопросу о семейном гомеостазе» (76). Он определил семью как гомеостатическую систему, то есть как общность, поддер-

живающую свое внутреннее равновесие за счет авторегуляции.

В начале 50-х М.Боуэн (22) был одним из первых, кто стал рассматривать семью как целое. Он считал, что эмоциональный симбиоз матери и идентифицированного пациента является только частью более общего «эмоционального слияния», включающего и других членов семьи. В 1959 году появилась фундаментальная работа Дж.Хейли (70), который описал семью как систему, управляемую законами. С этого момента и по настоящее время психология семьи развивается по многим направлениям.

Во Франции семейная психология существует как производное от психологии развития, где семья интересует исследователя как социализирующая среда или как патогенная (Ж.Пуссен). На формирование психологии семьи оказывает влияние также системная семейная психотерапия, которая была привнесена из США. Последняя представлена, главным образом коммуникативным направлением (школа П.Вацлавика) и структурным (подход Б.Хеллингера). Психотерапевты психоаналитического направления рассматривают, прежде всего, взаимодействие мужчин в семье, особенности роли отца.

Подробный обзор литературы по психологии семьи будет дан ниже.

Эволюция отечественной семейной психологии подробно проанализирована в книге А.Г.Лидерса, «Психологическое обследование семьи». М.: Академия, 2006, с. 34–40.

Автор выделяет следующие этапы развития семейной психологии:

Нулевой этап, педагогический — предыстория семейной психологии, до середины 70-х годов XX века. Существуют педагогические подходы к семье как агенту воспитания и социализации. Нет никаких методик эмпирического исследования семьи.

Первый этап — клинико-психологический. Он и начинается с начала-середины 70-х годов прошлого столетия до

1980 г. Семейной психологии как науки и сферы практики все еще нет. Но в недрах психиатрической и психотерапевтической клиники возникает и укореняется подход к семье как психогенному фактору в генезисе неврозов, психотических и невротических состояний и акцентуаций характера, с одной стороны, и как к среде реабилитации психически больных, с другой.

Второй период — социально-психологический. С 1980 г до начала-середины 90-х годов.

В 1980 году сразу в нескольких городах тогдашнего СССР *открываются первые семейно-психологические консультации* для населения. Их появление — не заслуга психологии, клиники или социологии, а скорее следствие попытки семейно-политической «интервенции» государства: необходимо было уменьшать разводимость и повышать рождаемость в нашей стране.

Семейную психологию как сферу практики, инструментарий психологического обследования семьи, начинают разрабатывать социальные и общие психологи и социологи. Рядом с ними работают индивидуальные психологи консультанты, постепенно к ним присоединяются возрастные психологи, клинические психологи и специальные психологи.

В 1989 году выходит книга «Семья в психологическом консультировании» [Бодалев, Столин, 1989], а в 1994 — «Семейное и индивидуальное психологическое консультирование» [Алешина, 1994], которые подводят итоги периода, но не конституируют новую отрасль психологии — психологию семьи, оставаясь в предмете *консультативной психологии*.

Однако семейное консультирование как таковое оказалось невостребованным. Практическая — то есть помогающая — психология в нашей стране, возникнув во многом именно как семейная практическая психология в самом начале 80-х годов, уже к концу 80-х — началу 90-х годов стала отождествляться со

школьной практической психологией. Школьный психолог стал образом практического психолога.

Третий этап — системно-семейно-психотерапевтический. С начала-середины 90-х годов до 2001—2002 года. Создание в середине 90-х годов Общества семейных психотерапевтов и консультантов (председатель А.Я.Варга) с его долговременными обучающими программами возродило психологическую практику по отношению к семье на новом уровне. Ядро общества составила группа психологов и врачей, подготовленных как семейных системных терапевтов в 1991—1996 годах Ханой Вайнер, в настоящее время вице-президентом Международной ассоциации семейных психотерапевтов (IFTA). Именно они взяли за обучение следующих поколений системных семейных психотерапевтов. Понятия системной теории семьи Боуэна, циклическая модель Олсона, генограмма, системный тест Геринга, и другие достояния системной семейной психотерапии (в широком смысле, то есть как объединяющей множество рядом развивающихся концепций семейной психотерапии) стали господствующими и хорошо работающими.

Системная семейная психотерапия оказала влияние и на другие слои этой сферы — на клинический и досистемно-психотерапевтический, на психологический, в котором активизировались возрастные психологи, и др. Рядом с системной семейной психотерапией в нашей стране стали возникать и крепнуть альтернативные подходы — интегративная семейная психотерапия, гештальт-подход в работе с семьей, идеология семейных расстановок, семейная психодрама, нарративные подходы и пр.

Четвертый этап, современный, согласно А.Г.Лидерсу, этап — это собственно этап постепенного конституирования семейной психологии как отдельной области психологического знания со своим предметом изучения (онтологией), специфическими методами, частными

теориями и пр. Исследовательские (диссертационные) работы по психологии семьи все чаще рассматривают *семью как целостность*, развивается *психология родительства (материнства, отцовства)*.

Основной вклад в развитие российской психологии семьи и семейной психотерапии внесли: Л.Я.Гозман (социальная психология семьи), А.Я.Варга (Председатель общества семейных консультантов, воспитала целую школу семейных психотерапевтов; особенности российской семьи), Е.Ю.Алешина (семейное консультирование), Э.Г.Эйдемиллер и В.Юстицкис (семья с проблемным ребенком, диагностические методики), Ю.Б.Гиппенрейтер (детско-родительские отношения, гуманистический подход) А.В.Черников (автор первой монографии по системной семейной терапии, руководитель обучающей программы Института групповой и семейной психологии и психотерапии), О.А.Карабанова (детско-родительские отношения, социализация ребенка в семье, разработка курса психологии семейных отношений для студентов МГУ), Г.В.Бурменская (консультирование семьи, детско-родительские отношения, влияние типа привязанности на дальнейшее развитие личности), А.И.Подольский (влияние стиля воспитания и эмоционального статуса родителей на эмоциональный статус подростка), Е.И.Захарова (внутренняя позиция родителя, характер семейного взаимодействия), А.Г.Лидерс (семья как психологическая система, методы диагностики), Т.Ю.Гаврилова (консультирование семьи с ребенком, нарушения поведения), В.К.Шабельников (семья как детерминирующая системы развития личности), А.З.Шапиро (гуманистическая семейная психотерапия, семейные отношения), Б.Ю.Шапиро (создание направления семейного консультирования для социальных работников, семьи с жестоким обращением), Т.В.Андреева (социальная психология семейных отношений, образ семьи у различных групп населения), В.Н.Дружинин (сравнитель-

ные исследования моделей семьи в разных культурах) и другие. Указанные в скобках области интересов перечисленных авторов не могут полностью описать их вклад в развитие психологии семьи, так как многие области одновременно и пересекаются, и рассматриваются в различных аспектах, в свете различных направлений психологии. Это связано, в первую очередь, с тем, что психология семьи занимает промежуточную область, входя в сферу интересов различных направлений. Семья может рассматриваться как группа (социальная психология), компонент социальной ситуации развития ребенка (детская и возрастная психология), институт социализации ребенка (педагогическая психология), патогенный фактор (психиатрия), эмоциональная система (системная семейная психотерапия).

Нами остался не рассмотренным еще один раздел фамилистики, историография семьи. Это работы описательного характера, выполненные на основе литературных источников, переписки и дневников, мемуаров, результатов этнографических исследований прошлого, то есть всего корпуса текстов о семье, вплоть до анекдотов (Дружинин). Многие авторы привлекают для объяснения семейных феноменов термины и положения социологии или психологии (чаще всего психоанализа). И наоборот, психологи и социологи приводят выдержки из их работ, иллюстрируя свои положения. Невозможно привести все работы этого направления, так как их количество очень велико. Особый интерес для нашего исследования представляют следующие.

Обзорная монография М.К.Любарт, «Семья во французском обществе» (М.: Наука, 2005. с. 295), в которой автор рассматривает жизнь и особенности французской семьи на самом разнообразном материале. Это правовые, политические, административные документы, данные этнографии, фольклора, демографии и социологии. А также художественная ли-

тература и публицистика, проанализированная в терминах социологии семьи и психоанализа. Благодаря собранному автором богатому и разнообразному материалу мы можем проследить не только функционирование и развитие самой семьи, но и генезис научных подходов к семье в динамике внутренних процессов.

Книга Вероник Жобер (Jobert) «Русская семья в водовороте великого перелома. Письма О.А.Толстой-Вейковой (1927–1929)» рисует картину жизни семей русских эмигрантов за границей.

Интерес также представляют статьи Lise-Griuel-Apert, которая анализирует положение женщин в старой российской семье на основе фольклорных и этнографических данных, а также правовых и административных документов. В работе «Быть вдовой в традиционной России» [Etre une veuve dans la Russie traditionnelle // Jurnal «Une femme», 42, mars 2004, p. 53–64] Лиз Грюэль-Аперт доказывает парадоксальный факт. Женщина в патриархальной крестьянской семье имела большую экономическую свободу и большую возможность индивидуальных проявлений, чем мужчина. Так, например, хотя она и не могла распоряжаться приданым, принесенным ей (кроме утвари и одежды), формально оно принадлежало ей. Если она вдовела, семья обязана была вернуть ей приданое. Кроме того, жене принадлежало все, что она сделала своими руками: одежда мужа, детей и ее собственная. Деньги от продажи тканей и пряжи, изготовленных ею, тоже оставались в личной собственности. В то время как муж, член патриархальной семьи, не имел никакой выделенной собственности. Экономически он был «поглощен» родительской семьей. В городах, где патриархальная семья уже распалась, при вдовстве женщина-мать принимала юридический статус главы семьи. К ней как бы переходило социальное положение покойного мужа и его права. Мужчина же (даже с детьми) полностью исчезал как социальная единица. Он лишился многих юридических прав, пока

не женился снова. Ярким примером может служить положение православного священника, не имевшего права на повторную женитьбу. Овдовев, он лишался права на ношение сана и прихода. В других работах автор также утверждает, что Россия, единственная культура, в фольклоре которой мы обнаруживаем образы сильных женщин побеждающих мужчин или спасающих их (Богатырка Синеглазка, Василиса Премудрая, Баба Яга).

Заключение по разделу

С известной долей упрощения, обобщая корпус текстов фамилистики, вне зависимости от их формальной принадлежности к той или иной науке, можно говорить о наличии двух полюсов фамилистики — социологическом и психологическом. Социологический полюс наук о семье, детстве и воспитании тяготеет к изучению объективных, социально-структурных и демографических аспектов проблемы. Психологический полюс больше интересуется субъективной стороной дела — эмоциональным климатом взаимоотношений детей и взрослых, спецификой ценностей, семейными ролями. Кроме того, различается представление об отношениях семьи и общества. Порождает ли определенный тип семьи определенное общественное устройство или, изменяясь, общество изменяет семью. К первой гипотезе тяготеет антропология, а ко второй социология.

В следующих разделах мы рассмотрим подробнее наиболее важные теории семьи в антропологии, социологии и психологии, оказавшие свое влияние не только на научные исследования, но и на обыденные представления о семье.

Антропологический подход к изучению семьи

Антропологический подход рассматривает семью как базис для построения общества, организующегося по правилам, навязываемым ему семьей. Эта точ-

ка зрения прослеживается в разных работах французских авторов от Ле Плэ, который называл себя экономическим историком, до Леви-Стросса, структурного лингвиста, стремившегося через структуры родства понять и структуру социума и структуру мышления, и до антрополога — политолога Эммануэля Тодда. Такая выраженная семьецентристская точка зрения во французской фамилистике отражает центральное положение представления о семье в культуре. Рассмотрим подробнее точку зрения указанных авторов.

Фредерик Ле Плэ — Решительный шаг

Благодаря Фредерику Ле Плэ (1860—1882) антропология семьи совершила решительный шаг, отказалась от универсалистского подхода и стала дифференциальной. Ле Плэ разработал методологию изучения семьи (Метод экономической истории), типологию, включающую три формы семьи, и изучил их распределение по всей Европе от Гибралтара до Урала. Даже сегодня удивляет качество монографий Ле Плэ и его сотрудников из Эколь Политехник. Ни одна из высказанных им идей не была опровергнута или исправлена позднейшими исследователями в различных странах.

Свобода и равенство

Хотя Ле Плэ враждебно относился к принципам Великой французской революции 1889 года, он обнаружил даже внутри самого института семьи действие идей Свободы и Равенства, провозглашенных Французской революцией и обозначивших начало политической современности для всей планеты.

Отношения между отцом и сыном определяются концепцией свободы или ее отсутствия. Отношения между братьями — идеей равенства или неравенства.

Свобода. Если ребенок продолжает жить со своими родителями после своего вступления в брак, формируется вер-

тикальная связь в расширенной домашней группе. Образуется авторитарная модель семейных отношений. Если, напротив, он покидает родительский дом по выходе из подросткового возраста, заводит свое хозяйство для собственного брачного союза, тогда вступает в действие либеральная модель, утверждающая независимость индивида. Для либеральной модели не является ценностью непрерывность семейной группы, ее продолжение.

Равенство. Наследование может происходить двумя способами. Если имущество родителей делится, то это определяет отношения равенства между братьями. Если механизм наследования подразумевает неделимость наследства и исключает всех братьев, кроме одного, это предполагает принятие идеала неравенства.

Обнаруживая действие ненавистных ему принципов Французской революции в семейных системах, Ле Плэ разделял основную иллюзию философов-революционеров, веривших, что политика формирует общество, а не наоборот. Он полагал, что сознательная деятельность реформаторов может изменить семейные структуры. Предлагал восстановить принципы неравенства и неделимости наследства. Ле Плэ обвинял Гражданский кодекс в том, что он привел к распылению наследства, подорвал власть отца, разрушил патриархальные и корневые семьи (по его типологии).

Посвятив себя изучению института семьи, он не верил в ее прочность, не воспринимал как первичный, образующий социальный феномен, хотя ясно ощущал, есть отношения отражения между семейными системами и политическими идеологиями и религиями. Для него, имплицитно, идеология была реальным феноменом, а семья — ее отражением.

Типология семей Ле Плэ основана на двух биполярных осях (свобода/власть и равенство/неравенство) и допускает четыре комбинации категорий.

Семейные системы могут быть:

- либеральные и неэгалитарные (тип 1);
- либеральные и эгалитарные (тип 2);
- авторитарные и неэгалитарные (тип 3);
- авторитарные и эгалитарные (тип 4).

Из типологически возможных, реально Ле Плэ выявил присутствие только 2, 3 и 4 типа.

Хотя либеральный тип семьи с неравенством наследования он наблюдал в Англии, Ле Плэ не относил его к типу 1, а полагал вырожденной версией авторитарной неэгалитарной семьи, комбинирующей несовместимые понятия. Если ни один из сыновей не призывается жить с отцом, то как проявится принцип неравенства?

Тип 2, либеральный эгалитарный, содействует быстрой сепарации диады отец/сын (сыновья) при равном делении наследства между детьми. Ле Плэ называет такой тип **нестабильным**.

Тип 3, авторитарный неэгалитарный («**корневая семья**» по Ле Плэ), полная противоположность типа 2, характеризуется сильной вертикальной связью между отцом и сыном, который наследует семейное дело. Другие братья должны или уйти из корневой семьи или остаться неженатыми, помогая и подчиняясь отцу и брату. В такой системе наследовать может старший, младший или выбранный отцом ребенок.

Тип 4, авторитарный эгалитарный, проявляется в семьях наиболее сплоченных. Это так называемая патриархальная семья по терминологии Ле Плэ. Все сыновья наследуют отцу на равных правах. Но все, даже взрослые и женатые, продолжают жить с предыдущим поколением, формируя семейную неделимую общину. Каждый брат приводит в этот мирок свою жену и детей, которые попадают под власть отца-патриарха. После смерти главы общины каждый брат может, если захочет, заявить о разделе имущества и основать свою семью, которая

расширяясь, сделает его, в свою очередь, патриархом.

Эта модель имеет следующие характеристики: сильная связь сын/отец и по горизонтали — единство братьев.

Э.Тодд развивает поход Ле Плэ к семье и его классификацию.

Эммануэль Тодд, известный французский антрополог и политолог, предсказавший в 1974 падение Советского Союза, а в 2004 падение Соединенных Штатов, исходя из гипотезы об определяющем влиянии традиционной структуры семьи на господствующую идеологию. Его книга «Третья планета» посвящена подробному рассмотрению различных типов семейных структур, характерных для разных стран. Тодд, как и Ле Плэ, опирается в основном на экономические данные и законы о наследовании. Он спорит со всеми направлениями политологии, начиная с Маркса, опирающимися на представление о ведущей роли классов, конфликта экономических интересов, идеологической теории и т.п.

Семья, по определению Тодда — механизм воспроизводства людей и ценностей.

Эммануэль Тодд подробнее рассматривает семейные системы Типа 1 (либеральные неэгалитарные), критикуя гипотезу Ле Плэ о том, что они являются вырожденными формами корневой семьи. Такие семьи описаны даже в монографиях самого Ле Плэ в Англии, Голландии и, согласно работам современных антропологов-историков, в Дании. В таких семьях отец разделяет принцип, что его дети должны основать свою семью, но производит раздел имущества по завещанию, не связанному никакими нормами. Это не узаконено неэгалитарная семья (как корневая), но и не систематически эгалитарная. Тодд вводит для нее название абсолютно нуклеарная семья. Он говорит о двух версиях нуклеарной семьи. Ко второй версии он относит Тип 2, нестабильную по Ле Плэ семью, назвав ее, эгалитарная нуклеарная.

Абсолютно нуклеарная семья в своем принципиальном отделении поколений отказывается от принципа эгалитарности и позволяет отцу отказывать в наследстве. Ненадежность права на наследство оказывается, с одной стороны, средством укрепления отцовской власти. Но с другой стороны, «в плане ценностей, составляющих основу антропологической системы, возможность лишения наследства подразумевает абсолютный разрыв поколений, отрицает силы биологических связей и допускает возможность отсутствия всякой связи между отцом и сыном. В эгалитарной нуклеарной семье отец и сын зажаты обычаями. То, что невозможно отменить, кажется естественным. Эгалитарная система ослабляет базовый принцип нуклеарной семьи: отделение отца и сына» (Тодд, с. 17).

Он также переименовывает корневую семью в авторитарную, а патриархальную (название не отражает солидарности братьев) в коммунитарную семью, семью-общину.

Однако типология Ле Плэ, разработанная на анализе данных единственного континента, была неполной. Для того, чтобы описать неевропейские семейные формы, Эммануэль Тодд добавляет третью шкалу — эндогамный/экзогамный характер брака.

Этот аспект семейной системы, отражающий более или менее жесткие нормы выбора супруга, — то есть делается выбор внутри или вне семейной группы. Безразличие ЛП к этому аспекту семейной системы объясняется, скорее всего, тем, что по всей Европе существовал жесткий запрет на кровосмешение. Везде, от Скандинавии до Италии и от Португалии до России, при всех различиях семейных форм, почти никогда не вступают в брак с кузенами. То есть для Европы характерны экзогамные семейные системы. В то время как во многих других странах, слабая форма эндогамии (вступление в брак с двоюродными) является предпочтительной.

Вводя третий параметр в модель классификации ЛП, ЭТ получает 7 типов семейных систем:

Семья авторитарная (Германия, Япония) не изменяется в зависимости от эндогамности/экзогамности, то есть дополнительного типа не образуется.

Семья коммунитарная допускает два уровня эндогамности, образуя 3 модели:

– коммунитарная экзогамная (*Россия, Югославия, Северная Италия, Финляндия, Китай, Вьетнам*);

– коммунитарная эндогамная (*исламские страны*);

– коммунитарная ассиметричная (*Индия, Чили*).

Семьи нуклеарные, абсолютная и эгалитарная при снятии запрета на кровосмешение дают один тип, семью нерегулярную. Таким образом имеем еще 3 типа семьи:

– абсолютно нуклеарная (*Англия, Голландия, Дания, США*);

– нуклеарная эгалитарная (*Франция, Италия, Греция, Испания, Польша, Эфиопия*);

– семья нерегулярного типа (*Камбоджа, Бирма, Индонезия, Перу, Боливия*).

В рамках семейно-политической гипотезы ЭТ семья играет роль инфраструктуры. Сама она не определена никакой необходимостью, логикой, рациональными причинами. Ей достаточно существовать, множиться и продолжаться веками и тысячелетиями. Единица биологической и социальной репродукции, семья не нуждается в прилаживании своей структуры к изменениям природы и истории, Она воспроизводит себя идентично от поколения к поколению. Бессознательная имитация детьми родителей достаточна для продолжения антропологической системы. Дубликация семейной ткани, поля для привязанностей и столкновений, это операция, не требующая вмешательства сознания, как генетический цикл ДНК-РНК. При этом нельзя связать никакой тип семейной системы с природным окружением, с биологическими условиями. ЭТ полага-

ет, что идеальный тип семьи сложился случайно. А латентные типы, существующие в той же стране, вносят деформацию в идеальную форму, порождая неповторимые особенности идеологии и религии.

Каким же образом, семья (антропологический фон) порождает идеологию? По Э.Тодду, в отличие от идеологических систем, антропологические воспроизводят себя автоматически. Бессознательно, но неизбежно каждое поколение интериоризует родительские ценности, определяющие элементарные человеческие отношения: родители/дети, брат/брат, брат/сестра, сестра/сестра, муж/жена. Могущество механизмов репродукции таково, что превосходит то, что может идти от сознательной формализации и вербализации, они автоматичны и сверхлогичны. Что касается идеологии, чтобы перейти от одного поколения к другому, она требует комплексного формализованного процесса обучения. Очень трудно научить республике, коммунизму, расизму, антисемитизму, существованию бога или каст, метампсихозу, которые ассимилируются инстинктивно, путем имитации, управляемой стереотипными реакциями на отношения между индивидуумами в самой элементарной ячейке, в родной семье. На практике, каждое поколение, чьи базовые ценности моделируются в семейном тигле, повзрослев, может заново изобрести, доминирующую идеологию своей социальной вселенной без принуждения и пропаганды. Она им кажется правильной и естественной.

Пример. У двух братьев, как правило получавших поровну игрушек и шлепков, к подростковому возрасту сформировалась прочная привязанность к ценностям равенства. Родители этих детей, придерживались левых убеждений, но никогда не хотели говорить с детьми о политике, не пытались их как-то агитировать. Они были приятно изумлены, что каким-то психологическим чудом породили левое потомство.

Равенство при этом не чисто материальный концепт.

Игрушки и наказания являются ярким материальным выражением привязанности. Равенство наследства, подарков и наказаний отражает аффективную систему, гомогенную, симметричную, в которой чувства родителей равно распределяются между детьми.

Ко взрослому возрасту равенство выражает себя не только в равномерном распределении имущества, но через равное право на брак. И напротив, применение принципа неравенства позволяет только некоторым вести сексуальную жизнь в рамках брачного института. То есть равенство не является чисто экономическим концептом, а выражает отношения.

Отношения человеческие, отношения социальные

Оппозиция идеология/антропология открывает два типа отношений между индивидуумами:

— Первичные связи с непосредственным окружением, элементарные отношения, которые упорядочены, но их изучение происходит бессознательно, через непосредственный опыт реальной жизни с индивидуумами из плоти и крови. Мы их можем назвать человеческими отношениями.

— Вторичные связи, определяемые системой отношений между людьми незнакомыми непосредственно. Обучение этим межперсональным отношениям происходит искусственно, сознательно, через посредство сформулированной идеологии. Назовем эти отношения социальными.

Первые соответствуют чувству равенства между братьями (человеческие отношения), вторые — равенству граждан перед законом (социальные отношения).

Франция перед революцией находилась в фазе интенсивного культурного прогресса, когда добрая половина страны к северу от линии Сент-Мало — Женева была охвачена культурным прогрес-

сом. Население стало массово приобщаться к грамотности, чтению, а, следовательно, к идеологическим воздействиям. Массы восприняли как естественные великие идеи мыслителей-революционеров, свободу, равенство. Выраженные в формах ясного и чистого разума, они были не что иное, как эlegantные транскрипции латентной антропологической структуры, существовавшей, по крайней мере, со средних веков. Свобода и равенство — черты, характеризующие семейную жизнь северной Франции. Нуклеарная эгалитарная семья заселяла Парижский регион и прилегающие районы, кроме Эльзаса и части Нормандии. Просветители, думая, что образуют, моделируют людей, соответственно своим прогрессивным идеям, всего лишь объясняли чаяния, латентные чувства, антропологические по природе. В момент, когда современность верила, что завоевывает французскую деревню, разрушает ее традиции, она оказалась нанятой антропологией.

Искоренение традиционного крестьянского общества коснулось всех народов мира между 1600—1900 годами. В настоящее время в странах третьего мира дикая урбанизация и повышение грамотности населения происходит еще быстрее, чем в Европе между 1600 и 1900.

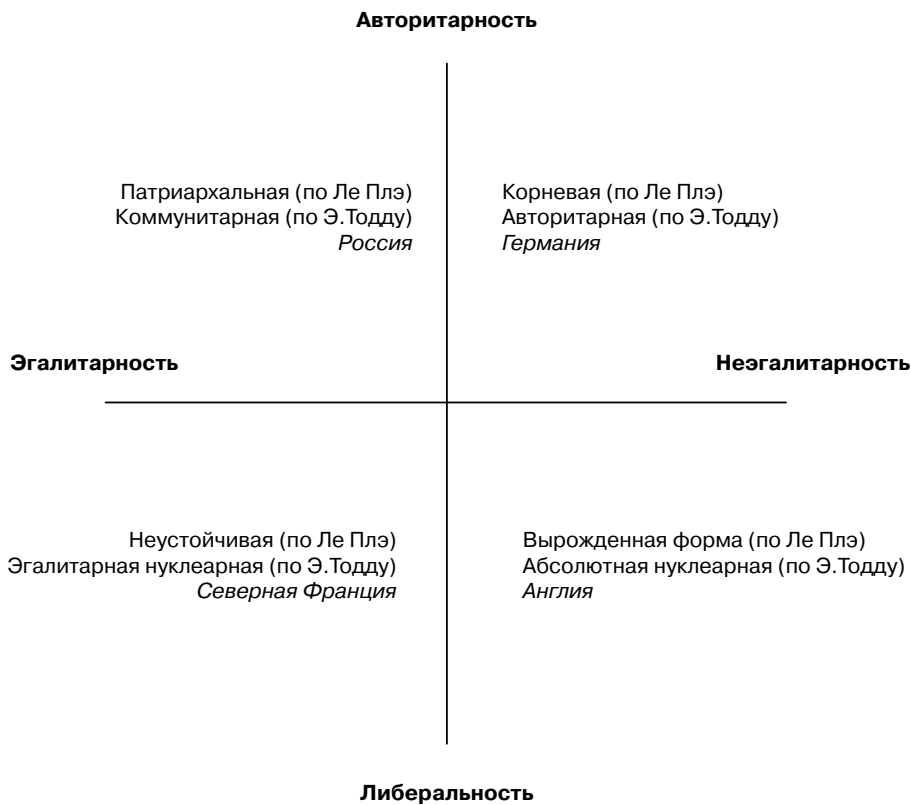
Но в тех обществах, в которых антропологическая основа, то есть семейная система, не является эгалитарной и либеральной, не возникает идеологии французского типа.

В Англии, Германии и России массовое образование породило увлечение теориями, имевшими мало общего с доктриной 89 года, кроме того, что они так же, как она, овладели массами и привели народ в движение. С 1848 года Франция (внутри Гексагона, Парижского региона), доминировавшая над континентом в демографическом и военном отношении, преуспела в трансляции своих идей Европе. После чего, признав первичность парижской идеологии, каждая из наций предпочла говорить на своем

языке, жить своими мечтаниями. Англия приняла идеи свободы, но не равенства. Германия породила идеологию авторитарную и неэгалитарную, с подчинением Государству, отрицанием равенства людей и рас. В России изобрели совре-

менный коммунизм, авторитарный, эгалитарный, который объявил себя универсальным.

Откуда эти различия? Но ведь каждая нация имеет свой антропологический фон!

Английская семья, абсолютно нуклеарная, настаивает на независимости детей, но не на их равенстве. Германская семья, авторитарного типа, стоит на подчинении детей отцу и неделимости наследия, поддерживая дисциплину, но не поддерживая равенство. Русская семья, коммунитарная, объединяет равенство и дисциплину, эквивалентность братьев и послушание отцу. Мы можем отметить совпадение политических систем и антропологического фона в Европе.

Оппозиция социология/антропология особенно полезна для понимания идеологических систем религиозного происхождения и для правильного описания идеологий, являющихся развитием идеи родственных уз.

Пример. Кастовая система — идеология родства, которая включает каждого индивидуума в абстрактный межперсональный ансамбль, касту, определяемый отношением принадлежности, вне которой он не может жениться. Но каста состоит из индивидуумов в большинстве не

знакомых друг с другом, живущих в разных местах.

Под этой интеллектуальной конструкцией мы можем обнаружить модель межличностных отношений, порождающих идею и потребность в социальной сепарации.

Основная гипотеза: Повсюду идеологическая сфера является интеллектуальной формой семейной системы, переносом на социальный уровень фундаментальных ценностей, характеризующих элементарные человеческие отношения. (Например, свободу, равенство или их отсутствие) Каждому типу семейной системы соответствует один и только один тип идеологии.

Э.Тодд, приводя описания различных типов семьи, статистические и исторические данные, доказывает гипотезу в два этапа:

1) Он предлагает типологию семейных систем:

— логически полная, то есть охватывает все виды семейных систем, выделенные на основе базовых принципов;

— эмпирически полная, то есть способная включить и описать весь ансамбль семейных форм планеты.

2) Продемонстрировано, как каждому типу семьи соответствует единственная идеологическая система, не встречающаяся в регионах с другими типами семьи.

Дополнительное ограничение: Вторичные вариации форм семьи внутри антропологического типа должны соответствовать вторичным вариациям политических и религиозных форм внутри соответствующего типа идеологии.

Результаты были проверены статистически.

Автор подробно описывает семь типов семьи.

При этом он не включает в семейную систему женщин, их связь с родительской семьей, трансляцию по женской линии. Также он не рассматривает семью вне наследования имущества.

ЭТ подробно разбирает все типы семейных систем, модели семьи, характерные для разных стран. Здесь мы приведем только его анализ коммунитарной экзогамной семьи.

Характеристики коммунитарной экзогамной семьи (общины):

— Равенство братьев, определяемое правилами наследования.

— Взрослые женатые сыновья живут со своими родителями.

— Не допускается брак между детьми двух братьев.

Основные регионы распространения:

Россия, Югославия, Словакия, Болгария, Венгрия, Финляндия, Албания, Центральная Италия, Китай, Вьетнам, Куба, Северная Индия.

Что такое коммунизм? ЭТ предлагает свое определение: «Коммунизм — трансфер на уровень государства регуляторных характеристик и механизмов регуляции коммунитарной экзогамной семьи. Разрушенная процессами урбанизации, грамотности, индустриализации, одним словом, современности, коммунитарная экзогамная семья делегирует свои ценности, власть и равенство новому обществу. Индивидуумы, равные в правах, придавлены политическим аппаратом, как раньше расширенной семьей, которая была доминирующим институтом традиционных обществ в России, Китае, Вьетнаме или Сербии.

Наиболее резок контраст между странами коммунистическими и мусульманскими, в которых доминируют две модальности коммунитарной семьи: экзогамная и предпочтительно-эндогамная. Мусульманская семья, в отличие от русской и китайской, не обладает стремлением к саморазрушению. Она является стабильной уважаемой структурой. Воспринимается скорее как теплая, чем как подавляющая.

Коммунитарная экзогамная семья, напротив — нестабильная структура, способная к спонтанной дезинтеграции. Ее хрупкость — следствие механизма экзогамии, когда он действует в системе,

усиливающей равенство братьев и власть отца. Экзогамный брачный выбор вводит в семью чужую, и эта прививка порождает тревогу. Она вызвана изменением множества билатеральных отношений, составляющих аффективную ткань семейной группы. В семейной системе нуклеарного типа механизм экзогамии не приносит проблем, создание пары требует построения только фундаментальных отношений между двумя индивидуумами. Присоединение неизвестной супруги к коммунитарному дому предполагает установление и укрепление 7 типов функциональных связей и эмоциональных уровней. Супруга должна определить свои отношения с собственным мужем, естественно, но также со свекровью, свекром, деверями и золовками, с племянницами и племянниками. Сложность этой ситуации делает экзогамную семью непрочной.

Китайский традиционный семейный кодекс утверждает это фактическое состояние. К непочтительному сыну могла применяться любая жестокость, физическая или вербальная, вплоть до смертной казни. Центральный институт конфуцианского Китая, куммунитарная экзогамная семья, имплицитно полагался мыслителями того времени как хрупкая. Сыновий пиетет был возведен в статус идеологии, но она противоположна семейной привязанности мусульманских стран, которая возникает естественно, спонтанно, неформализовано и, главное, лишена оттенка садизма. Наиболее яркое выражение китайской сыновьей преданности, когда сын предлагает кусочек собственного тела, готовя восстановительную еду для больного отца. Китайский культ предков утверждает вечность отцовской власти, которая продолжается и после смерти.

Русские женщины

Русская крестьянская семья, которая, в отличие от китайской, не вошла в ранг институтов и идеологии старого режима, была еще более разорванной и патогенной, так как меньше утверждала мужское

превосходство и агнатическую солидарность. (Агнат — родственник по мужской линии).

Что характеризует русскую семью (феномен абсолютно не типичный для коммунитарных экзогамных систем) — так это эгалитарные отношения между полами, выражающиеся в малой разнице возраста между мужчиной и его супругой. Напротив, в Китае, Тоскании, центральной Франции, Северной Греции или в Индии, других регионах существования экзогамной коммунитарной семьи, существенная разница в возрасте устанавливала отношения муж/жена по типу отношений отец/дочь, определенно иерархические, хотя и не исключая привязанности. Эта исключительная черта русской семьи недавно была подтверждена историческими и статистическими исследованиями переписей населения первой половины 19 века. В 1849 году под Рязанью разница в возрасте между мужем и женой составляла 0,6 года. В 1814 году в деревне Мишино под Рязанью 78% хозяйств представляли идеальную форму коммунитарной семьи. Под одной кровлей жило несколько женатых пар родителей и взрослых детей. Средний возраст женитьбы для мужчин — 20 лет. Средняя разница в возрасте мужа с женой — 1,7 года, жена несколько старше. То есть под одной крышей проживает свекор 40–45 лет и невестки 20–25 лет, имеющие мужей несколько младше их. Эта демографическая неустойчивость позволяет возникнуть традиционному для русской культуры синдрому снохачества, отраженному в горестных народных песнях, известному фольклористам 19 века и упомянутому Энгельсом в «Происхождении семьи, частной собственности и государства». Возникает ревность между отцом и сыном — феномен, отраженный в повести «Первая любовь» Тургенева.

Этот конфликт выявляется в русской семейной модели вследствие эгалитаризма между мужем и женой, но в латент-

ном виде он присутствует во всех коммуни-тарных экзогамных домах. Табу на инцест здесь не опирается на мощную мифологию крови. Хотя запрет на сексуальные отношения при отцовстве через брак установлен, но он не так прочен, как запрет по крови. Таким образом коммуни-тарная экзогамная семья — поле для соперничества мужчин. И чем менее агнатическая, тем более разрываемая. На берегах Средиземного моря, в центральной Италии, Северной Греции и даже в меньшей степени, в Югославии, Болгарии, коммуни-тарная экзогамная семья сильна, как в Китае, благодаря неравенству полов, облегчающему мужскую солидарность.

Относительное равенство возраста супругов характерно для всех нуклеарных семейных систем (абсолютного, эгалитарного или нерегулярного типа). В Англии и Северной Франции, также как и в Индонезии, муж редко бывает много старше жены. Основанная на единственной связи, супружеской, нуклеарная система укрепляет только солидарность мужа и жены, являясь отчасти эгалитарной.

Русская традиционная семья, эгалитарная в плане отношений между супругами, давала возможность замещения нуклеарными семьями типичной коммуни-тарной модели. Она, похоже, была создана структурно, чтобы взорваться, освобождая супружеское ядро. Что и произошло в эпоху модерна в царской, а затем и в советской России. Урбанизация не являлась единственным фактором. Коммуни-тарная семья стремительно исчезла. Переписи населения советских времен в 1970 показала, что к этому времени доля хозяйств с несколькими семейными парами под одной крыше была не более 4,4% на Украине, 2,6% в Белоруссии, 3,1% в России, тогда как в Болгарии — 12,5% (1965) и 6,2% в Венгрии (1970), где эволюция не была столь брутальной. Мало примеров такой полной дезинтеграции антропологической системы.

Китай, в частности, ушел недалеко. Брачное законодательство 1980 года отражает эволюцию. Утверждая, в духе коммунизма, равенство полов, автономию супружеской пары и свободу выбора супруга, текст далее отражает типичные для коммуни-тарной семьи права и обязанности: (1) деды обязаны кормить внуков, в случае смерти родителей; (2) старшие братья и сестры обязаны заботиться о младших, в случае смерти более взрослых членов семьи; (3) внуки обязаны заботиться о своих дедах. То есть государство устраняется от социальной поддержки. Разрушение коммуни-тарной семьи, полное в России, в Китайской деревне произошло только частично. Одно только исключительно мощное антропологическое давление могло привести к появлению коммунизма в России, где он зародился в семейной структуре одновременно обыкновенной и исключительной. В отличие от Китая, Югославии, Вьетнама и Кубы, Россия не удовлетворялась применением коммунизма. Оттолкнувшись от неких расплывчатых и негативных рекомендаций Маркса, абстрактной критике капитализма, который существовал только в Англии, Россия предприняла интегральное огосударствливание экономики, аграрную коллективизацию и воинствующий атеизм. Она практически осуществила то, что невозможно было вообразить.

Ле Плэ, консерватор и реакционер, сторонник укрепления власти отца во Франции, испытывал особую симпатию к русской семье. Его привлекала ее способность к дисциплине, стремление подавить индивидуальность. Но он не чувствовал ее потенциальной эгалитарности, противоречивости, революционной и разрушительной.

З.Фрейд, если бы его интересовали другие типы семьи, кроме немецкой и еврейской, был бы более проникновен. Обычно концентрирующийся на паре отец-сын, он расширил свой семейный архетип, рассматривая мифологию отце-

убийства. В работе «Тотем и табу» отца казнят не сын, а группа братьев. Вероятно, сам Фрейд был бессознательно убежден в неразрушимости авторитарной семьи (корневой, по Ле Плэ), которая сталкивает мужчину и его сына в скрытом диалоге, в котором взрослый ребенок всегда в подчинении, никогда не освобождается, во всяком случае психологически. В большинстве аналитических случаев на немецком материале естественная смерть отца не освобождает сына, а наоборот, сообщает ему невротический толчок, страх перед сильными отношениями, могущими подчинить.

Но не достаточно разломать коммунистическую экзогамную семью, чтобы освободить человека, чтобы разрушить его привычку к дисциплине и эгалитарности. Разрушение семейной формы не включает систему ценностей, на которые она опирается. Свобода, как только она завоевана, воспринимается как анархия, рождая больше беспокойства, чем удовлетворения. Развитие коммунистических систем ведет к реинтеграции индивидуумов в авторитарном и эгалитарном квазисемейном кругу. Только семью заменила партия. Партийные ячейки искусственно воспроизводят братские отношения, прочные и невыносимые одновременно. Иногда убийственные. Ее иерархия заменяет на всех уровнях отцовское могущество. Парторганизация вмешивается в супружеские отношения.

Эта теория развенчивает все политические верования, убежденность в превосходстве одной системы мышления над другой, так как ценности, лежащие в их основе унаследованы случайным образом, исходят из укоренившейся антропологической системы.

Мы считаем необходимым упомянуть в этом разделе также структуралистский подход Леви-Стросса, в виду его определенного влияния на развитие психолингвистики. Кроме того, хотя структурализм несколько «вышел из моды», исследования семейных структур продолжается, включая в них женщин.

Леви-Стросс применил к антропологии и гуманитарной науке лингвистические модели. Предмет лингвистики, система знаков, аспект множественного определения звуковой связи с означаемым и концептуальной связи знака. Эта система структурирована. Смысл термина определяется не отношением с объектом, а отношениями с другими словами языка: значение — дифференциал.

Леви-Стросс вводит понятие реципрокности. Обмен может быть обменом вещами, услугами, коммуникацией, но особенно — обменом женщинами! Система родства показывает движение от природы к культуре, фундаментальной оппозиции. ЛС ставил целью определить универсальные принципы человеческого мышления. По его мнению, институты общества (например, брак) включают универсальные принципы, которые затем возвращаются в психику людей, потому что они отражают фундаментальные свойства психики. Классифицирование социальной реальности, для того чтобы обрести смысл, является нашей собственной психологической нуждой и необходимостью развивать культуру и общаться (делить понимание). Эти классификации тем более многочисленны и разнообразны, чем более их предмет требует упорядочивания, коммуникации и осмысления.

Работа Леви-Стросса относится к той области, где антропологические взгляды используются для поддержки универсального правила, правила, происходящего из самой структуры мозга, которая превращает себя в правило общества и позволяет обществу функционировать. С поверхности обозреваемой антропологии мы переходим к структурам, правилам, а затем к основам ментальности — оппозициям. Без задействования оппозиций общество бы не существовало. Таким образом структура порождает реципрокность, а реципрокность строит общество. Общества имеют структурные свойства, которые меняются, но отража-

ют фундаментальные противопоставления через оппозиции.

Так же как язык, система отношений, так и родство, — не термины, а система парных взаимных отношений. Муж/жена, отец/сын... Это система коммуникаций, как и язык. Она не развивается спонтанно в ответ на ситуацию, но является системой соотнесения репрезентаций: не биологическое родство, а союз.

Правила вступления в брак обеспечивают циркуляцию женщин в социуме, и заменяет систему биологических, кровных отношений, системой социологических союзов. Родство, таким образом, — язык, поскольку оно утверждает между индивидуумами и группами определенный вид коммуникации. Только сообщения-женщины, циркулирующие между кланами, а не слова, циркулирующие между индивидами в группах.

Язык — это обмен, коммуникация, диалог. То же самое происходит в браке. Обмен знаками и обмен женщинами — сравнимые процессы, поэтому к ним можно применить структуралистские методы. Запрет на инцест, фундаментальное правило, которое создает человека (мужчину?) культуры. Фактически — это правила отдачи. Если нельзя отдавать в жены мать, дочь, сестру другому, то и нельзя жениться на матери, дочери, сестре другого. Важнее обмен, чем обмениваемое. Это взаимность. Вот почему брак — драматическое взаимодействие между природой и культурой, между союзом и родством. «Женщины, как и слова — вещи, которыми обмениваются. Такой символизацией убирается противоречие между двумя аспектами женщины: как объекта собственных желаний (сексуальный и собственнический инстинкты) и одновременно как объект, воспринимаемый как желаемый другими, то есть средство для установления связей и союзов». Язык не в качестве смысла, а в качестве кода — прототип любой организации.

Леви-Стросс не просто не замечает роли женщины в семье, но прямо утверждает, что не нуждается для объяснения социального поведения в привлечении отношений мать-ребенок. Это сближает его позицию с позицией Дюркгейма.

Современные антропологи-структуралисты (например, Marie-Blanche Tahon *The Gift of the Mother*, p. 139–155 // *Journal Anthropologie et Societes*, Vol. 19–1–2, 1995) оспаривают это утверждение. (*The Elementary Structures of Kinship* (1969), first published 1949).

2.2. Социологический подход к изучению семьи

Социологический подход противоположен антропологическому, так как предполагает, что общество, процессы в нем, задают и видоизменяют семью. Один из основоположников семейного подхода в социологии — Эмиль Дюркгейм («Введение в социологию семьи») Emile Durkheim (1888), Emile Durkheim, *«Introduction a la sociologie de la famille»*. // *Textes*. 3. *Fonctions sociales et institutions* (p. 9 a 34). Paris: Les Editions de Minuit, 1975, 570 pages.

Французскую социологию семьи можно разделить на две школы, условно их можно обозначить как «левые» (Дюркгейм, Дэ Синьи) и «правые» (консерваторы, ведущие свое происхождение от исследований Ле Плэ. Это Руссель, Гранмезон и другие). Отличает эти две школы: верой в прогресс, в адаптивные возможности семьи, которая всегда сможет соответствовать порождающему ее обществу — у «левых», и убежденность в катастрофическом развитии семьи, верой в лучшее состояние дел в прошлом — у «правых». Кроме того, первые скорее сосредоточены на супружеских отношениях, а вторые на социализации и воспитании детей. Многочисленные работы той и другой школы имеют резонанс как в кругу специалистов, так и среди широкой публики. Многие их положения при посредстве масс-медиа уже пре-

вратились в социальные представления. Но обе группы почти никогда не цитируют друг друга. Уже Дюркгейм игнорировал исследования Ле Плэ, вероятно как по политическим, так и по методическим соображениям. В своей работе «Социология семьи» он весьма критически высказывался об историко-экономическом методе, не упоминая имени автора (Ле Плэ), но при этом давая обзор исследований более узкого характера. Такой раскол характерен для французской фамилистики и поныне.

Дюркгейм рассматривает семью как группу наиболее простую и древнюю. Она его интересует не сама по себе, а как одна из социальных моделей общества.

Из всех семейных групп его, прежде всего, интересует современная ему европейская. Ее описание, анатомия, элементы. Объяснения тем или иным чертам современной ему семьи Д находит, анализируя и классифицируя семьи в различных обществах, в историческом развитии. Например, его интересуют супружеские узы. Можем сравнить те, что мы наблюдаем сейчас у цивилизованных народов, с теми, что были раньше в патриархальных семьях моногамных или полигамных, в отцовском роду, в материнском роду, во всех промежуточных типах, говорит Дюркгейм. То, что остается неизменным, составляет общее идентичное ядро. Условия, при которых что-то изменяется, мы можем считать влияющими факторами. И попытаться построить объясняющую теорию.

При этом он отмечает, что прежние формы семьи находят свое отражение в особенностях современной семьи. Все историческое развитие семьи присутствует в современной семье.

Как представитель позитивистской науки, Дюркгейм стремится применить к изучению семьи методы естественных наук. Хотя для понимания процессов, происходящих в семье, нельзя применить прямого эксперимента, но можно попытаться проследить изменения се-

мейных феноменов при изменениях различных параметров семьи.

Для выявления системных характеристик семьи он не использует наблюдения, литературные источники и прочие субъективные данные. В них проявляются пресуппозиции наблюдателя, его система ценностей. И не ясно, являются ли они постоянными чертами. Структуру данного семейного типа мы можем обнаружить через обычаи и законы, отражающие не прецедент, а регулярную практику, которая резюмирует коллективный опыт, складывавшийся поколениями. Обычай не только точно объясняет семейную структуру, он скорее является самой этой структурой.

Рассматривая структуру отношений в семье, Дюркгейм прежде всего разделяет отношения личностей и имущественные отношения. Эту дихотомию он применяет при рассмотрении подсистем (не употребляя этого, не существовавшего в то время, термина) супругов и детей, родственников различных уровней; семьи и государства, которое не только в особых случаях вмешивается в домашнюю жизнь, но и каждодневно является важным фактором. Система этих отношений составляет семейную жизнь:

Кровные родственники:

1. Отношения мужа с собственными родителями и родителями жены.

2. Отношения жены с собственными родителями и родителями мужа.

– Человеческие отношения.

– Имущественные отношения.

(Эмансипация посредством брака. Приданое. Права наследования. Юридические установления. Родительство по браку: его природа и условия).

3. Отношения детей с родственниками по отцовской и материнской линии.

– Человеческие отношения.

– Имущественные отношения.

(Семейные правила. Опекунство. Права наследования и т.д.).

Супруги:

1. Отношения будущих супругов к акту создания семьи (браку).

(Брачный возраст. Согласие. Отсутствие другого брака (Моногамия). Отсутствие запрещенного уровня родства и т.д.).

2. Личные отношения супругов.

Права и обязанности, принимаемые супругами. Природа супружеской связи, расторгжимая или нерасторгжимая. И т.д.).

3. Имущественные отношения супругов.

(Отношение к приданому. Общность, раздельность имущества. Подарки. Права наследования... И т.д.).

Дети:

1. Личные отношения детей с родителями.

Родительская власть. Эмансипация. Старшинство и т.д.

2. Имущественные отношения детей с родителями.

(Наследие. Право на обязательную долю. Собственное имущество детей. Опекунство родителей. И т.д.).

3. Отношения детей между собой.

(Д предполагает, что это только наследование).

Государство:

1. Вмешательство государства общего характера: санкционирование семейного права. (Семья как социальный институт).

2. Вмешательство в отношения между будущими супругами. Свадьба.

3. Вмешательство в отношения между супругами. Муж может привлекаться к ответственности в особых случаях.

4. В детско-родительские отношения. Рассмотрение судом случаев превышения родительской власти. Права ребенка. Проект закона об ограничениях родительской власти).

5. В отношения с кровными родственниками.

Рассмотрев подробно все виды связей в семейных подсистемах, Дюркгейм выводит основные характеристики современной западной семьи, которую он назвал *супружеской*, которую описывает в 1892 году в одноименной работе, *La famille conjugale*. // Emile Durkheim,

Textes. 3. *Fonctions sociales et institutions* (p. 35 a 49). Paris: Les Editions de Minuit, 1975, 570 pages.

Дюркгейм выделяет четыре основных свойства семьи. По мнению современного социолога Франсуа де Синьи (2003), эти свойства принципиально не изменились, но только усилились со времен Дюркгейма:

1. Семья построена на отношениях (*relationelle*). Дюркгейм имел в виду, что члены семьи привязаны не к семейной общности, а к другим членам семьи (отцу, матери, детям). Дэ Синьи отмечает, что члены семьи становятся все более чувствительны к качеству отношений и предлагает новое обозначение современной семьи, не «супружеская» (в соответствии со структурой), а отношенческая (в соответствии с главным механизмом — аффективностью отношений).

2. Современная семья становится все более частной и парадоксальным образом все более публичной. *Privee/publicque*. Эти две тенденции (все большей центрации семьи на индивиде и все большей «социализации» семьи) по Дюркгейму нельзя разделить. Все большая независимость от расширенной семьи, соседей, ближайшего сообщества дублируется растущей зависимостью от государства. В 19 веке появляются первые юридические ограничения права родителей на наказание. Отец теперь не является неограниченным главой патриархальной семьи. Интересы ребенка служили (и служат) оправданием интервенции государства в семью. По Дюркгейму, государство заменило родителей супружеской пары. И их непосредственное окружение. Как и Дюркгейм, Дэ Синьи отмечает отсутствие «сплетен» в ближайшем окружении, прежде регулировавших нормативное поведение. Но напротив, все больше удлиняется список людей, которые могут входить в семью и вмешиваться в процесс воспитания (гигиенисты, врачи, социальные работники, няни, психологи, семейные консультанты...).

3. Семья — индивидуалистическая. Для Дюркгейма семья должна была состоять из нуклеарного ядра (муж, жена, дети) и восходящих и нисходящих кругов родства. Все большая центрация на индивиде символизировала для него разрушение семьи. Для Дэ Синьи это означает большую защищенность индивида. Семья, которая раньше была медиатором от общества к индивиду, проводником социального, становится защитой индивида от общества. Для Дюркгейма семья не была первичной формой, а зависела от морфологии общества. По его теории, чем больше (сильнее) общество, тем меньше (слабее) ближайшее социальное окружение индивида (с которым он находится в непосредственном контакте). Поэтому более многочисленное (западное) общество дает больше возможностей для индивидуальных девиаций, различий. Повышение ценности индивидуализма, личного преуспеяния индивида, ведет к закономерному по Дэ Синьи уменьшению самой нуклеарной семьи. Так как родителям теперь необходимо персонализировать свои отношения с ребенком, сосредоточить свои усилия на нем, чтобы он преуспел.

4. Семья потеряла межпоколенные связи. Исчезает не только обязательное наследование имущества, но и передача интеллектуального багажа. Дюркгейм, с одной стороны, одобрял растущий индивидуализм (имея в виду только мужчин) и прерывание процесса трансляции («Каждому по его заслугам, а не по его наследству»). С другой стороны, индивид в таком случае «заканчивается сам на себе». В своем самом знаменитом произведении «La Suicide» (Суицид) (1896) он утверждает — индивидуализм, разрушение семейной интеграции, ведет к «моральной нищете». Индивид более не имеет вкуса к работе, так как «к работе нас привязывает то, что это средство увеличить семейное наследие, упрочить благополучие наших детей». С исчезновением наследования семье для устойчивости требуются другие системы ценностей,

кроме ценностей личного и семейного характера. Решением недостаточного наполнения семейной жизни супругов в отсутствии межпоколенных связей может быть их большая сосредоточенность на профессиональной жизни, общении во внешнем круге. Дюркгейм пишет: «Семья теряет свою территорию, но брак ее приобретает». Дэ Синьи отмечает, что для Дюркгейма брак был нерасторжим. Рост числа разводов в современном обществе показал его неправоту. Хотя в своих теоретических построениях Дюркгейм отводит детям второй план, в своей политической аргументации (проект закона против разводов) он ставил их на первое место, как фактор сплочивания семьи.

Дэ Синьи отмечает, что это противоречие подчеркивает сложность построения теорий современной семьи «если даже отец-основатель социологии семьи совершил такую ошибку». Ошибка Эмиля Дюркгейма была в переоценивании значения экономического наследования и в недооценивании новых комплексных форм межпоколенного обмена. Хотя он и развивал социологию образования, Дюркгейм не заметил эффектов влияния школы на семью. Анализ этого влияния предпринял Франсуа Дэ Синьи, показав, как в современной семье сосуществует внимание и к супружеским отношениям, и к детско-родительским, под наблюдением агентов государства. Он доказывает, что именно школьное образование формирует отношение к детству, как к особому периоду в жизни человека, то есть определяет сам феномен детства. Парадоксальным образом школа, забирая семейную образовательную функцию, возвращает ребенка в семью, под влияние взрослых, создает поле для длительного взаимодействия родителей и ребенка. Различные формы семьи при этом в разной степени открыты в сторону интервенций государства.

В своих многочисленных работах Франсуа де Синьи рассматривает различные аспекты соотношения индивидуальности и совместности в семье. В одной

из последних работ *L'individu au cœur du projet socialiste // La revue Socialiste/ L'avenir de la France/ Un diagnostic*, № 18, dec 2004, p. 156–159 он пишет, что процесс индивидуализации, пройдя вторую фазу, индивидуализацию женщин, перешел к третьей фазе, индивидуализации детей. Но чем больше индивидуальной свободы получает человек, чем вольнее он в своих поступках, тем больше предъявляет он требований к безопасности. В браке этот тандем *свобода/безопасность* проявляется особенно ярко. Опрос живущих вместе пар показал, что более 2/3 из них не состоят в браке. На вопрос «Каковы условия успешного супружества?» ответ «состоять в браке» стоит далеко позади ответов, характеризующих эмоциональные отношения (например, быть внимательными). Но при этом на первом месте и у мужчин, и у женщин стоит «быть верным». Члены пары (*members d'un couple*) хотят быть «свободными вместе» и свободно расстаться, если пройдет любовь, но пока она длится, иметь «надежный очаг» и взаимное доверие. Можно представить современный образ семьи, как крышу над головой, защищающую их, но в этом доме под крышей нет стен. Крыша над головой означает, что каждая семья, даже наиболее свободная, нуждается в безопасности, так что каждый может быть со своими близкими и может заниматься собственными делами. Отсутствие стен показывает нам, что пара нуждается также в свободе. Автор пишет, что трудно сконструировать такое пространство. Однако его идея была вскоре использована крупной страховой фирмой для телевизионной рекламы. Семья в доме без стен с крышей, олицетворяющей гарантии страховой компании.

Не менее крупной фигурой в социологии семьи является Луи Руссель.

Его наиболее известные работы «Ненадежная семья» (Louis Roussel. *La Famille incertaine*. Paris. Editions Odile Jacob, 1989) и «Забывтое детство» (*L'enfance oubliée*. Paris. Editions Odile

Jacob, 2001. p. 299). В этих работах он обзревает эволюцию семьи в последнюю половину 20 века и особенности социализации детей. Его дополняет работа Жака Гранмезона «Различные формы семьи и их функционирование» (Jacques Grand'Maison. *Les différents types de famille et leurs enjeux // Vive la famille! sus la dir. de B.Lacroix? Montres! Les Editions Fides*, 1993, p. 225. p. 9–32).

Он разработал подробную классификацию современных семей, основываясь на следующих параметрах: целях создания семьи, целях воспитания ребенка и особенностях, которые в терминологии теории Боуэна можно назвать уровнем дифференцированности.

Л.Руссель выделяет следующие виды семей:

1. Традиционная семья (La famille traditionnelle)

Существует в традиционном обществе.

Модель семьи и основные черты

Прежде всего и более всего является институтом, транслирующим и сохраняющим нормы, законы, обычаи, коллективные представления своего общества и культуры. Традиционная семья сохраняется и воспроизводится, не слишком открыта для изменений. В ней каждый имеет свой предписанный статус.

Цель семьи — «Выживать вместе»

Традиционная семья подчинена целям выживания, ориентирована на репродукцию жизни, сфокусирована на трансмиссии от поколения к поколению биологического, материального и символического наследия.

Личное автономное счастье находится на втором месте. Нужда в безопасности сильнее, чем стремление к свободе.

Родительское «послание» ребенку, неявная цель воспитания

«Ты наш сын/дочь. Ты принадлежишь клану и должен показывать верность ему. Вот твое имя, которое определяет твое место в семье и в обществе. Вот твои обязанности и права. Когда-нибудь ты по-

вторишь нашу историю, также как мы повторили историю наших родителей.

Уровень дифференцированности, особенности семьи

Роли сливаются с личностью, как если бы они были присущи от природы. Они обязательны, необходимы, ненарушимы, поддерживаются религиозными императивами, освящающими их. Они подчеркиваются образами художественных произведений, живописи, общественным мнением, зажаты в пространстве и времени между работой и праздниками, законами и здравым смыслом. Низкая дифференцированность ведет к многочисленным кризисам: идентификации, ролей, отношений с членами семьи, межпоколенным конфликтам. Вследствие этого традиционная семья является одним из главных источников жестокости в современном обществе.

2. Современная семья (La famille moderne)

Гармонизирует в современном обществе своей ориентацией на прогресс в экономической, социальной и политической областях.

Модель семьи и основные черты

(1) Поиски счастья через аффективность, чувство влюбленности; (2) Отношение к семье как к институту становится более рациональным, менее привязанным к традиции, к освященным ненарушимым правилам; (3) На первом месте уже не выживание, а создание будущего для детей; весь смысл в будущем; (4) Сдерживание индивидуализма определяется только логикой семьи; (5) Каждый/каждая — творец собственной жизни, собственной истории.

Цель семьи — «Быть счастливыми вместе»

Современная семья центрирована на социальном процветании, уровне жизни и своем «имидже» в глазах других.

Родительское «послание» ребенку, неявная цель воспитания

Ребенок уже не наследник, а «посланик».

«Ты наш смысл жизни. Вот жертвы, которые мы для тебя приносим. Сделай все, чтобы они не были напрасны. Ты должен войти в мир, лучший, чем наш, занять там более высокое положение. Ты должен прославить наше имя. Все, о чем мы мечтаем для тебя, должно стать реальностью».

Уровень дифференцированности, особенности семьи

Если ребенок по каким-то причинам не может соответствовать надеждам родителей, соответствовать их стратегиям социального процветания, то он чувствует себя виноватым, неблагодарным. Чтобы избавиться от фрустрации, обрести автономию, молодые в таких семьях прибегают к болезненному разрыву с семьей.

3. Семья со слиянием (La famille fusionnelle)

Является и продолжением, и противоположностью предыдущей.

Модель семьи и основные черты

Принимаются правила общественной жизни, но частная жизнь, в идеале, не должна иметь ни правил, ни противоречий.

Цель семьи

Надежда, личное счастье, индивидуальная автономия, любовь-страсть, право изменить жизнь, начать все с начала.

Родительское «послание» ребенку, неявная цель воспитания

Любимый (любимый сильно или недостаточно) ребенок должен быть тем вообразимым существом, о котором мечтают родители. Его поведение должно быть спонтанным, вне правил, мешающих быть аутентичным, творческим, уникальным — собой. Основное родительское послание: «Ты — воплощение нашей любви, такой гармоничной, спонтанной, интенсивной и безусловной. У тебя нет другого закона, кроме тотальной взаимной любви. Учти, наше счастье — в той нежности, которую ты нам приносишь».

Уровень дифференцированности, особенности семьи

Конечная точка клана. Ребенок зависимый, симбиотический, загнан в двойное противоречие: безусловная аффективная зависимость и своего рода толчок к бунту, к собственной идентичности. В семье этого типа мы обнаруживаем явление перманентного эмоционального шантажа: «Сделай это для мамы... Если ты меня вправду любишь, ты мне это купишь... Если ты не согласен, значит, ты не любишь нас, своих родителей...»

4. Семья-клуб (La famille-club)

Таких семей становится все больше. Некоторые аналитики полагают, что эта форма станет доминирующей. Она вызвана к жизни сочетанием индивидуалистического общества и экономического либерализма.

Модель семьи и основные черты

Дружная супружеская пара, ребенок — партнер, разумная жизнь с умеренными супружескими и семейными связями. Каждый супруг, считается, имеет свои интересы. Ребенок такой же член семьи, как другие. Семья-клуб имеет определенные правила для родственников. Основные измерения такой семьи — не практика взаимодействия, а деньги и время.

Цель семьи

Индивидуальная автономия. Забота о собственной автономии вполне сочетается с заботой об автономии другого. Избегают все больше тирании любовного слияния и вообще сильных привязанностей.

Встречаются два варианта такой семьи:

(1) Семья в поисках ощущений *aventureux*. Члены семьи постоянно находятся в поиске нового опыта, социальных отношений, интересов. Цель совместной жизни — «жить вместе, чтобы жить интересно». Ценности измеряются соотношением цена/качество.

(2) Семья, избегающая ощущений (*prescautionneux*). Встречается в основном среди 45–55 летних. Минимизирует риск

и цену. Во многих случаях отношения поддерживаются, потому что так удобно по финансовым, социальным или другим соображениям.

Родительское «послание» ребенку, неявная цель воспитания

«Дитя, мы хотели тебя. Мы создаем, что без тебя наш союз неполный. Счастье, которое ты нам дал, мы постараемся вернуть с лихвой. Ты наш попутчик, пока ты ребенок и подросток. Мы тебя любим и уважаем твои права, а ты уважай наши. Мы принимаем, что главное для тебя — стать автономным. Пойми со своей стороны, что при всей нежности, мы хотим сохранить некоторую независимость по отношению к тебе.

Уровень дифференцированности, особенности семьи

Этот тип семьи возник с укреплением прав ребенка (на уровне государства). Ясно, что семья-клуб ориентирована на минимальное количество детей. Детей желанных и принятых. Но их будущее, их счастье не является предметом заботы, они не являются центром родительской жизни. Иногда дети при этом испытывают мало интереса к одному или обоим родителям и тоже живут своей жизнью. Этому сопутствует преждевременное взросление, со всеми негативными проявлениями.

5. Семья — кокон. (La famille-cocon)

Этот тип семьи не фигурирует в классификации Русселя. Его описывает Гранмезон, полагая, что его появлению способствовали многочисленные социальные кризисы последнего времени. Действительно, самые последние демографические исследования, еще не вошедшие в отчеты INED, показывают резкое увеличение количества заключенных браков такого типа в последние годы.

Модель семьи и основные черты

Родители верят в единственную и подлинную модель домашнего очага, защищающего от случайностей внешней квази-инфернальной жизни. Серьезные внутренние проблемы отрицаются без осмысления.

Цель семьи

Замкнуться в семье, закуклиться, сделать из нее подобие крепости, защищающей от нападков внешнего мира.

Мужчины приобретают возможность «почти все делать дома»;

Женщины стремятся ее покинуть. Идеализированная семейная гавань становится местом большого напряжения между супругами, родителями и ребенком.

Родительское «послание» ребенку, неявная цель воспитания

Цель воспитания отсутствует. Послание ребенку касается не отношений, не его идентичности, а опасного и неструктурированного внешнего мира. Проблемы ребенка отрицаются.

Уровень дифференцированности, особенности семьи

Такая семья фиксирует членов семьи в детстве. Самый низкий уровень дифференцированности. Нехватка пространства, дистанции для формирования идентичности, для различения ролей. В отдельных случаях в семье возможен инцест и суицид.

6. Семья — предприятие (La famille-PME)

Модель семьи и основные черты

Семья организована со строгой и логичной ролевой структурой, структурированы время и финансы. В такой семье все много занимаются карьерой и мало взаимоотношениями.

Цель семьи

В старом обществе целью такой семьи было производство чего-то. Сейчас это редчайший случай.

Уровень дифференцированности, особенности семьи

Высокий уровень дифференцированности, но мало тепла и взаимоотношений.

Л.Руссель приводит и обсуждает ряд других классификаций моделей семьи психологического характера. Мы приводим их в следующем разделе.

Данная классификация приводится на основе книги Ж.Гранмезона, основан-

ной на исследованиях Л.Русселя. Сам Руссель строил свою классификацию семьи, основываясь на собственных демографических исследованиях. В своих работах он резко критикует Ф.Дэсиньи за его методы исследования семьи, полагая, что точка зрения последнего на позитивное развитие института семьи опирается не на объективные демографические данные, а на опросники, то есть на субъективные и, возможно, неискренние оценки членов семьи. Особенно резкие расхождения эти авторы имеют по поводу воспитания и самого феномена детства. В своей книге «Дитя-король. Исчезновение детства» Л.Руссель отмечает все большую инфантильность родителей и все более раннее взросление детей. Мамы часто одеваются как подростки, а детей одевают как маленьких взрослых, для них проводят конкурсы красоты, они с самого детства должны выглядеть «секси». Это отражение того факта, что ребенок практически приравнен во внутрисемейных правах ко взрослому. В соответствии с этим падает возможность контроля за поведением, воспитания. Поднятая им проблема имеет большой резонанс и широко обсуждается.

2.3. Психологический подход к изучению семьи

Психологический подход к семье зародился в рамках психиатрии. Основные вопросы, которыми был вызван интерес к семье: Как семья воздействует на пациента? Какие свойства семьи помогают вмешательству и помощи извне? Возникшую позднее семейную психотерапию вызвала к жизни необходимость противопоставление ценностей семьи индивидуализму, как ведущей ценности американской культуры. В последствии семейная психотерапия разделилась на множество практических направлений, подразумевающих разные концепции помощи, модели семьи и разные цели психологического воздействия. Рассмотрим вклад основных подходов.

2.4.1. Психодинамический подход

Психодинамический подход к семье базируется на двух методологических основаниях: классическом психоанализе З.Фрейда и теории объектных отношений (Фейрбейрн, 1954; Мелани Кляйн, 1932, 195; Шандор Ференци и др.).

Классический психоанализ касается личности, ее структуры, периодизации развития. Семья впервые признается важным фактором формирования личности. Прошлое влияет на настоящее. Но внимание фокусируется на патогенном влиянии семьи в детстве. Брак рассматривается как реализация невроза. Жена или муж всего лишь заместители родительских фигур супруга. Семейные отношения определяются эдиповой ситуацией их детства (Слепкова В.И. Психология семьи. Минск: Харвест, 2006).

Вот как рассматривает супружеские отношения **Карен Хорни**. Сверх-Я угрожает опасность оживления старого запрета инцеста — на этот раз по отношению к брачному партнеру; и чем полнее осуществляются бессознательные желания, тем сильнее эта опасность. Последствия, при всем различии проявлений у разных людей, можно описать общей формулой: возникают определенные ограничения и условия, при соблюдении которых субъект все еще может выносить супружеские отношения, несмотря на запрет инцеста. Подобные ограничения могут проявиться уже при выборе супруга или супруги. Например, выбираемая в жены женщина ничем не должна напоминать мать: ее национальность, социальное происхождение, интеллект или внешне должны составлять резкий контраст с материнскими.

Условия могут создаваться всеми психическими инстанциями личности. На уровне ОНО — всевозможные генитальные запреты, сексуальная сдержанность, фригидность, импотенция. На уровне Я — попытки оправдать себя, принимающие разные формы. Это может быть отрицание брака, привязанности к суп-

ругу или, наоборот, преувеличенная любовь. Конфликты, страдание с ними связанное (как невротический симптом) является одним из условий, при которых брак может устоять против сильнейшего запрета инцеста. (Хорни К. Наши внутренние конфликты. — М.: Апрель-Пресс, Изд-во Эксмо-Пресс, 2000. с. 321–340).

Концепция брака в теории Юнга (Юнг К. «Брак как психологическое взаимоотношение» с. 174–188 // Юнг К. Сознательное и бессознательное. СПб., 1977) более оптимистична.

Юнг признавал сложную структуру брака, взаимодействие социальных и психологических факторов и не ставил во главу угла принцип сексуальности. Он описывает брак как функциональную систему (хотя и не употребляет этот термин), движущуюся от чувства единства и тождественности (счастия бессознательного слияния) у молодых супругов к сознательной адаптации к партнерству. Тому партнеру, который опирается на позитивные взаимоотношения с родителями, сознательная привязанность к родителям помогает быстрее достичь адаптации. А другому типу партнера помехой может быть укоренившаяся бессознательная связь с родителями. Поэтому он достигает полной адаптации позже, и поскольку она достигается с большим трудом, то вполне может оказаться более прочной и долгосрочной. Бессознательное родителей имеет большое влияние на детей. Вся та жизнь, которую родители могли бы прожить, но не прожили, потому что следовали искусственным мотивам, передается в форме субституции их детям.

В браке же недостаточность осознания приводит к тому, что один партнер как бы поглощается своим более сложным (как правило, более невротичным, диссоциированным) партнером. Юнг характеризует это как проблему «содержимого» (contained) и «содержащего» (container). Таким образом, он впервые вводит понятие «контейнирования»,

подхваченное позже теорией объектных отношений.

Теория объектных отношений утверждает, что ребенок не столько ищет удовлетворения инстинктивных желаний, сколько устанавливает отношений с теми, кто находится рядом... Для развития ребенка имеет значение, каковы были главные, родительские фигуры, как он их переживал, какие впечатления сохранил. В его внутреннем мире возникают психологические дубликаты реально существующих людей и отношений: возникает образ себя (я-репрезентация) и образ значимого другого (объект-репрезентация).

Интернализованные в раннем возрасте взаимодействия становятся моделью будущих отношений, фильтром для восприятия событий последующей жизни. Взрослый неосознанно пытается изменить свои отношения с близкими людьми так, чтобы они максимально походили на интернализованные в детстве модели. Люди используют текущие взаимодействия для возврата к неразрешенным конфликтам, для удовлетворения прошлых потребностей, неудовлетворенных в родительской семье.

О непосредственном использовании теории объектных отношений для понимания супружеских и детско-родительских отношений впервые заговорил Генри Дикс (1967).

Речь идет о вертикальном подходе к семье. Семья состоит из индивидов, имеющих свою индивидуальную историю развития. Характер супружеских отношений определяется их детским опытом. Каждый супруг имеет свою модель семейных отношений. Martin (1974) и Sajer (1976) рассматривают супружество как своего рода индивидуальный договор, касающийся всех аспектов семейной жизни, и основанный на модели родительской семьи каждого из супругов. Этот договор может быть осознанным или неосознанным, вербализованным или невербализованным, согласованным или конфликтным.

Позднее, практика семейного консультирования, осмысленная в рамках современного психоанализа, показала наличие неосознанной тенденции к повторению в главных чертах модели родительской семьи в семье детей. Основными механизмами, обеспечивающими этот процесс, являются механизмы идентификации, проекции и проективной идентификации. Они действуют на бессознательном уровне и позволяют объяснить неосознаваемые процессы в отношениях между членами семьи, выбор брачного партнера, взаимодействия как в благополучных, так и в конфликтных семьях. Тип личности супругов, предпочитаемая роль в браке определяются их сиблинговыми позициями в родительской семье. Благополучие супружеских отношений определяется тем, насколько комплементарны типы сиблинговой позиции супругов и насколько конгруэнтны они по своему поведению. Конфликтное супружество возникает, если ролевые ожидания и поведение супругов противоречат друг другу.

Сравнивая психоаналитический и социологический подходы, Эммануэль Тодд пишет: *«Первичный характер семьи по отношению к обществу, идеологии, религии впервые был признан Фрейдом и его психоаналитической школой. В своей работе «Будущее одной иллюзии», размышляя об основах семьи и бессознательных метафизических отношениях, Фрейд полагает, что идея Бога есть отражение образа отца. Идеология, религия для него только интеллектуальные формы для осязаемой материи типичных семейных отношений (часто патогенных). Рассматривая идеи психоанализа с точки зрения политолога, антрополога, Э.Тодд полагает, что наибольшая слабость психоаналитической аргументации в ее евроцентризме, в том, что она постулирует существование единой и универсальной структуры семьи, так что плохо видно, каким образом она может породить разнообразные идеологические продукты человеческого воображения. «Может ли одна и та же семейная*

структура породить и сурового бога протестантов, Аллаха милосердного мусульман, многочисленных богов индуизма и буддистскую непознаваемость как природу божества?»

«Кроме того, Фрейд и его последователи проигнорировали достаточно важные отношения между братьями и сестрами, которые также как вертикальные отношения Ребенок-Родитель, являются полем для бессознательных чувств. Почему? Просто потому, что немецкая семейная система, место антропологического рождения психоаналитической мысли, враждебна идее братства. По той же причине новая дисциплина нашла лучшее пристанище в другой благоприятной антропологической системе, расположенной к сепарации братьев, англо-саксонской Америке. Соответственно там, где доминировала идея сплоченности братьев (в России, Китае, особенно в странах Ислама), мысль Фрейда слабо затронула ментальную систему» (стр. 20).

В работе «Тотем и табу» Фрейд расширил свой семейный архетип, рассматривая мифологию отцеубийства. Отца казнят не сын, а группа братьев. Вероятно, сам Фрейд был бессознательно убежден в неразрушимости авторитарной семьи (корневой, по Ле Плэ), которая сталкивает мужчину и его сына в скрытом диалоге, в котором взрослый ребенок всегда в подчинении, никогда не освобождается, во всяком случае психологически. В большинстве аналитических случаев на немецком материале естественная смерть отца не освобождает сына, а наоборот, сообщает ему невротический толчок, страх перед сильными отношениями, могущими подчинить».

2.4.2. Бихевиористский подход и модель А.Эллиса

(Николс М., Шварц Р. Семейная терапия. Концепции и методы / Пер. с англ. О.Очкур, А.Шишко. — М.: Эксмо, 2004. 960 с.).

Методические истоки поведенческой теории семьи восходят к работам:

— Б.Ф.Скиннера. Поведение людей определяется стимулами окружающей среды. Респондентное поведение отвечает на знакомый (антецедентный) стимул или ситуацию, и оперантное поведение, определяемое результатом, следующим за ним. Позитивный результат способствует повторению (подкреплению) оперантного поведения.

— А.Бандуры. Теория социального научения А.Бандуры: моделирование (подражание поведению) используется при обучении сложному поведению. Когда за реакцией не следует никакого подкрепления, происходит угасание.

— Д.Келли и др. Теоретическая основа семейного конфликта представлена в теории социального обмена. Согласно этой теории каждый индивид стремится к получению максимального вознаграждения при минимальных затратах. Взаимодействие в паре считается удовлетворительным в той мере, в какой партнеры предоставляют друг другу вознаграждения, превышающие затраты, и неудовлетворительным, если затраты преобладают над выгодами.

Предметом исследования или вмешательства, фактором, через который можно понять особенности функционирования семьи, психологи-бихевиористы считают поведение, доступное непосредственному наблюдению. Прошлое супругов, взаимоотношения в их родительских семьях не имеют значения. Внимание сосредоточено на настоящем. Объектом наблюдения являются диадное взаимодействие: муж-жена, родитель-ребенок. Взаимодействие характеризуется однонаправленностью и линейной причинностью: антецедентное событие (стимул) — проблемное поведение — событие-последствие.

Представители поведенческого подхода в семейной психотерапии (Weiss, Hops, Patterson, Stuart, Azzin, Naster, Iones) принимают принципы теории систем, а именно:

— проблемное поведение, нарушенное взаимодействие членов семьи вы-

полняет определенную функцию в семейной системе;

– через наблюдение за поведением членов семьи можно понять сложившуюся семейную структуру;

– Для решения семейных проблем необходимы поведенческие изменения, которые ведут к перестройке семейного взаимодействия, поведения членов семьи и ее структуры.

Основными мишенями поведенческой семейной психотерапии являются проблемное поведение детей и супружеский конфликт.

Основой когнитивно-бихевиорального подхода к семье (Альберт Эллис) является позитивная жизненная философия. Краткое содержание этого подхода сводится к следующему. Мышление, эмоции и поведение — это три взаимосвязанных психологических аспекта человеческой деятельности. При этом мышление является главным фактором, обуславливающим эмоциональные переживания человека. То есть мысли индивида о браке, семье, детях, о партнере и о себе определяют его чувства по отношению к ним. Эмоциональные и поведенческие реакции на происходящие в семье события вызываются не самими событиями (как у бихевиористов), а восприятием, пониманием этого события. На поведение и чувства человека в семье оказывает влияние также прошлое (события, отношения), но не само по себе, а через его интерпретацию индивидом.

На оценку своей семейной жизни оказывают решающее влияние «внутренние представления» о браке:

– мысли и чувства по поводу собственного брака,

– образ идеального брака,

– а также информация о реально существующих отношениях в семьях друзей, коллег, родителей.

Семейные конфликты — следствие ошибочных интерпретаций, которые строятся на основе «иррациональных суждений». Иррациональными считаются суждения, сформированные на основе

когнитивных ошибок (преувеличения, упрощения, генерализации, абсолютизации, алогичные заключения), которые нельзя проверить на практике, которые вызывают негативные эмоции, неадекватные силе стимула (преувеличенные) и мешают человеку объективно оценить и адекватно разрешить ситуацию. К ним относятся ожидания того, какими должны быть люди, отношения и мир в целом.

Эллис выделил основные категории иррациональных суждений, мешающих семейной жизни, которые он слышал от своих клиентов, и соответствующие им (исправляющие) эмоциональные суждения. (См. Слепкова, с. 218–221).

Он также ввел понятие «семейных мифов», складывающихся на основе иррациональных суждений (Ellis, 1969, цитируется по Слепковой, с. 224–226). Он считал семейные мифы когнитивным феноменом, который оказывает сугубо негативное влияние на супружеские отношения. В отличие от Эллиса, Planova (1978), рассматривая происхождение семейных мифов, разделял их на гестианские (Гестия — богиня домашнего очага), способствующие сплочению семьи и дисгестианские, разъединяющие семью.

Хотя когнитивно-бихевиоральная терапия возникла задолго до нарративного, конструктивистского подхода, их объединяет убежденность, что чувства и поведение членов семьи определяются той «историей», которую они про себя и семью сочинили. Изменяя эту историю, можно изменить отношения, поведения, чувства.

2.4.3. Теория систем М. Боуэна

Мюррей Боуэн, биолог и психоаналитик стремился создать естественнонаучную теорию человеческого поведения, которая была бы применима к любому человеку любой культуры, независимо от конкретных исторических и социально-экономических условий.

Основная теоретическая система взглядов, лежащая в основе изучения человеческих семейных систем — это об-

щая теория систем. Представленная биологом и математиком *Берталанфи* перед Второй мировой войной, в своем классическом смысле Общая теория систем использует математику, чтобы определить принципы, относящиеся к системам в общем. Термин **система** в этом контексте обращается к функционированию организмов или целостностей, которые рассматриваются как единая сущность, а не сумма частей.

Как теоретическая система взглядов или шаблон, направляющий мысли или исследования, Общая Теория Систем использовалась в разных сферах, давая новое понимание старым наблюдениям и открывая новые возможности для осмысления. Пример такого применения отмечается в работах Talcott Parsons о поведении в организациях. Такие понятия как **гомеостаз**, **энтропия** и **открытые и закрытые системы** повлияли на появление системной теории семьи. Bowen, в публикации 1966 года, объяснял, что семья является системой, так как изменения в одной части ведут к компенсаторным изменениям в других частях семьи. В 1975 году, Bowen добавил свое собственное имя к исходному названию Семейной Системной Теории, чтобы избежать нарастающей неточности в общем употреблении слова **система**.

Боуэновская Теория и Общая Теория Систем имеют схожие сферы, однако, происходят из достаточно разных источников. Общая Теория Систем происходит из математики и осмысления. Боуэновская Теория базируется на фактическом знании, почерпнутом из направленного наблюдения за человеческой семьей, из долгосрочных полевых исследований человеческого поведения с целью увидеть системные процессы, которые управляют человеческим эмоциональным поведением. Особенное внимание уделялось терминам, которые использовались в описании его работы. Язык Боуэновской Теории большей частью взят из биологии и используется в идентичном или

схожем с биологией смысловом содержании.

По Боуэну, поведением человека, как части живой природы, управляет эмоциональная система. Она является врожденной, инстинктивной, бессознательной, автоматически направляющей активность человека.

Семья является естественной системой, в которой эмоциональные связи между супругами, детьми, родителями и детьми являются определяющими. Семейное благополучие/неблагополучие определяется уровнем дифференциации личности и межличностных отношений в семье. Дифференциация, ключевое понятие теории Боуэна, может применяться к личности (дифференциация Я) и к межличностным отношениям. У человека мы говорим о дифференциации эмоциональной и интеллектуальной систем и о различении Я и Псевдо-Я.

Псевдо-Я возникает под эмоциональным давлением группы (семейной, религиозной, общественной), в связи с потребностью индивида приспособиться к ней. Оно включает в себя набор идей, мнений, принципов, которые могут быть непоследовательными и бессознательными. В то время как собственное Я, по Боуэну, является последовательной системой четко определенных принципов, идей, убеждений, выведенных из собственного жизненного опыта, в результате его интеллектуального анализа, осмысления в ситуациях выбора и принятия решений. Люди выбирают партнера со схожим уровнем дифференциации, созданным в родительской семье. В супружестве сливаются два Псевдо-Я в единое МЫ, в котором один начинает доминировать. Если они плохо дифференцированы, то теряют границу между своими Псевдо-Я и Я. Возникает ощущение утраты себя и вызванная им тревога. Чтобы справиться с тревогой, снизить напряжение в паре, в отношения двоих включают третий объект, которым может быть как человек (ребенок, друг, психотерапевт), так и какое-то занятие (работа, пьянство, изме-

на и т.д.). Это так называемая триангуляция, второе ключевое понятие теории Боуэна. Системная теория Боуэна легла в основы многих позднейших направлений системной семейной психотерапии.

2.4.4. Гуманистический подход к семье

Гуманистический подход связан главным образом с именами Карла Роджерса и Вирджинии Сатир. Их подходы к семье сильно различаются.

Семейная группа по Роджерсу — самый узкий интимный круг межличностного взаимодействия. Это собрание уникальных личностей, признающих свое право и право других быть собой, связанных настоящими чувствами, как негативными, так и позитивными, отношениями взаимопонимания, эмпатии и принятия.

Карл Роджерс, создатель гуманистического направления в психологии и психотерапии, считал, что каждый человек рождается с врожденной склонностью к самоактуализации.

В идеальном варианте брачные отношения оказывают благотворное влияние на личностный рост каждого из супругов. Четыре элемента идеальных брачных отношений:

1. Супружество — процесс постоянного партнерства.
2. Супружеские отношения — это открытое общение.
3. Супружеские отношения не совместимы с ролевым поведением.
4. В браке каждый из супругов может быть самим собой.

Теория Роджерса послужила основой концепции «открытого брака», разработанной супругами Нейл (Neil, 1973), исходящей из признания ценности человеческой индивидуальности, равенства, уважения, открытости, доверия, гибкости ролей, переживания настоящего.

Вирджиния Сатир соединила гуманистические принципы с системными представлениями. Ее подход к семье касается динамики взаимоотношений и распределения ролей в треугольниках,

воспитания детей. Ее модель семьи оказала определяющее влияние на представления о семье у психологов как в США, так и в других странах.

«Сейчас мне совершенно ясно, что семья — это микрокосмос всего мира. Чтобы понять его, достаточно познать семью. Проявление власти, интимности, независимости, доверия, навыков общения, существующих в ней, — ключ к разгадке многих явлений жизни. Если мы хотим изменить мир, нужно изменить семью. Семья, пожалуй, самый трудный вид деятельности в мире. Семейные отношения напоминают организацию совместной деятельности двух предприятий, объединивших свои усилия для создания совместного продукта. Хорошо налаженные семейные отношения — это вопрос выживания, вопрос первостепенной жизненной важности. Неблагополучные семьи порождают неблагополучных людей с низкой самооценкой, что толкает их на преступление, оборачивается душевными болезнями, алкоголизмом, наркоманией, нищетой и другими социальными проблемами. Если мы приложим все усилия, чтобы семья стала тем местом, где человек может получить настоящее гуманистическое воспитание, мы обеспечим себе более безопасный и человечный мир вокруг. Семья может стать местом формирования истинных людей» (В. Сатир, 1992, с. 15).

2.4.5. Обзор классификаций и типологий семьи в зарубежной литературе

Уже Аккерман и Беренс (1956) описали 7 типов отклоняющихся семей:

1. Семья, изолированная от своего социального окружения.
2. Семья, интегрированная в социум, но внутренне разобщенная.
3. Семья, члены которой не интегрированы в общую жизнь семьи.
4. Семья, в которой потребности и стремления родителей стоят прежде детских.
5. Незрелая семья, в которой каждый из родителей пытается парентифициро-

вать другого, так как оба они остаются зависимыми от собственных родителей.

6. Семья, находящаяся в открытом конфликте с обществом.

7. Дезинтегрированная семья с регрессивными тенденциями.

В 1970 г. Рискин и Фонс, сравнивая стиль общения, измеряли следующие показатели: ясность коммуникации; следование сюжету беседы; четкость позиции; выражение согласия и несогласия; интенсивность аффекта; Качество отношений; кто с кем говорит, и кто кого прерывает.

Базируясь на этих категориях, они разделяли семьи на 5 типов:

1. Группы с множественными проблемами, описываемые как авторитарные, враждебные, соревновательные, часто с эксплозивным поведением, запутанной коммуникацией и недостатком настоящей кооперации между членами.

2. Замкнутая семья, характеризующаяся враждебной и депрессивной атмосферой, где многие темы являются запрещенными, запрещено спонтанное выражение аффектов, не принимается точка зрения отдельных членов семьи.

3. Семья с ребенком — идентифицированным пациентом, имеет депрессивную и конфликтную атмосферу, многочисленные проявления нетерпимости и несогласия, коммуникация непроясненная и фрагментарная, поведение неадекватное, в ней часто находится «козел отпущения».

4. Особые семьи с «проблематичной диагностикой». При обследовании семьи можно подозревать серьезную проблематику, однако, никто из членов семьи не является пациентом психиатра. Это гетерогенная группа семей. Значимых отличий от других групп не выделено.

5. Нормальные семьи, характеризующиеся теплым климатом, чувством юмора, успешностью членов семьи. Каждый может говорить и быть выслушанным, приветствуется уважение к различиям, к различным точкам зрения, ценится

спонтанность в выражении чувств. Коммуникация — ясная и прямая, отсутствует борьба за власть.

Е.Вертхейм описывает 8 типов семей, в зависимости от степени открытости и способности к адаптации, и для каждого из них определяет предполагаемую реакцию на семейную терапию (доступность, предполагаемая продолжительность, возможные результаты). Она различает семьи открытые и закрытые по отношению к внешним и/или внутренним влияниям.

1. Открытые-интегрированные системы. Это прототип «нормальной» семьи с идеологией среднего класса, чувствительной к социальному окружению.

2. Открытые, достаточно интегрированные системы. Эти семьи обладают достаточными адаптивными ресурсами, проблемы возникают в определенных областях межличностного общения, жестко регулируемых семейными правилами. Такие семьи хорошо поддаются краткосрочным кризисным вмешательствам.

3. Системы открытые вовне, не интегрированные. Семья с минимальной сплоченностью, легко поддающаяся внешним влияниям.

4. Системы открытые наружу, псевдоинтегрированные. Спонтанные адаптивные возможности такой семьи ограничены, но она может меняться под влиянием психотерапевтических интервенций. Показана долгосрочная семейная терапия.

5. Система открытая внутрь, интегрированная. Этот профиль соответствует «нормальной» семье высшего класса, социально независимой, с высоким уровнем образования.

6. Системы открытые внутрь, достаточно интегрированные. Эти семьи могут творчески адаптироваться. Их ограничения лежат в отдельных областях межличностного опыта.

7. Системы закрытые, дезинтегрированные. Семьи слабо структурированные, не имеющие ресурсов для изменений.

8. Системы закрытые, псевдо-интегрированные. Эти семьи функционируют благодаря жестким правилам.

Согласно Е.Вертхейм, функциональные семьи характеризуются сильным добровольным гомеостазом и слабым вынужденным гомеостазом. При этом уровень индуцированного морфогенеза показывает нам уровень социальной независимости. В проблемных семьях мы обнаруживаем сильный вынужденный гомеостаз (приверженность жестким правилам, авторитарность) и более-менее слабый консенсуальный гомеостаз (сплоченные семьи), тогда как тяжесть проблем прямо пропорциональна степени закрытости к внешним влияниям.

В.Кантор и Е.Лер находят, что все семьи имеют тенденцию группироваться вокруг трех основных типов, в которых мы легко можем узнать три хорошо известных психологических стиля (демократический, авторитарный, анархический). Эти три семейных профиля не встречаются в чистом виде, для каждого из них существуют как более-менее адаптивные формы, так и варианты мало — или неадаптивные. То есть, дисфункциональные семьи не рассматриваются как отдельная группа.

1. Для открытых семей характерно динамическое равновесие между стабильностью и изменчивостью, между индивидуальными и групповыми интересами. Разница в точках зрения может открыто выражаться, чувства разделяются, поощряются переговоры; власть применяется мягко и гибко, по обстоятельствам. В плохо адаптированном варианте проявляется тенденция к отстраненности и разводам.

2. Закрытая семья представляет собой высоко структурированный и иерархизированный ансамбль, подчиняющийся жестким правилам и нормам. Интересы индивидуума явно подавляются интересами группы, важны традиционные ценности верность семье. Власть находится в руках родителей, все попытки оппозиции со стороны детей жестко подавляют-

ся. В плохо адаптированном варианте семья превращается в «жесткую и тесную раковину».

3. В «нестабильных» семьях мало правил и границ. Индивидуальные предпочтения и убеждения, также как личная инициатива стоят впереди коллективных нужд и семейных ролей. Эмоции выражаются спонтанно и страстно. В плохо адаптированном варианте семья становится хаотичной группой.

Р.Левант (Бостон), опираясь на типологию Кантора, описал три типа семьи. Это семья гомеостатическая, уравновешенная — развивающаяся (balanced-growth), случайная семья. Он также показал, что семьи любого из этих типов могут быть функциональными и дисфункциональными в зависимости от качества семейных процессов.

Д.Олсон и его сотрудники (Университет Миннесоты) разработали «Циркомплексную модель», интегрировавшую многие концепты оценки семьи, с помощью двух фундаментальных шкал: 1) Сплоченность, характеризующая эмоциональные связи между членами семьи и определяемая на основе клинического исследования следующих девять переменных: эмоциональная включенность, независимость, границы, коалиции, время, пространство, друзья, принятие решений, интересы и развлечения. Выделяются четыре уровня сплоченности: отстраненность (крайне низкий), сепарация, объединенность, слияние (крайне высокий). 2) Адаптивность, которая определяется как способность семейной системы менять структуру власти и межролевые отношения в ответ на стресс, связанный с ситуацией или развитием. Выделяются уровни адаптивности системы: ригидная (слабая адаптивность), структурированная, гибкая и хаотичная (высокая адаптивность) семья. Эта шкала сформирована на основе изучения семи переменных, дисциплина, контроль, способность утверждать, стиль переговоров, комплементарность ролей, регуляция отношений, механизмы обратной

связи. Авторы описывают 16 типов семейных или брачных систем. Авторы полагают, что чаще встречаются 4 центральных типа и 4 самых крайних. Они также подчеркивают, что их модель является динамической, учитывающей способность семьи эволюционировать со временем и меняться в зависимости от этапов жизненного цикла семьи. Функциональная семья умеет находить равновесие между близостью и дистантностью (сплоченность) и между гомеостазом и развитием (адаптивность); под давлением некоторых обстоятельств семья может функционировать в крайних положениях на шкалах, но не остается фиксированной в них надолго. Олсон и его группа разработали несколько диагностических шкал: FACES I (Family Adaptability and Cohesion Evaluation Scale, состоящей из 111 вопросов, складывающихся в 16 осей: 9 для измерения сплоченности и 7 для измерения адаптивности); FACES II — улучшенный вариант теста, позволяющий также оценить семью «реальную» и семью «идеальную»; FACES III — форма опросника, имеющая варианты для супружеской семьи и семьи с детьми (то есть с вариантом и для детей). Модификации этого опросника продолжаются.

В Техасском университете (Даллас) R.W.Beavers с сотрудниками объединили системную теорию с психологией развития и выделили девять типов семьи в соответствии с адаптивной гибкостью и стилем общения. Под способностью семьи к адаптации они понимали компетентность семьи в развитии и гибком изменении структуры, благодаря динамическому равновесию между морфостатическими и морфогенетическими тенденциями. Есть два континуума адаптивности: для семьи и для развития индивидуума (автономия). Стилль общения проявляется в центростремительных и центробежных тенденциях развития семейной системы; развитие оказывается не линейным континуумом, а сложной функцией, поскольку «компетентные» семьи могут мягко и разнообразно менять со-

стояние как функцию потребности в развитии разных членов семьи.

По Биверсу, оптимальное функционирование семьи гарантируется правильной смесью центростремительных и центробежных тенденций в сочетании с ясной и прямой коммуникацией и ясными границами индивидуумов. Во время различных фаз жизненного цикла ведущими становятся то центростремительные, то центробежные тенденции. Так в семье с маленькими детьми сильные центростремительные тенденции являются оптимальными, но это не будет так для семьи с подростком.

В таблице (см. ниже) мы видим девять типов семьи по Биверсу: оптимальная семья; адекватная; средняя семья с центробежными тенденциями, с центростремительными и смешанными; пограничная семья с центробежными тенденциями и пограничная семья с центростремительными тенденциями; проблемная семья с центробежными тенденциями и проблемная семья с центростремительными.

Л.Фишер сделала резюме по литературе двух предыдущих десятилетий, посвященной различным классификациям семьи. Она указывает, что семьи классифицировались по 5 главным направлениям, а именно: по стилю адаптации, фазе развития семьи, предъявленной проблеме или диагностике идентифицированного пациента, структуре семьи, стилю брачных отношений. Анализ и синтез литературных источников позволил ей выделить 6 типов семьи.

1. Сросшийся тип, характеризуется непомерной блокадой основных сфер эмоциональной жизни.

2. Внутренне-ориентированный (internalized), где верность семье определяет поведение индивидуумов, которые остаются крепко привязанными к семье, воспринимая внешний мир со страхом, пессимизмом и враждебностью.

3. Семьи, центрированные на объекте (object-focused) можно разделить на три подгруппы:

Частые отклонения индивидуального развития в семьях различных типов по Биверсу

Стиль общения		Проблемная семья	Пограничная семья	Средняя семья	Адекватная семья	Оптимальная семья
	Центробежный	Социопатия	Пограничные состояния	Отклонения поведения	----- ----- -----	----- ----- -----
	Смешанный	----- ----- -----		Смешанное функционирование	Адекватное	Оптимальное
	Центростремительный	«Шизофрения» («process schizophrenia»)	Серьезные обсессивные расстройства	Неврозы	----- ----- -----	----- ----- -----
Комментарии	Границы ригидные или нечеткие, коммуникация спутанная, отсутствие общих точек зрения, семейные отношения стереотипизированны, безнадежность, цинизм, отсутствие выбора.	Попытки контроля, осциллирующие от хаоса к тирании, границы диффузные или ригидные, недостаток дистанции, депрессии, вспышки ярости.	Коммуникация относительно ясная, постоянная борьба за контроль («Любовь — это контроль»), недостаток дистанции, гнев, тревога, депрессии, подавленная амбивалентность.	Границы относительно ясные, переговоры ведутся легко, амбивалентность допускается, но вызывает болезненные чувства, периоды близости и эмпатии сменяются периодами борьбы за власть.	Привычка к переговорам, уважение индивидуального выбора и амбивалентности, тепло, близость, юмор.	

А) семья, центрированная на ребенке, который укрепляет связь между родителями;

В) группа, ориентированная на внешний мир;

С) семья, управляемая индивидуальными интересами, для которой характер-

ны слабые сплоченность и аффективные связи, в которой члены семьи остаются вместе исходя из персональных интересов и потребностей.

4. Импульсивный тип, в которых «проблемный» подросток служит проводником подавляемых антисоциальных

тенденций одного из родителей или их скрытого супружеского конфликта.

5. В семье инфантильного типа ни один из взрослых членов не отделился на самом деле от родительской семьи.

6. Хаотическая семья, слабо структурированное объединение, в которой часто наблюдаются психозы и делинквентное поведение.

Р.Моорс и А.Биллингс с сотрудниками (Стэнфорд, Калифорния) изучили 267 семей с помощью опросника FES (Family Environment Scale). Эта шкала служит для оценки десяти определяющих измерений семейной интеракции: измерение отношений (сплоченность, спонтанность выражения, конфликт); измерение личностного развития (независимость, ориентация на успех, интеллектуальные и культурные интересы, рекреативная деятельность и развлечение, моральная и религиозная включенность); измерение преемственности (непрерывности) семейной системы (организация, контроль).

Авторы описали семь типов семей:

1. Семьи, ориентированные на независимость.
2. Семьи, ориентированные на успех.
3. Группы, привязанные к моральным и религиозным ценностям.
4. Объединения, где преобладают интеллектуальные и культурные ценности.
5. Семьи, ориентированные на взаимную поддержку.
6. Конфликтные объединения.
7. Дезорганизованные семьи.

В своей книге «Основы семейной терапии», Л.Хофман (Институт Аккермана), делает критический обзор основных типологий семьи. По ее мнению большинство исследований семьи создает слишком статичный образ семейной группы и недооценивает потенциал изменения семьи. Она сама предложила модель, которая учитывает изменения «первого порядка» и структурные реорганизации «второго порядка» и делает особенный акцент на феномене бесконечных изменений. Она изображала ор-

ганизацию семьи в виде серии уровней (дисков), образующих каскад в форме спирали. Каждый уровень содержит две противоположных формы организации (напр., центробежная /центростремительная организации семьи). Феномен бесконечных изменений и реорганизаций семьи заключается в следующем. В определенных условиях, вызывающих структурный сдвиг второго порядка, она может совершить скачок, переводящий ее на другой уровень.

Основной вклад в американские исследования семьи внесли исследования Д.Рейса (Вашингтон). В своих первых работах Рейс (Reiss D., Varieties of consensual experience...) установил корреляцию между симптоматикой пациента и стилем общения в его семье. Семьи шизофреников, делинквентов и нормальные семьи дифференцировались на основе результатов следующего эксперимента. Перед членами семьи ставилась задача сортировки карточек. Сначала они работали по отдельности, затем они связывались с помощью переговорных устройств. В соответствии с различными модальностями, которые использует семья для обсуждения полученной в лаборатории информации, способности индивидов просить и хорошо применять предложения и советы других членов, способность группы достигать решения, исследованные семьи были разделены на 3 группы.

1. В семьях, чувствительных к согласию (consensus-sensitive), содержащих члена семьи с диагностированной шизофренией, обязанность поддерживать консенсус любой ценой препятствует любому расхождению во мнениях и любому объективному и оптимальному решению проблемы.

2. В группах, чувствительных к дистанции (distance-sensitive), с делинквентным членом семьи индивидуальные результаты процедуры сортировки карточек были выше, чем групповые. Каждый член семьи усиленно искал способы защитить свою потребность в независимо-

сти и сохранить свою дистанцию с другими.

3. Семьи, чувствительные к окружению (environment-sensitive), считались «нормальными»; они получали лучшие результаты благодаря их способности к интеграции лабораторной информации и внутрисемейной кооперации.

С годами Рейс отказался от идеи классифицировать семьи по оси функциональные/дисфункциональные и отверг все типологии, основанные на критерии здоровья/болезни, считая предпочтительным изучать и понимать семейные интеракции как функцию собственной парадигмы семьи (Reiss D. The family construction of reality). Эта модель социальной реальности, разделяемая всеми членами семьи, определяет то, как семья воспринимает свое окружение, и каким должен быть стиль интеракции с этим окружением. Таким образом, семейная парадигма будет влиять на поведение членов в ситуации исследования. Рейс продолжал использовать исследовательскую процедуру сортировки карточек, уточняя и развивая ее. Результат состоял из семи измерений индивидуального и семейного поведения по трем осям: конфигурации, координации, стиль принятия решений (Sigafos A., Reiss D., ... Pragmatics in the measurement of family functioning...).

а) *Конфигурация* — оценивает, насколько продуктивно члены семьи используют свои таланты для решения проблем во всей их сложности. В случае высокой конфигурации совместная работа выгодна и найденные решения являются относительно сложными и дифференцированными; в случае низкой конфигурации работа всей семьей невыгодна и предлагаемые решения поверхностны и просты. На уровне семейной парадигмы конфигурация учитывает, воспринимают ли члены семьи свое социальное окружение как структурированное и понятное или, наоборот, как хаотичное и непредсказуемое, а с другой стороны, воспринимают самих себя как группу, ком-

петентную в исследовании и освоении этого окружения, или наоборот, как беспомощный ансамбль.

б) *Координация* — исследует, насколько гармонично члены семьи работают вместе, могут синхронизировать свои усилия по сбору информации и проверке гипотез. Если координация сильная, то члены семьи обмениваются информацией и приходят к похожим решениям; если слабая — коммуникаций между членами семьи мало и имеется большое расхождение в результатах. На уровне парадигмы координация говорит, в какой мере члены семьи полагают, что окружение их рассматривает как группу, или же считает их отдельными персонами, а с другой стороны, рассматривают самих себя в отношении с социальной средой, как неопределенное объединение независимых индивидуумов или, больше, как спаянную систему.

с) *Стиль принятия решений (завершения прений)* — показывает, в какой мере семья учитывает весь доступный ансамбль информации до принятия решения. В случае досрочного прекращения прений семья принимает решение преждевременно, не рассмотрев возможность альтернативных решений. В случае отсроченного закрытия прений семья учитывает всю информацию и обдумывает альтернативные возможности до принятия решения. На уровне парадигмы, «закрытие» учитывает, в какой мере члены семьи воспринимают социальное окружение как новое и интригующее или как сравнительно знакомое (может быть понято на основании предыдущего опыта) и, с другой стороны, воспринимают себя как группу меняющуюся, развивающуюся с опытом или, наоборот, как постоянно ригидную систему со своим прошлым и со своими традициями.

В серии эмпирических исследований клинических и неклинических семей Рейс и сотрудники (Costell R., Reiss D., Berkman H., Jones J. The family meets the hospital: Predicting the family's perception of the treatment program from its problem-

solving stile, *Ach. Gen. Psychiat.*, 38: 569–577. 1981, Olivieri M.E., Reiss D. The structure of families' ties to their kin: the shaping role of social constructions. *J. Mar. Fam.* 43:391–407, 1981) показали, что знание семейной парадигмы позволяет предсказать тип отношений, которые семья будет устанавливать со своей социальной средой: с родительскими семьями, соседями, организациями (например, с психиатрическим госпиталем). Они могли предсказать степень вовлеченности в терапевтическую программу семьи подростка, госпитализированного в связи с частыми психопатологическими проблемами.

Семьи с высокой конфигурацией и координацией (чувствительные к окружению) могут активно участвовать в процессе лечения, тогда как группы с низким уровнем конфигурации и координации (чувствительные к дистанции) меньше вовлекаются в психотерапевтический процесс.

Заключение

Анализ большого количества источников из области социологии и антропологии показал, что семья рассматривается в двух аспектах: «Семья для человека» (индивид в семье) и «Семья для общества». Семьи классифицируются по структуре (нуклеарные, расширенные, многопоколенные, осколочные), иерархии власти (либеральные и авторитарные), целям создания и поддержания семьи, целям воспитания и ориентации семейной модели во времени. Семья в целом определяется как механизм воспроизводства людей и ценностей, материальных и духовных, трансляции правил и паттернов поведения. Рассматриваются семейные роли, их наполненность характерной деятельностью, отношения между поколениями, распределение прав и ответственности.

В данной работе также подробно рассматриваются различные психологические подходы к изучению семьи и выделяемые ими существенные параметры.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Мельникова А.А.

АНАЛИЗ СИНТАКСИСА КАК МЕТОДА ПОЗНАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ: РУССКАЯ ОНТОЛОГИЯ И ГНОСЕОЛОГИЯ В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКА

В статье рассматриваются различные подходы к ментальности в социально-психологическом аспектах. Автор считает, что язык содержит в превращенной форме систему значений, являющуюся квинтэссенцией базовых этнических смыслов и стратегий определенной национальной общности. Следовательно, анализ языка как транслятора, содержащего в превращенной форме базовые национально-культурные смыслы, открывает путь к анализу ментальности в ее конкретно-сущностных характеристиках.

Ключевые слова: ментальность, культура, лингвистика, язык, синтаксис, грамматика, конструктор, интуиция.

При всевозрастающем количестве публикаций на тему ментальности вопрос о ее сущностной составляющей до сих пор является предметом дискуссий — проявления ментальности разнообразны, запечатлены во множестве модулей культуры, что создает возможность различных трактовок. При рассмотрении многообразных подходов к анализу ментальности всегда возникает проблема верификации и, тем более, согласования различных концепций. Национальная ментальность — продукт историко-культурного развития, в ходе которого вырабатываются ее базовые константы — значимые смыслы, закрепляющиеся в ряде передающих их социально-культурных трансляторов; поэтому один из способов разрешить противоречия при определении сущностных составляющих ментальности — обратиться к анализу одного из таких трансляторов. В таком случае, одно из главных требований к такому носителю национально-ментальной информации —

он должен быть сам по себе уже достаточно научно изучен. Использование в таком качестве национального языка представляется наиболее продуктивным, ибо, с одной стороны, язык как система, имеющая свою структуру и набор правил функционирования, достаточно изучен филологами, а, с другой стороны — идея о соответствии строения языка «внутренней организации мышления» определенного народа была высказана еще в начале XIX в. В. Гумбольдтом: «различные языки — это не различные обозначения одного и того же предмета, а разные видения его», и «мышление не просто зависит от языка вообще, а до известной степени оно обусловлено также каждым отдельным языком»¹. Толчок к планомерному исследованию такого представления о языке дала выдвинутая в 50-х гг. Э.Се-

¹ Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. — М., 2001. С. 9.

пиром² и Б.Уорфом³ гипотеза лингвистической относительности, базирующаяся на следующих положениях. Национальная культура — это групповой способ структурирования мира для того, чтобы избежать хаоса и обеспечить выживание группы, а язык — система символов, в которой отражается это структурирование. Хотя создаются этнические смыслы вне языка, однако язык запечатлевает результат — национальный способ восприятия, понимания реальности (то есть — национальные этно-ментальные смыслы), и, усваивая родной язык, ребенок постигает, впитывает в себя содержащуюся в нем классификацию мира. Таким образом, язык содержит в превращенной форме систему значений, являющуюся квинтэссенцией базовых этнических смыслов и стратегий определенной национальной общности. Следовательно, анализ языка как транслятора, содержащего в превращенной форме базовые национально-культурные смыслы, открывает путь к анализу ментальности в ее конкретно-сущностных характеристиках.

Итак, обращаемся к языку. Он включает в себя лексику (словарный состав языка) и правила ее расположения — грамматику. Лексика подвижна, изменчива, грамматика стабильна, меняется крайне медленно. Отсюда — предположение: именно в грамматике закрепляются предельно базовые национальные смыслы, в то время как в лексической базе содержатся положения, относящиеся и к базовой концептуализации, и к исторически изменяющимся смыслам. Кроме того, грамматика — это структурная составляющая языка —

наиболее вероятно, что именно в ней и будет опредмечена основа ментальности (ибо не вызывает сомнения, что ментальность — это определенная система, следовательно, правомерно говорить о ее стержневой, несущей конструкции; именно она — базовая составляющая ментальности).

Грамматика состоит из двух разделов: морфологии (рассматриваются правила и средства изменения и построения слов) и синтаксиса (включает правила и средства изменения и построения словосочетаний и предложений). И то, и другое относится к структуре языка, однако именно предложение, а не слово, является законченным высказыванием, выражающим осознанную мысль, что является аргументом в пользу первоочередности исследования синтаксиса (впрочем, морфологические правила, также, без сомнения, отражающие национально-ментальные смыслы, могут при анализе служить в качестве расширяющего и дополняющего материала).

В свою очередь, синтаксис языка — тоже определенная система со своей иерархией, и можно предположить, что в этой системе относится к базовым, первичным характеристикам — относится к ее сущностным основам, и транслирует наиболее значимые установки, относящиеся к основе ментальности.

Приступая к анализу синтаксиса, начнем с определения базовых синтаксических правил, а затем попытаемся предположить, какие основные национально-ментальные идеи могут им соответствовать. Первой характеристикой предложения является способ соединения в нем слов — жесткий, со строго фиксированным порядком расположения подлежащего, сказуемого, дополнения и обстоятельства или свободный, допускающий любую вариацию расположения⁴. Русский язык относится ко

² Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М., 2002.

³ Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // Языки как образ мира. — М.; СПб., 2003. С. 157–202; Уорф Б. Наука и языкознание // Языки как образ мира. — М.; СПб., 2003. С. 202–220.

⁴ Анализ того, каким национально-ментальным смыслом соответствуют эти два способа, выходит за рамки данной статьи.

второму типу⁵. При таком типе кардинальное значение приобретают синтаксические конструкции, регулирующие связь слов друг с другом, поэтому обратимся к анализу данных конструкций. Это, прежде всего, согласование по родам, числам, падежам. Причем существенным представляется как наличие таких категорий в языке, так и формы их функционирования.

Как можно трактовать данную специфику в контексте особенностей национального менталитета? Логично предположить: сложный вид согласования в языке продуцирует настроенность на согласованность как базовую категорию, проявляющую себя в различных областях. Установка на согласованность поддерживается и такой особенностью русского синтаксиса, как расстановка членов предложения в зависимости от нюансов сообщения⁶, то есть русский язык обуславливает согласованность не только друг с другом на уровне межличностных интересов, но и с неким общим смыслом, ценностью, присущей данной ситуации, наполняющей ее.

Какими языковыми средствами обеспечивается согласование слов, то есть, как происходит формообразование — наделение слов грамматическими значениями рода, числа и др.? Оно происходит двумя путями. Первый — аналитический (греч. *analytikos* — «расчленение»), при котором грамматическое значение передается сочетанием служебного и знаменательного слова (например, артикль (служебное слово) во французском несет на себе признаки рода и числа существительного (знаменательного слова), при котором он стоит). Второй — синтетический (греч. *synthetikos* — «соединение»), при котором грамматическое значение образует-

ся посредством слияния основы, остающейся обычно неизменной, и формообразующего аффикса, который и сообщает слову необходимые грамматические характеристики; таким образом, изменения происходят внутри самого слова (лежу — лежал_ (лежало, лежала)). Именно второй способ является характерным для русского языка, причем, как и в случае с согласованием, он не исчерпывает всех особенностей формообразования: например, грамматическое значение в русском языке может быть выражено при помощи внутренней флексии, когда происходит чередование фонем в корне (*избегать* — *избежать*), то есть опять изменения происходят внутри слова. Что может продуцировать такой способ формообразования?

Прежде всего, он определяет закономерности, характеризующие свойственные данной ментальности особенности согласования: оно происходит за счет подстраивания под другого через изменение себя, но не своей сущностной основы, а периферии личности, то есть форм ее проявления. Таким образом, у нас налицо закрепленная в языке фиксация двух моментов: с одной стороны, жестко-неизменной базовой, сущностной основы, а, с другой стороны, вариативности под задачу согласования периферийной части.

Усиливает и расширяет эти характеристики и присущий русскому языку способ словообразования — также синтетический. Проанализируем подробнее. Словообразование, как и формообразование, в языке осуществляется также двумя путями — синтетическим, когда новое слово образуется путем слияния основы и формообразующего аффикса, и аналитическим, когда происходит сочетание служебного и знаменательного слова (например: *более сильный*, *самый сильный*). Русский язык характеризуется доминированием синтетических формообразующих морфем над аналитическими и большим разно-

⁵ Вендина Т.И. Введение в языкознание. — М., 2001. С. 248.

⁶ Плунгян В.А. Почему языки такие разные? — М., 2001. С. 210.

образом синтетических морфем. Так, в русском языке распространены префиксы (приставки), постфиксы (которые, в свою очередь, делятся на флексии (окончания) и суффиксы), интерфиксы (аффиксы, располагающиеся между корнями — водопад), а также конфиксы (циркумфиксы), которые представляют собой комбинацию из префикса и постфикса, функционирующих совместно (*подоконник*). Разнообразие форм создает большое содержательное разнообразие, позволяющее в широком диапазоне изменять слово, находя точное соответствие сущности конкретного предмета его словесному выражению (книга / книжка / книжечка / книжонка / книжище / книжишко и т.п.). Эта языковая особенность формирует как способности, так и привычку, с одной стороны, вычленять основную сущностную составляющую объекта (или ситуации), с другой стороны — фиксировать его специфичность в данной явленности, в то же время представляя многообразие возможных форм существования объекта (из которых и осуществляется выбор). Причем, в отличие от синтетической формы согласования, когда периферийные изменения связаны именно с задачами согласования, при синтетической форме словообразования выбор необходимой формы связан именно с максимально точным определением проявлений базовой сущности (разница между книжонка и книжка именно в смысло-сущностных характеристиках их проявленности, а не в формальных внешних характеристиках, как то: размер, цвет, толщина и т.п.).

Кроме того, доминирование синтетического, а не аналитического способа словообразования усиливает антагонистичную позицию по отношению к абстрактным понятиям, усиливая направленность на видение конкретной проявленности ситуации. Такая позиция в русском языке закрепляется и лексикой. Например, в русском языке гла-

голы перемещения включают в себя обычно и способ перемещения, который указывается говорящим вне зависимости от того, значим или нет этот способ для цели сообщения (собака *вышла* из конуры, птица *вылетела* из гнезда, змея *выползла* из норы, рыба *выплыла* из грота и т.д.). Во французском же, скажем, во всех перечисленных случаях употребился бы один и тот же глагол *sortir* (*покидать*) (в русском же употребление этого глагола имело бы смысл «навсегда оставить»). То есть русский язык содержит также большой класс лексических значений, которые, как и грамматические значения, выражаются в обязательном порядке⁷, и эти лексические значения тоже поддерживают установку на выделение специфичности данной ситуации (данного объекта) из ряда подобных ситуаций (объектов).

Кроме того, если при аналитическом способе словообразования само слово остается неизменным, новый смысл появляется за счет прикрепления к основному слову добавочного, то при синтаксическом способе изменения происходят внутри слова. Это, в свою очередь, формирует способность и привычку к концентрации на внутреннем содержании (состоянии) объекта, которую, как уже отмечалось, формирует и присущий русскому языку способ формообразования.

Таким образом, язык задает установку на согласованность, реализуемую через приноравливание к объекту взаимодействия посредством изменения своей периферийной (не сущностной) основы под вычлененные особенности его внутренней специфичности. Усилению согласованности способствует и способ видения объекта (субъекта) взаимодействия — с одной стороны, выделяя его сущностную основу, с другой стороны,

⁷ Апресян Ю.Д. О языке толкований и семантических примитивах // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. Т. 53. № 4. 1994. С. 28.

фиксируя особенности его проявления здесь и сейчас.

Изменение слов, связанное с подстраиванием их друг под друга посредством внутреннего преобразования, связано не только с согласованием как способом синтаксической связи — подобное изменение слов происходит и при другом виде синтаксической связи — управлении. Если при согласовании зависимое слово принимает те же грамматические значения, что и главное (*зеленое яблоко*), то при управлении главное слово требует от подчиненного определенной грамматической формы, причем последняя не совпадает с формой главного слова (*повышение производительности труда*). Управление бывает непосредственное, когда главное слово напрямую управляет зависимым словом (*лист березы*), и опосредованное, когда главное слово требует определенного предлога и через него — формы зависимого слова (*человек с ружьем*). Третий способ синтаксических связей, также присущий русскому языку — примыкание (когда главное слово связывается с зависимым посредством интонации и порядка слов: *быстро бежать, рубашка навывпуск*). Таким образом, в русском языке происходит изменение слова (при сохранении основы) при согласовании, непосредственном и опосредованном управлении и не происходит — при примыкании (этот тип связи характерен для синтаксических отношений глагола и наречия).

Анализ способов синтаксических связей демонстрирует нам не только укорененность установки на согласование: все члены русского предложения связаны между собой различными типами связей, при большинстве из которых происходит их изменение — согласование друг с другом. Не изменяются в русском языке только наречия (то есть им присуще примыкание как тип связи), которые в предложении выполняют функцию обстоятельства. Изменяются, согласуясь — подлежащее, сказуемое,

определение и дополнение. Таким образом, к изменяющимся и связанным по типу подстраивания друг к другу относятся субъекты, объекты, их признаки, а также действия между ними.

То есть анализируемые выше языковые особенности транслирует идеи:

1) соединенности, связанности всего со всем (субъектов друг с другом, субъектов с объектами, объектов с объектами);

2) подстраивания, согласования (тоже как всеобщую категорию);

3) акцентированность внутреннего, базового (в субъектах, их признаках, процессах, ситуациях и т.д.);

4) акцентированность тонкостей мировосприятия.

Рамки статьи не дают возможности проанализировать, как эти идеи воплощаются на уровнях национально-ментальных представлений онтологических, гносеологических, социальной реальности и антропологических — ограничимся рассмотрением лишь первых двух.

Описание онтологических и гносеологических представлений мы находим в трудах русских философов, которые при рассмотрении мира делали упор на его всеединстве, а при рассмотрении способа постижения такого мира — на интуиции. Исследованию интуиции как специфического, непосредственного способа постижения реальности (или, по выражению Н.О.Лосского, «созерцания предмета в подлиннике»⁸) была посвящена не одна философская работа, однако больше всех интуицией занимались, пожалуй, именно русские философы (в контексте анализа русского языка это не выглядит случайностью). В рамках самой русской философии зародыши учения об интуитивном знании как непосредственном постижении самой действительности восходят к сла-

⁸ Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. — М., 1995. С. 150.

вянофилам И.Киреевскому и А.Хомякову⁹; систематически же оно было разработано в философии Вл.Соловьева как идея «цельного знания», предполагающая единство теории и жизненно-практического действия (такое знание, в том числе, должно дать ответ на вопрос о смысле человеческого существования, о последней цели космического и исторического процесса, субъектом которого является человечество как единый организм). Вл.Соловьев построил сложное учение об истине как результате не столько эмпирического и рационального, сколько интуитивного и мистического познания. Основой его учения послужило представление о всеединстве¹⁰ — «Великая мысль, лежащая в конце всякой истины, состоит в признании, что, в сущности, все, что есть, есть *единое*» — таковы те онтологические основания, на которых Соловьев конструирует свою гносеологию, а именно: непостижимое для разума, сущее может быть предметом мистического созерцания, особым образом понятой интеллектуальной интуиции¹¹.

Своеобразная форма интуитивизма была развита В.Франком, утверждавшим в качестве подлинной и первоначальной реальности жизнь как непосредственно данную целостность, сущность которой может быть постигнута только с помощью интуиции, без всяких опосредований проникающей в предметы. По словам Франка, реальность может быть обнаружена путем «поворота сознания» извне — вовнутрь, ибо именно глубины самосознания — это и есть подлинное бытие¹². По Франку, сознание — это созерцание, прямое

видение реальности, прямое ее переживание или интуиция. То есть сознание есть живое знание, знание-переживание, знание-бытие, знание-жизнь. Именно в этом смысле он трактует и понятие опыта, который прежде всего — внутренний опыт, опыт-переживание. И опыт, и знание предстают у Франка не как нечто отличное от самой жизни, а как тождественное с ней — поэтому подлинное знание предполагает снятие различия между субъектом (переживающим) и объектом (переживаемым): в акте интуитивного переживания они сливаются воедино¹³.

Как способ познания мира рассматривает интуицию и Н.О.Лосский — свою концепцию философ назвал интуитивизмом или идеал-реализмом, развернув как теорию непосредственного созерцания познающим субъектом самой реальности, от субъекта независимой. Интуитивизм Лосского — последовательно развернутое учение об открытости сознания, которым предмет познается так, как он есть: в сознании «присутствует не копия, не символ, не явление познаваемой вещи, а сама эта вещь в подлиннике»¹⁴. Лосский проводит различия между различными видами интуиции — чувственной, интеллектуальной и мистической. Философ подчеркивает, что даже чувственное восприятие, несмотря на участие в его возникновении раздражений органов чувств, — это преимущественно *духовный* акт, «умственное созерцание хотя бы и чувственных качеств»¹⁵. «Способность такого духовного созерцания чувственных данных объясняется координацией субъекта со всеми предметами мира, наличием всего космоса в предсознании субъекта»¹⁶ — то есть речь идет

⁹ См. статью: Радлов Э. Теория знания славянофилов // Журнал министерства народного просвещения. 1916. февраль.

¹⁰ См., например: Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // Соб. соч. в 8 томах. — СПб., б.г. Т. 1.

¹¹ Там же, с. 294.

¹² Там же, с. 36.

¹³ См.: Гайденок П.П. Метафизика конкретного всеединства, или абсолютный реализм С.Л.Франка // Вопросы философии. 1999. № 5.

¹⁴ Лосский Н.О. Обоснование интуитивизма. — СПб., 1908. С. 67.

¹⁵ Там же, с. 163.

¹⁶ Там же, с. 184.

опять о всеединстве. Именно эта специфика всеединства и создает базу для различного вида интуиций: «Ввиду пронизанности реального бытия идеальным неудивительно, что чувственная интуиция, направленная на реальные психические процессы, может дать знание не иначе как в сочетании с интеллектуальной интуицией, направленной на *идеальные* аспекты бытия»¹⁷ — и именно наличие способности к такого рода интуиции отличает человека от животного¹⁸. При помощи чувственной и мистической интуиции человек может познать как все наличное бытие в его опредмеченности, так и идеальную составляющую, то есть подлинную сущность всех онтологических явленностей. Мистическая интуиция не направлена на бытийный мир — она направлена на Сверхсистемное, Сверхмировое начало, каковым является Бог: «В мистической интуиции, в ее чистом виде открывается Бог в Его аспекте несказанности, «без модусов» (то есть без образов и без каких бы то ни было определенностей)»¹⁹.

О всеединстве мира и интуиции как способе его постижения говорит кн. С.Н.Трубецкой. В своем осмыслении этих тем он связывает, как и Вл.Соловьев, всеединство с соборностью — «Только признав... коренную коллективность... органическую соборность человеческого сознания, мы можем понять, каким образом оно может всеобщим и необходимым образом познавать действительность; только тогда мы можем понять, каким образом люди психологически и логически понимают друг друга и все вещи...»²⁰, а интуитивный способ познания реальности у него воплощен в идее о всеобщей чувственности как основе для любого типа познания — «Если теперь мы понимаем, что все чув-

ственное предполагает нечто чувствующее... ясно, что чувственность, обуславливающая вещественный мир, не может быть субъективной: признавая объективную действительность вечно мира, мы предполагаем всеобщую, антропоморфную чувственность *до человека*. Таким образом, в каждом нашем реальном чувственном восприятии мы безотчетно предполагаем обций универсальный характер нашей чувственности... Чувственная вселенная, поскольку мы признаем ее объективность, предполагает вселенскую чувственность, с которой связана наша индивидуальная чувственность»²¹.

О всеединстве и интуиции как наиболее адекватном способе познания мира говорил и брат С.Н.Трубецкого — философ Е.Н.Трубецкой, хотя, например, в отличие от вышеприведенных собратьев-философов, он представлял всеединство не существующей данностью, а разворачивающейся потенциальностью: «Этот мир еще не есть всеединство, ибо всеединство в нем еще не осуществлено; но *он подзаконен всеединству*, ибо всеединство есть общий закон его стремления, *общая форма его существования*»²². Высшая же форма познавательной деятельности в этом мире — интуитивная: «акт всеединой мысли и всеединого сознания не есть психологический процесс во времени: всеединая мысль есть интуитивная, а не рефлектирующая»²³.

Таким образом, несмотря на существующие различия во взглядах приведенных выше русских философов, все они строят свои рассуждения на утверждении органического единства мира и интимной внутренней связи между его частями как условия возможности интуиции. Они также утверждают, что ин-

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, с. 198–199.

¹⁹ Там же, с. 263.

²⁰ Трубецкой С.Н. О природе человеческого сознания // Собр. соч. Т. II. — М., 1908. С. 13.

²¹ Там же, с. 83.

²² Трубецкой Е.Н. Смысл жизни // Трубецкой Е. Избранные произведения. — Ростов-на-Дону, 1998. С. 200.

²³ Там же, с. 42.

туитивное познание является познанием более высокого уровня — оно позволяет понять истинные связи между предметами, причины явлений, глубинную суть сущего, в отличие от познания, основанного на логике. Если же анализировать их концепции в контексте связанных с языковыми особенностями ментальными идеями, то обнаружим все 4 выявленных пункта. Первая идея — соединенности, связанности всего со всем — собственно, и составляет главное основание всеединства. Вторая идея (подстраивание, согласование) также присутствует в развернутой онтологическо-гносеологической картине, ибо связность тут осуществляется не за счет формальных объединяющих правил, внешним образом нормирующих алгоритм объединения, а за счет внутреннего согласования. Результатом же интуитивного акта является открытие «цельного знания» о постигаемом — то есть знания как о его сущностной, базовой основе (пункт 3 в нашем списке транслируемых идей), так и об особенностях, тонкостях его проявленности (пункт 4).

Продолжим анализ гносеологической проблематики вне философских концептуализаций. Одним из способов анализа будет обращение к лексике, ибо отражение национального менталитета в лексике является фактом, уже не требующим доказательств. Впрочем, не только отражение — лингвисты уверены, что представления, формирующие картину мира, входят в значения слов, пользуясь которыми «человек, сам того не замечая, принимает и заключенный в них взгляд на мир; соответственно, владение языком включает в себя принятие концептуализации мира, отраженной в этом языке»²⁴. В своих исследованиях картины мира филологи акцентируют в качестве стержневых ключевые концепты и связывающие их инварианты клю-

²⁴ Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. — М.: Языки славянских культур, 2006. С. 207.

чевых идей, повторяющиеся в значении многих слов и выражений²⁵.

Что касается гносеологических представлений, то в них можно выделить два аспекта. Первый связан с характеристиками активности, которую человек проявляет в познавательной сфере, с природой этой самой активности. В русском языке такой тип активности описывают три существительных (любопытность, любопытство, интерес), два из которых имеют глагольные формы (любопытствоваться, интересоваться). Какие же отличительные черты маркируются этими существительными?

Наименьшая синтагматическая продуктивность у любознательности (имеет лишь одно родственное слово — прилагательное «любопытный»), сам термин редко используется в речи, применяется в основном к ребенку или ученику, стремящемуся углублять свои предметные знания; по отношению к взрослому индивиду любознательность также связана с предметными знаниями, относясь к области занятий и профессиональной деятельности человека (то есть направленность любознательности всегда связана с интересом к объектам, а не к субъектам).

Что касается любопытства²⁶, то оно не просто обладает большей синтагматической продуктивностью, чем любознательность и интерес — у него более семидесяти, по данным словаря эпитетов²⁷, определений и эпитетов (в сред-

²⁵ Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. — М., 1997; Wierzbicka A. Semantics, culture, and cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. — NY; Oxford: Oxford Univ. Press, 1992; Wierzbicka A. Understanding cultures through their Key words. — NY; Oxford: Oxford Univ. Press, 1997.

²⁶ Основой при исследовании особенностей любопытства, любознательности и интереса является статья: Рябцева Н.К. Любопытство как организующая и как дезорганизующая сила // Логический анализ языка. Космос и хаос. — М., 2003. С. 158–191.

²⁷ Горбачевич К.С., Хабло Е.П. Словарь эпитетов русского литературного языка. — Л., 1979.

нем же существительное в русском языке обычно имеет около одиннадцати устойчивых определений-прилагательных). В связи с этим правомерным будет предположение, что любопытство — лингвоспецифичный термин, маркирующий значимые для русской ментальности базовые смыслы. Каковы же существенные составляющие любопытства?

Любопытство больше связано с характером субъекта, являясь имманентно присущим ему свойством. Обращаясь выделенным во 2 части соответствующим синтаксическим правилам психологическим особенностям отметим соответствие данной особенности пункту 3 — опоре на внутреннее. Если по этому критерию провести сравнение с любознательностью и интересом, то в случаях с ними активность субъекта базируется не на его собственных характерологических особенностях, а связана обычно с включенностью субъекта в некий учебный процесс (при любознательности) — то есть с внешним фактором, либо (при интересе) — также вызвана скорее внешними обстоятельствами, своими привлекшими внимание объекта. Углубляется тезис «опора на внутреннее» еще и тем, что любопытство — не просто характерологическая особенность субъекта, а также является захватывающим человека стихийным чувством, которое «лишь порождается тем, что субъект обратил на что-то внимание, но дальше оно уже не требует специальных сознательных усилий, оно уже **само** организует поведение субъекта, превращается в самоподдерживающееся и самоорганизующееся текущее состояние, организующую самостоятельно поведение субъекта силу, которая, в свою очередь, способна формировать интересы»²⁸. Таким образом, опора на внутреннее выступает в двух ипостасях — как опора на присущие субъекту характерологические особен-

ности и как опора на возникающее у человека и захватывающее его чувство. Причем здесь необходимо заметить: любопытство определяется не просто внутренним, а текущим состоянием субъекта — то есть здесь мы наблюдаем также опору на тонкости его внутреннего состояния (то есть соединение пунктов 2 и 4).

Кроме того, как опора на внутреннее (с акцентом на перевод внешнего во внутреннее) выступает и следующая особенность: любопытство, как отмечает Рябцева, не только является желанием узнать что-то новое, но и в не меньшей степени — еще и пережить эту новость, вписать ее в личную сферу и эмоционально прочувствовать, дополнить ею свои представления о мире, сделать их более определенными, осознать ее воздействие на себя и свою жизнь, проявить небезразличие к ней.

Наряду с этим часть входящих в эту особенность любопытства составляющих относятся и к такой выделенной психологической характеристике, как связь всего со всем (пункт 1), ибо субъект связывает любопытную для него информацию с собой; можно говорить и о способе, каким данная связь осуществляется — за счет включения в сферу личного через небезразличное отношение и затем эмоционального проживания новости.

Опора на внутренние, базовые характеристики выступает ведущей и при анализе любопытства с точки зрения его иррациональности — в исследовании Рябцевой со ссылкой на психологов отмечается следующая парадоксальная черта любопытства: «желание получить такие знания, которые данному конкретному человеку в данной конкретной ситуации или даже в более отдаленном временном интервале **не нужны**»²⁹. Рассматривая же иррациональную составляющую личностной сферы, психо-

²⁸ Рябцева Н. К. Любопытство как организующая и как дезорганизующая сила. С. 175.

²⁹ Там же. С. 176.

логи, начиная с Фрейда, говорят о ее внутренней, глубинной укорененности. Рациональность же по отношению к иррациональности выступает внешней детерминантой, ибо рациональный выбор здесь был бы логически обоснован причинно-следственными связями с некими внешними обстоятельствами, вызывающими необходимость таких знаний.

В том же отношении внешнее/внутреннее стоит и пара рациональное / эмоциональное, а любопытство — это, прежде всего, эмоциональное состояние, именно эмоции организуют и направляют «познавательное» поведение (то есть в нашей классификации пункт 3), причем данное эмоциональное состояние ярко выраженные тонкости проявления — в выражении лица, позе, поведении, действиях (пункт 4).

Любопытство часто направлено на другого человека (в отличие от любознательности и интереса, зачастую направленных на объекты), причем происходит, как было отмечено выше, эмоциональное проживание неких новостей, с ним связанных — в этом отношении любопытство приобретает эмпатические черты, ибо именно при эмпатии происходит соединение с другим человеком, подстраивание под него, со-переживание с ним, а сопереживание, в свою очередь, основано на тонкостях восприятия эмоционального состояния другого человека (то есть эмпатические черты любопытства — отражение пунктов 2 и 4).

Таким образом, в любопытстве акцентированы качества, соответствующие всем 4 выделенным нами пунктам психологических характеристик, выделенных на основании анализа синтаксических правил русского языка.

Усиливает полученную картину и анализ не доминирующих по сравнению с любопытством ни с точки зрения синтагматической продуктивности, ни с точки зрения речевой частотности терминов «интерес» и «любопытность». В обоих случаях их наличие вызывает-

ся не внутренними причинами (характерологическими особенностями, захваченностью чувством), а внешними (свойствами объекта и предметной деятельностью), не внутренне-глубинным иррациональным и эмоциональным, а отчетливо выраженным рациональным (этот акцент стоит и у любознательности, и у интереса; причем отличительным качеством интереса является его связь с пользой, которую может принести знакомство с объектом: важной составляющей интереса является его выгода, расчет, надобность).

Противопоставление идет и по линии контроля — слабый или практически отсутствует при любопытстве, хорошо выражен при любознательности и интересе. Контроль же — это проявление внешней по отношению к рассматриваемым чувствам формы надзора.

Любопытство — текущее состояние субъекта (пункт 3 — подстраивание под здесь и сейчас), интерес и любознательность связаны с долговременным и внеситуативным вниманием.

Любопытство связано с сопереживанием информации (пункт 2 и 4), интерес и любознательность — с ее интеллектуальным усвоением.

Таким образом, из трех перечисленных гносеологических предикатов именно любопытство отвечает всем выделенным в ходе анализа синтаксических правил русского языка психологическим особенностям, и оно же разительно опережает любознательность с интересом и по синтагматической продуктивности, и по речевой частотности. Это подтверждает сделанное предположение о том, что выделенные на основе анализа синтаксических правил психологические закономерности фиксируют базовые смыслы русского менталитета.

Перейдем к анализу второго аспекта. Гносеологическая активность как познавательный акт связана в первую очередь с умственной деятельностью, поэтому второй задачей будет рассмотре-

ние того, какие смыслы стоят за концептами, непосредственно связанными с умом (и формами его проявления) в русском языке.

Рассматривая особенности онтологических воззрений в российской ментальности, мы уже обращались к трудам русских философов, сделаем это и теперь, сравнив их представления о рассудке и разуме с представлениями о данных категориях философов-немцев. Это представляется продуктивным еще и потому, что синтаксис немецкого языка отличается от русского по рассматриваемым критериям.

Рассуждая о сфере ментальных способностей человека, и те, и другие философы выделяют рассудок и разум, однако семантическое наполнение этих терминов совпадает у них лишь отчасти. Если рассудок у представителей как русской, так и немецкой философии упорядочивает и систематизирует материал чувственного созерцания, то в трактовке понятия «разум» у них практически нет точек соприкосновения. С точки зрения Канта разум снабжает рассудок принципами априорного познания, однако ему свойственно впадать в неразрешимые противоречия — антиномии. По Гегелю, на стадии разума мышление делает своим предметом собственные формы, наличные определения мысли и, преодолевая их односторонность, вырабатывает «конкретное» понятие (то есть основная деятельность разума — развитие и конкретизация понятийного содержания). Таким образом, разум является высшей по сравнению с рассудком способностью познания, выполняющей по отношению к рассудку руководящие функции.

Совсем по-другому видят деятельность и задачи разума русские философы. Вот какая трактовка разума дается у В.Соловьева: «Для того, чтобы наше знание было истиной, оно должно представлять не одну действительность или реальность существующего, а его

смысл, или разум. В истинном познании должен нам открываться общий смысл, или разум вещей. Разум, или смысл вещи состоит.. в отношении ее ко всему.. Разум, или смысл познаваемых вещей и явлений может быть познан только разумом же или смыслом познающего субъекта»³⁰. Как мы видим, у Соловьева разум выступает синонимом смысла, то есть его задача — проявление сущностной основы чувственно воспринимаемой реальности. Итак, во-первых, задача разума — узреть базовый смысл за внешними проявлениями, а, во-вторых, Соловьев подчеркивает, что этот глубинный смысл связан с отношением рассматриваемого предмета ко всем остальным (то есть речь идет о связности) — в контексте выделенных психологических особенностей это пункты 1 и 3.

Флоренский, вторя Соловьеву, также видит разум как «способность прозревать в вещах смысл, наделять мир осмысленностью»³¹. Однако у Флоренского мы находим не только разницу по сравнению с представлениями философов-немцев о деятельности разума, но и абсолютно иное понимание взаимосвязи разума и рассудка. Если у немцев оба термина обозначают познавательные способности различного уровня, то у Флоренского это — принципиально противоположные, антагонистичные понятия, причем они противопоставляются не в качестве понятий, а главным образом с ценностной точки зрения. Рассудок, пытаясь выстроить логические построения, объясняющие воспринимаемое им, не только не достигает своей цели постижения жизни, но и производит прямо противоположное

³⁰ Соловьев В. Сочинения: В 2 т. — М., 1990. Т. 1. С. 674–675.

³¹ Борухов Б.Л. Мышление живое и мертвое: «рассудок» и «разум» в философии П.Флоренского (по книге «Столп и утверждение истины») // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1955. — М., 2003. С. 503.

действие — разрушает: «Так как же эта полнота ... Божественной жизни может быть уложена в узкий гроб логического определения?» — вопрошает Флоренский³². Понятийное мышление, характерное для рассудка, «делает ненужным всякое проявление жизни. Мало того, так как никакая жизнь не может быть соизмерима с понятием, то всякое движение жизни неизбежно переливается за намеченные понятием границы»³³. Что касается мышления через разум, то у Флоренского это — «живая деятельность человека», «живое нравственное общение личностей», и именно в силу таких его особенностей «жизнь — текущая, несамотождественная, — ... может быть прозрачна для разума»³⁴.

Теперь подведем итог по осмыслению разума Флоренским. Он делает акцент на способности прозревать смысл — то есть на видение базовых оснований (пункт 3), акцентированность на текучести, несамотождественности — выделение тонкостей (пункт 4), подчеркивает связь всего со всем (пункт 1) (через общение — познание жизни, а также, в рассуждениях об истине, отмечает: «я знаю, что если она есть, то она — все для меня: и разум, и добро, и сила, и жизнь, и счастье»³⁵), а также пункт 2 — согласование всего со всем происходит по нравственным критериям.

Обобщим результат сравнительного анализа: у немецких философов разум выступает высшей, руководящей инстанцией по сравнению с рассудком;

между ними нет противоречия, они рационально упорядочивают получаемые чувственные впечатления, руководствуясь определенными принципами. У русских же философов рассудочная деятельность, основанная на принципах, не просто выступает как мыслительная деятельность более низкого уровня — она принципиально другая по сравнению с деятельностью разума, и эта иная имеет не количественное, а качественное различие. Разум постигает суть вещей не рациональным способом, причем анализ того, как происходит это постижение базовых оснований воспринимаемой реальности, показывает: то, что вычленяется русскими философами, имеет параллель с психологическими особенностями, которые были выделены при анализе синтаксиса русского языка.

Таким образом, мы выделили ряд базовых синтаксических правил, определяющих особенности связи слов в предложении в русском языке, и, предположив, какие национально-ментальные смыслы могут стоять за этими правилами, исследовали ряд онтологических и гносеологических представлений, свойственных носителям русского языка. Мы обнаружили соответствие выделенных при анализе синтаксических правил национально-ментальных смыслов тем доминирующим смыслам, которые формируют поле онтологических и гносеологических представлений носителей русского языка.

Melnikova A.A. Analys of syntax as method of knowledge of national mentality: Russian ontology and gnoseology in a language mirror

This article explores the various approaches to social and psychological attitudes aspect. The author believes that the language contained in a system of values at an arms depot that is quintessential basic ethnic meanings and strategies defined nationhood. Consequently, the analysis of language as a translator at an arms depot in the form of basic cultural meanings, paved the way for the analysis of the mentality in its specific substantive characteristics.

Keywords: mentality, culture, linguistics, language, syntax, grammar, construct, intuition.

³² Там же, с. 506.

³³ Там же.

³⁴ Там же, с. 507.

³⁵ Там же.

Мазилев В.А., Янчук В.А. (Минск, Беларусь)

КУЛЬТУРНЫЙ ФРЕЙМИНГ РОССИЯН И БЕЛОРУСОВ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ *

Статья посвящена постановке проблемы исследования культурного фрейминга россиян и белорусов. Анализируются понятия фрейм, фрейминг, выявляются перспективы их использования в социально-психологических исследованиях.

Ключевые слова: социальная психология, культура, фрейм, фрейминг, интеграция, восприятие.

Резкая интенсификация и экстенсификация межкультурных контактов, миграционных процессов, осознание явно выраженных культурных различий (религиозных, мировоззренческих, бытовых, управленческих и т.п.) и сложностей принятия совместных решений, учитывающих межкультурную специфику, поставили под вопрос фундаментальные основания психологического знания, базирующихся на постулатах модернистского универсализма. Попытки использования стандартных эталонов, наработанных на примере англосаксонской культуры, к представителям других культур, найдя свое выражение в постановке проблемы этно- и андроцентризма, потребовали нахождения новых методологических и теоретических решений парадигмального свойства. Этому же способствовали многочисленные эмпирические фиксации межкультурных различий даже на уровне мозговой активности, накопленные в нейронауках [17]. Осознание того, что люди, воспитывающиеся в разных культурах, обладающие разными языками и письменностью, по-разному воспринимают, интерпретируют внутренний и окружающий социальный и природный мир, по-разному мыслят и реагируют, исповедуют отличающиеся ценности, поставило перед психологической наукой вопросы эпистемологического свойства. Примером предлагаемых в этой связи решений является попытка привлечения понятия эпистемы (задающее знание), введенное Мишелем Фуко,

к описанию культурных эпистем [10], определяющих своеобразие мировоззрения представителей различных культур.

Проблема социокультурной интердетерминации психологической феноменологии становится в последние годы объектом все более пристального внимания мирового психологического сообщества. Осознание необходимости нахождения тонкого баланса итического и имического в различных культурах, связанное с резко возросшими миграционными процессами, столкновения местного населения с представителями иных культурных сообществ, трудностями в аккультурации и инкультурации новых членов обществ делают эту проблемную нишу более чем актуальной. Более того, она приобретает глобальный характер в силу необходимости принятия научно обоснованных политических решений, относящихся к ношению определенной одежды, строительству культовых учреждений и т.п., направленных на гармонизацию межкультурных отношений в обществе.

Вопрос о том, почему представители других культур воспринимают социальный и природный мир по-разному и различным образом относятся к тем или иным принятым социальным нормам и ценностям, перестал быть риторическим. Следствием чего стала своеобразная реминисценция значимости культурной, в том числе и психологической, проблематики. Вновь стал актуальным культурно исторический подход Л.С.Вы-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 11-26-01001 а/Bel.

готского, начала бурно развиваться культурная психология, основанная на методологическом фундаменте культурного конструктивизма.

Одно из возможных решений предлагает социокультурно-интердетерминистский диалогический подход к анализу психологической феноменологии, разрабатываемый В.А.Янчуком на протяжении ряда последних лет [4–9]. Констатация качественной гетерогенности природы психологической феноменологии и ее проявлений, ее представленности в мультипарадигмальной системе координат была положена нами в авторское определение предмета психологического знания как «бытия-в-мире самости как био-психо-социальной социокультурно-интердетерминированной диалогической сущности во взаимодействии с социальным и природным окружением в осознаваемо-неосознаваемо-экзистенциальном измерении» [7, с. 204]. Обозначенный трехмерный континуум является задающим рамки психологического объяснения и понимания, предполагающего нахождение согласований, предоставляющих относительную определенность (упорядоченность) в само- и мироотношении. Такого рода качественная разноприродность требует и особого типа объяснения психологической феноменологии, предполагающего, *во-первых*, исходную толерантность, плюралистичность и рефлексивность сознания исследователя; *во-вторых*, процессуальность; *в-третьих*, социокультурную интердетерминированность и конструируемость; *в-четвертых*, сосуществование качественно разнородных природ; *в-пятых*, экзистенциальную бытийность; наконец, *в-шестых*, механизмов особого типа интеграции как разнокачественных природ, так и знаний, накопленных в альтернативных традициях и подходах.

Другим методологическим основанием предлагаемого подхода явилась коммуникативная методология. Цель коммуникативной методологии состоит в разработке теоретической модели, обес-

печивающей соотнесение психологических концепций и осуществление на этой основе интеграции психологического знания.

Теоретическую основу коммуникативной методологии составляют:

1) уровневое понимание предмета психологической науки;

2) историко-методологическая концепция эволюции методов психологии;

3) концепция соотношения теории и метода в психологии.

Опираясь на разработанную ранее модель соотношения теории и метода в психологии [3], мы предложили коммуникативную методологическую модель, позволяющую реально соотносить различные психологические концепции, обнаруживая в них как совпадающие элементы, так и те, в которых сопоставляемые концепции различаются.

Назовем основные положения, составляющие фундамент коммуникативной методологии.

Во-первых, это представление о предмете психологии как сложном, многоуровневом. Как было показано в предшествующих работах, предмет психологии имеет сложное строение: можно говорить о «декларируемом», «рационализированном» и «реальном» уровнях. Различение уровней предмета позволяет избежать многих недоразумений, поскольку соотнесение концепций должно происходить на уровне «реального» предмета. Отметим здесь, что разработка концепции предмета представляет сложнейшую задачу (как ни удивительно, научная разработка этой проблемы еще только началась), но она совершенно необходима, так как является обязательным условием для продвижения в этом магистральном направлении.

Во-вторых, многие недоразумения в психологии возникают от неоднозначного понимания многих терминов. Множественность определений и трактовок была и остается «фирменным» знаком психологии. Покажем это на примере понятия «метод». История психологии дает

массу примеров, как различные авторы давали противоположные характеристики одним и тем же методам. Парадоксально, но для этого имелись определенные основания. Разработанный нами подход позволил дать однозначный ответ на этот вопрос. Специальное исследование показало, что метод имеет уровневое строение: можно говорить по меньшей мере об идеологическом, предметном и операциональном уровнях метода. Естественно, что характеристики метода на разных уровнях будут существенно различаться. При сопоставлении психологических концепций важно иметь в виду, что на разных уровнях метод выступает существенно по-иному, поэтому необходимо строго учитывать данное обстоятельство. Отметим здесь, что подобного рода проблемы возникают по отношению едва ли не к каждому психологическому понятию, что, несомненно, затрудняет работу по интеграции психологического знания. Выявление подлинного и мнимого спектра значений того или иного понятия — еще одна актуальная задача методологии психологической науки.

В-третьих, при соотнесении должна использоваться рабочая схема, определяющая технологию соотнесения (с помощью которой будут производиться конкретные операции соотнесения). Главная сложность состоит в том, что такая схема должна представлять собой инвариант, характеризующий любую психологическую концепцию. Поскольку многообразие психологических теорий общеизвестно, задача кажется практически невыполнимой. Однако наши предшествующие исследования показали, что может быть намечен путь решения и этой проблемы. Наши исследования в области методологии психологической науки показали, что может быть выделена универсальная проблема, с которой сталкивается любой исследователь-психолог (подчеркнем, вне зависимости от того, осознает он это или действует интуитивно), — проблема соотношения теории и метода. Первоначально нами была раз-

работана на основе историко-методологических исследований исходная схема, которая в последующих исследованиях была уточнена и подвергнута проверке на универсальность [3].

Коммуникативная методология необходима для того, чтобы учесть в реализуемом подходе наработки, существующие в современной зарубежной социальной психологии, выполненные в различных научных традициях.

Эти методологические основания были положены в основу при выработке исследовательского подхода, описываемого в настоящей статье. Подход может быть обозначен как исследование культурного фрейминга.

Именно культурный фрейминг определяет обусловленное национальностью культурой своеобразие интерпретации ее представителями происходящего, способности, используемые ими в повседневной жизни для упорядочивания или структурирования мира посредством утверждений, позволяющих распознавать и сортировать социальные феномены.

Традиционные понятия (установки, ожидания и пр.) не могут охватить всей реальной сложности явлений, что заставляет использовать в процессе исследования новые подходы, к числу которых относится изучение культурного фрейминга.

Фрейм — понятие, использованное социологом Ирвингом Гоффманом для обозначения способа, используемого людьми в повседневной жизни для упорядочивания или структурирования мира посредством утверждений, позволяющих распознавать и сортировать социальные феномены. Поскольку концепция И. Гоффмана еще не получила в отечественной психологии (в отличие от социологии) необходимого отражения, остановимся на этом вопросе более подробно. На наш взгляд, идеи И. Гоффмана имеют существенное значение для развития социальной психологии.

Ирвинг Гоффман (1922–1982) — известный канадский социолог с украин-

скими корнями. С 1968 года до конца жизни работал в университете штата Пенсильвания. В 1981 году И. Гоффман был избран президентом Американской социологической ассоциации. Своему главному труду «Анализ фреймов» (1974) Гоффман посвятил более десяти лет. Г.С. Батыгин отмечает, характеризуя вклад Ирвинга Гоффмана в социологию: «Его имя и труды получили всемирную известность в последние десятилетия XX века. Книга «Представление себя другим другим в повседневной жизни» постоянно переиздается (ее суммарный тираж превышает полмиллиона экземпляров), входит в университетские программы, переведена на десятки языков, включена в первую десятку «Книг двадцатого века» наряду с книгами М. Вебера, Ч. Райта Миллса, Р. Мертона, Т. Парсонса, Б. Бурдье, Н. Элиаса, Ю. Хабермаса и др.» [1, с. 18–19]. Г.С. Батыгин пишет далее: «Однако школы Гоффмана не существует. Причина этого отчасти связана с необычным концептуальным словарем, эксцентричностью стиля письма, отсутствием какой-либо систематичности в цитированиях и, главное, кажущимся теоретическим эклектизмом. Произведения Гоффмана считаются собранием замечательных наблюдений, описаний манер и нравов, которые как кажется, хорошо известны из повседневной жизни. Рассказывают о его экстравагантных манерах, привычке подсматривать и подслушивать, говорят, он даже обнюхивал знакомых и незнакомых. Популярность Гоффмана в немалой степени обусловлена его даром физиономиста. В то же время сравнение Гоффмана с Лабрюйером препятствует пониманию его вклада в теоретическую социологию. Не вполне справедлива и оценка гоффмановских исследований как эклектичных» [1, с. 19]. Можно согласиться с общей оценкой его вклада в социологию: «Между тем он не только открыл новую предметную область — социальную организацию повседневного общения, но и создал оригинальный словарь для описания данной области. Результатом метафоризации

языка социологии — непрерывного переноса значений — стало «остранение» реальности, обнаруживающее за каждым смысловым горизонтом новые интерпретационные возможности. Вклад Гоффмана в теоретическую социологию заключается в детальной разработке концепции социального «Я» и формулировке проблемы соотношения структуры и действия» [1, с. 20].

Отметим, что для социальной психологии в первую очередь представляет интерес введенное Гоффманом понятие «фрейм». Сам Гоффман указывает на употребление термина «фрейм» Г. Бейтсоном: «Грегори Бейтсон в своей статье «Теория игры и фантазия» прямо ставит вопрос о несерьезности и серьезности и показывает, насколько поразителен опыт хотя бы в том, что какая-нибудь частичка серьезного может использоваться в качестве основы для «сборки» несерьезных вариантов того же самого, а иногда вообще невозможно узнать, что это: розыгрыш или реальность. Бейтсон предложил собственную интерпретацию известного понятия «заклучение в скобки» (bracketing) и предположил, что индивиды могут умышленно создавать смешения фреймов (framing confusion) у тех, с кем они имеют дело. Именно в этой статье Бейтсон использует понятие «фрейм» приблизительно в том же смысле, в каком я намерен его исследовать» [2, с. 67]. Гоффман поясняет, что в его книге «активно используется термин «фрейм» в его бейтсоновском значении. Определения ситуации создаются, во-первых, в соответствии с принципами социальной организации событий и, во-вторых, в зависимости от субъективной вовлеченности (involvement) в них. Словом «фрейм» я буду обозначать все, что описывается этими двумя элементами. Предлагаемое мной сочетание «анализ фреймов» обозначает тип исследований организации опыта на основе использования данных понятий» [2, с. 71].

Гоффман пишет: «Когда в нашем западном обществе человек распознает какое-

либо конкретное событие, во всех случаях он вкладывает в свое восприятие одну или несколько систем фреймов или схем интерпретации, которые можно назвать первичными. В самом деле фреймы присутствуют в любом восприятии. Я говорю именно о первичных фреймах, потому что применение человеком схемы или перспективы не зависит ни от какой другой базовой или «настоящей» интерпретации и не восходит к ним; несомненно, первичная система фреймов является собой как раз то, что, обнаруживает нечто осмысленное в тех особенностях сцены, которые в ином случае не имели бы никакого смысла» [2, с. 81].

«Первичные системы фреймов различаются по степени организации. Некоторые из них представляют собой хорошо разработанную систему учреждений, постулатов и правил, другие — их большинство — не имеют, на первый взгляд, отчетливо выраженной формы и задают лишь самое общее понимание, определенный подход, перспективу. Однако независимо от степени своей структурной оформленности первичная система фреймов позволяет локализовать, воспринимать, определять практически бесконечное количество единичных событий и присваивать им наименования. Похоже, человек не осознает внутреннюю структуру фреймов и, если его спросить, вряд ли сможет описать ее с большей или меньшей полнотой, что не мешает ему пользоваться фреймами без каких-либо ограничений» [2, с. 81].

И. Гоффман отмечает необходимость выделения двух классов первичных систем фреймов: природных и социальных. Природные системы фреймов определяют события как ненаправленные, бесцельные, неодушевленные, неуправляемые — «чисто физические». Социальные фреймы, напротив, обеспечивают фоновое понимание событий, в которых участвуют воля, целеполагание и разумность — живая деятельность, воплощением которой является человек [2]. «Взятые вместе, первичные системы фреймов опре-

деленной социальной группы конституируют центральный элемент ее культуры, особенно в той мере, в какой порождаются образцы человеческого понимания, сопряженные с основными схемами восприятия, соотношениями этих типов и всеми возможными силами и агентами, которые только допускаются этими интерпретативными формами (designs). Представим себе фрейм фреймов социальной группы — систему верований, «космологии», — это та область исследований, которую узкие специалисты по проблемам современного общества предпочитают оставить другим» [2, с. 87].

Нам представляется, что наиболее перспективно использование понятия фрейм именно в исследованиях, направленных на изучение межкультурной специфики восприятия. На перспективах организации и проведения такого исследования остановимся ниже.

Обратимся к анализу концепции И. Гоффмана. Гоффман описывает фрейм как «определения ситуаций (которые) построены в соответствии с принципами организации, управляющей событиями — в частности, социальными — и нашей субъективной вовлеченности в них». Основная проблема реализации данной идеи заключается в определении того, сколько таких фреймов существует. Крайне сложно категоризировать все имеющиеся социальные фреймы. Более того, эти фреймы имплицитно подвижны и облают размытыми границами. Они не всегда срабатывают автоматически. Эмпирическая реальность не существует в предустановленных фреймах. Гоффман четко идентифицировал значимость интересующей интерпретации социальной жизни. Но остается неясной перспектива изучения фреймов. [14, с. 113].

Д. Сноу отмечает, что понятие фрейм обозначает интерпретативные структуры, определяющие события и происходящее означенным или осмысленным и выполняющим функцию организации

опыта и управления действиями. Фреймы позволяют индивиду «локализовать, воспринять, идентифицировать и обозначить бесконечное количество происходящего» в ситуациях жизни и в пространстве.

Фреймы осуществляют интерпретативную работу, выполняя три основных функции.

1. Фреймы фокусируют внимание, акцентируя или выделяя то, что в поле восприятий является релевантным, разграничивая, что находится во фрейме, а что за его рамками по отношению к объекту ориентации.

2. Фреймы функционируют как механизмы артикуляции в аспекте объединения различных элементов воспринимаемого таким образом, чтобы принять определенное значение по сравнению с возможными другими.

3. Фреймы выполняют трансформативную функцию посредством переустановления способа рассмотрения или понимания воспринимаемых объектов как относящихся к другим объектам или к действующему [16].

Фокусирование, артикуляция и трансформативная функция фреймов имеют фундаментальный характер для интерпретации, проявляющийся в том, что лишь небольшое (или вообще никакое) количество высказываний, жестов, действий или переживаний могут быть адекватно поняты вне рамок фрейма. Как отмечает Дебора Таннен, тем самым подчеркивая, что в целях интерпретации высказываний в соответствии с направлением, которому они предназначены, слушающий должен знать, как фрейм оперирует, что означает осознание того, для чего предназначены шутки, подражание, беседа, чтение лекции и исполнение игры [16].

Обыденный характер такого рода активности показывает, что большинство фреймов культурно вотканы в том смысле, что они не конструируются или вырабатываются индивидом заново от ситуации к ситуации, или от одной актив-

ности к другой, а существуют как элементы окружающей индивида или группы культуры и содержащими соответствующие ситуации значения. Однако, в ряде ситуаций человеку приходится делать выбор между различными направлениями и неопределенностями, присутствующими в ситуации, побуждая к более интерпретативному и контекстуальному пониманию фрейма. В социальной жизни существуют моменты и ситуации, в которых уместность тех или иных культурных фреймов очень неопределенна. Соответственно, фреймы должны пониматься и анализироваться как с культуралистской, так и конструктивистской перспективы [16].

Понятие фрейма является одним из концептов, разработанных для схватывания интерпретативной и конструктивной природы того, что происходит в социальной жизни. Другими сопряженными понятием являются схемы, идеология и нарратив, однако утверждается, что фреймы концептуально и функционально отличны от них. Например, схемы (структуры знаний, состоящие из научных ожиданий в отношении объекта) и фреймы влияют друг на друга в процессе взаимодействия между двумя или более индивидами, в котором фрейм представляет своего рода интерпретативную «опору» для совмещения дивергентных схем, носителями которых могут быть взаимодействующие. Идеология может рассматриваться как широкий, часто тесно связанный ряд установок, ценностей и представлений, функционирующих как культурный ресурс для конструирования фреймов, и который, в свою очередь, может изменяться успешно реализующимися фреймами. Таким образом, фреймы и такие связанные с ними понятия как схемы и идеология могут рассматриваться как сосуществующие в интерактивном, диалогическом взаимоотношении [16].

Анализ фреймов и ассоциируемых процессов был применен к различным активностям и социальным категориям

(например, реклама, межличностное взаимодействие, гендер, разговор) по отношению к различным областям социальной жизни (например, культура, организация, политика, публичная политика). Сегодня, тем не менее, большинство попыток использования анализа фреймов в социологии большей частью реализуются по отношению к коллективным действиям и социальным движениям [16].

Фрейминг (framing) — процесс конструирования мысленных установок или контекстов, определяющих направленность переживаний и мышления, проявляющих тенденцию к ограничению мышления рамками мыслительных установок и таким образом ограничивающих восприятие и принятие решений [16].

Эффект фрейминга (framing effect) — эффект ограничения и направления в целях адаптации к определенным ментальным установкам [16].

Полагание на самоописания и описание анализируемой феноменологии, самоотчеты, нарративы, транскрипты диалогов в качестве эмпирической фактуры научного анализа позволило реализовать идею культурных и субкультурных фреймов, представляющих интерпретативные структуры, определяющие отношение к событиям и происходящему означенным или осмысленным образом и выполняющим функцию организации опыта, переживания происходящего и управления действиями, позволяющими локализовать, воспринять, идентифицировать и обозначить бесконечное количество аспектов происходящего [9]. Одной из первых попыток эмпирической исследования межкультурных различий в обозначенном ракурсе стала совместная работа японских и американских психологов «Японские фреймы мышления: культурная перспектива в развитии человечества» [15], в которой с японской научной скрупулезностью описаны культурные различия американцев и японцев в социализации, традициях, ценностных ориентациях, поведении, обуславливаю-

щие различия в интерпретации, понимании и переживании самых разнообразных событий и фактов. Это исследование, носящее во многом перспективный характер, со всей убедительностью показывает необходимость и полезность проведения подобных исследований и на других культурах, что и приведет к получению тех самых исходных оснований для нахождения межкультурного взаимопонимания с учетом наличных сходств и различий. Его результаты показывают, что за поверхностью наблюдаемой коммуникации скрывается айсберг культурно специфичных иерархий ценностей, метафор, аллегорий, способов принятия решений, традиций и многого другого, существенно влияющего на интерпретацию происходящего и принятия решений в отношении его. Без учета этих особенностей невозможно адекватное представление о том, что именно и как происходит в сознании участников межкультурного взаимодействия, что полагается ими в качестве оснований и критериев оценочных суждений и выводов, а, следовательно, и прогнозирование развития событий. Точно так же как и осознание того, что развитие взаимопонимания и взаимоотношений предполагает формирование разделяемых полей значений, имплицитно включающих межкультурную специфику, прояснение переживаний каждой из взаимодействующих сторон, определяющих отношение к происходящему. Наконец, осознание того, что взаимоотношения строятся, созидаются в контексте специфики определенной точки пространства и времени, а также культуры.

Культурные фреймы осуществляют, прежде всего, интерпретативную работу, выполняя три основных функции. Первое, подобно изображению они фокусируют внимание, акцентируя или выделяя то, что в нашем поле восприятия является относящимся и иррелевантным, что находится во фрейме, а что за его рамками по отношению к объекту ориентации. Второе, они функционируют как меха-

низмы артикуляции в аспекте объединения различных элементов пунктуации воспринимаемого таким образом, чтобы принять определенное значение по сравнению с возможными другими, или, по отношению к языку описания одного описания по отношению к другому. Третье, фреймы выполняют трансформативную функцию посредством переустановления способа рассмотрения или понимания воспринимаемых объектов как относящихся к другим объектам или к действующему [17, с. 1779].

Последующие исследования культурного фрейминга, осуществленные под научным руководством В.А.Янчука, выявили наличие не только культурного, но и субкультурного фрейминга. В исследованиях феноменов социальных предубеждений и национальной идентичности были выявлены гуманитарный, естественнонаучный и технический культурные фреймы, выражающиеся в наличии значимых различий в отношении и интерпретации их содержательных особенностей. Применительно к диалогической самости, в дополнение к таким ее установленным характеристикам, как пространственная структурированность и олицетворенность, населенность голосами других, децентрализованность с широко открытыми границами, историческая и культурная контекстуализированность, множественность позиций, были обоснованы такие ее характеристики как интердетерминированность, экзистенциальность и диалогическая интегрированность [6]. Наконец, была показана представленность различных форм эпистем (задающего знания по Фуко), которые, в свою очередь, действуют как субстрат самости с различными содержательными компонентами [10].

Идея исследования заключается в обосновании необходимости учета своеобразия культурного фрейминга россиян и белорусов определяющего существующие сходства и различия в интерпретации ими происходящего, способах, используемых в повседневной жизни для

упорядочивания или структурирования мира посредством утверждений, позволяющих распознавать и сортировать социальные феномены и лежащих в основе существующих искажений в межкультурной коммуникации. Новизна исследования заключается в проведении кросс-культурного сравнения культурно обусловленных психологических когнитивных метаструктур с культурами, обладающими высокими достижениями в науке и технике (США и Япония). Исследования культурного фрейминга носят постановочный характер не только в белорусской и российской, но и мировой психологической науке. Первое такое широкомасштабное исследование проведено крупнейшими японскими и американскими психологами, попытавшимися разобраться в существующих различиях между японцами и американцами, обусловленные их национальными культурами [15].

Исследований культурного фрейминга в отношении белорусов и россиян в их сравнении с представителями других культур не проводилось вообще. В настоящее время авторами разрабатывается программа исследования, направленного на изучение специфики культурного фрейминга у россиян и белорусов.

Не подлежит сомнению, что использование заявленного подхода позволит получить новые данные, которые могут быть использованы для повышения эффективности межкультурной коммуникации.

Библиографический список

1. Батыгин Г.С. Континуум фреймов: социологическая теория Ирвинга Гофмана (вступительная статья) [Текст]. // И.Гофман Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. — М.: Институт социологии РАН, Институт фонда «Общественное мнение», 2004. С. 7—56.
2. Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. [Текст]. // И.Гофман. Анализ фреймов.

Эссе об организации повседневного опыта. — М.: Институт социологии РАН, Институт фонда «Общественное мнение», 2004.

3. *Мазилев В.А.* Методология психологической науки: история и современность [Текст]. // В.А.Мазилев. Методология психологической науки: история и современность. — Ярославль, 2007.

4. *Янчук В.А.* Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эклeктический подход. [Текст] // В.А.Янчук. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эклeктический подход. — Мн.: Бестпринт, 2000.

5. *Янчук В.А.* Психология постмодерна // В.А.Янчук. Время как фактор изменений личности. Сборник науч. трудов [Текст]. / Под ред. А.В.Брушлинского и В.А.Поликарпова. — Мн.: ЕГУ, 2003. С. 175–201.

6. *Янчук В.А.* Введение в современную социальную психологию. [Текст]. — Мн.: АСАР, 2005.

7. *Янчук В.А.* Постмодернистский, социокультурно-интердетерминистский диалогизм как перспектива позиционирования в предмете психологии [Текст] // Методология и история психологии. 2006. Т. 1. Вып. 1. С. 193–206.

8. *Янчук В.А.* Постмодернистская социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива метода психологического исследования [Текст] // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 1. С. 207–226.

9. *Янчук В.А.* Постмодернистская социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива объяснения

в психологии [Текст] // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. Вып. 1. С. 195–209.

10. *Bukobza G.* The epistemological basis of selfhood [Текст] // Bukobza G. New Ideas in Psychology. 2007. Vol. 25. P. 35–51.

11. *Goffman E.* Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience. [Текст]. / Goffman E. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience. — NY: Harper Colophon, 1974.

12. *Goffman E.* Forms of Talk. [Текст]. — Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1981.

12a. Tannen, D. (Ed.) Framing in Discourse [Текст]. — NY: Oxford University Press, 1993.

13. The Cambridge Dictionary of Psychology [Текст]. / The Cambridge Dictionary of Psychology / D.Matsumoto (Gen. Ed.). — Cambridge University Press, 2009.

14. The Sage Dictionary of Sociology [Текст]. / The Sage Dictionary of Sociology / S.Bruce and S.Yearley (Eds.) — SAGE Publications, 2006.

15. Shimizu H. Japanese Frames of Mind: Cultural Perspectives on Human Development. [Текст]. / Shimizu H., LeVine R.A. — Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

16. *Snow D.A.* Frame [Текст]. // Snow D.A. / The Blackwell encyclopedia of sociology / edited by George Ritzer. — Blackwell Publishing Ltd., 2007, 1778–1779.

17. *Ying Zhu.* Cultural Differences in the Self: From Philosophy to Psychology and Neuroscience [Текст] // Ying Zhu, Shihui Han / Social and Personality Psychology Compass. Vol. 2(5), 2008. P. 1799–1811.

Mazilov V. A., Janchuk V. A. Cultural framing russians and belarusians

The article is devoted to the formulation of research problem of cultural framing of Russians and Belarusians. A concept of a frame, identifies the prospects for its use in social psychological research.

Keywords: social psychology, culture, frame, framing, integration, perception.

Антоненко И.В., Карицкий И.Н.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ КАК ПАССИОНАРИЙ, КУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОРЫВ

Предприниматель является типичным проявлением пассионарной энергии. Предприниматель характеризуется двадцатью основными психологическими признаками. Россия осуществляет фазовый переход в этногенезе со стадии надлома к стадии инерции, в результате чего в ней снижается качество и количество пассионариев. В России объективно необходим технологический прорыв и инновационные изменения. Этот процесс может быть осуществлен только предпринимателями (пассионариями).

Ключевые слова: Л.Н.Гумилев, пассионарность, предприниматель, психологические характеристики предпринимателя, инновации, культура, доверие, психологическое общество.

В своей диссертации «Этногенез и биосфера Земли» (1965–1973) Лев Николаевич Гумилев ввел понятие пассионарности (Гумилев, 1973; 1989). Пассионарность — это свойство некоторых людей внутри популяции обладать повышенной тягой к действию, это непреодолимое внутреннее стремление к деятельности, направленное на осуществление каких-либо целей, личная предприимчивость. Пассионарность, по Гумилеву, является групповой биологической мутацией, обусловленной разовым космическим воздействием (или другими, пока неизвестными, факторами). Эта мутация дает пассионарный толчок, в результате которого в этносе рождается повышенное число активных людей, пассионариев, что, в свою очередь, запускает процесс этногенеза, который со всеми фазами длится около 1200–1500 лет. На первых этапах этногенеза пассионариев много, постепенно на последующих этапах их число снижается. Пассионарность имеет ряд уровней проявления. Примерами высших уровней проявления пассионарности, по Гумилеву, являются: Александр Македонский, Люций Корнелий Сулла, Чингисхан, Ян Гус, Жанна д'Арк, протопоп Аввакум, Наполеон Бонапарт.

По данным Льва Гумилева и его учеников и последователей, Россия сейчас переживает фазовый переход со стадии надлома к стадии инерции. Проблема в том, чтобы этот процесс шел с наименьшими издержками. Число пассионариев в стране уменьшается, они имеют более

низкие уровни проявления энергетике, но они есть, и их относительно больше в провинции, чем в столицах.

Лев Гумилев в своем исследовании подробно останавливается на классификации пассионарности, выделяя девять-двенадцать ее уровней. Более общая, базовая классификация пассионарности содержит три уровня (Гумилев, 1973; 1989):

- Пассионарность выше нормы (пассионарность в узком смысле) проявляется в поведении как предприимчивость, готовность нести жертвы ради идеала, желание и способность изменять мир, в частности, свой ландшафт;
- Пассионарность на уровне нормы (гармоничность) означает, что ее носитель будет пребывать в равновесии с окружающей средой;
- Пассионарность ниже нормы (субпассионарность) означает склонность к лени, пассивности, паразитизму и предательству.

Специальное внимание хотелось бы обратить на пассионарность на уровне нормы, ею характеризуются люди и этносы, стремящиеся к гармонии с окружающей средой, другими людьми, народами, государствами. Когда завершается период «бури и натиска» и снижается уровень пассионарности этноса, приходит время людей с гармоничной пассионарностью и целые народы могут характеризоваться этим уровнем проявления активности. Особое значение это имеет на стадии инерции этноса.

С нашей точки зрения, типичным пассионарием является предприниматель — человек создающий нечто принципиально новое в той или иной социальной сфере, обычно его деятельность связывают с областью экономики (предприниматель в узком смысле слова, то есть собственно предприниматель). Предприниматель может характеризоваться разным уровнем пассионарности, но всегда выше нулевого.

В эпохи Возрождения и Нового времени пассионарность европейских этносов вызвала становление экономической формации капитализма и колонизацию значительной части земного шара европейскими народами. В этносах западно-европейских государств появилось множество людей с повышенной активностью, они образовали слой предпринимателей, которые в разных социальных сферах совершили процесс преобразования системы средневековых отношений в капиталистические, в том числе путем социальных революций.

Не считая фаз подъема и акматической (по Л.Н. Гумилеву), которые пришлись на период с 13-го по начало 19-го века, в России предпринимательская активность во всех сферах как экономики, так и науки, искусства, социальных и политических преобразований особенно сильна была в конце 19 — начале 20 веков (Антоненко, 1995).

Предпринимательство представляет собой феномен создания нового дела, формирования нового ресурса, которого раньше в обществе не было. Предприниматель преобразует социальную и ментальную реальность, выстраивая в ней новые связи, обогащая ее новыми идеями и продуктами.

Профессор В.Г.Яроцкий в конце 19 — начале 20 веков выделил три характерных признака и необходимых элемента предпринимательской деятельности (Яроцкий, 1890/91):

1. риск (технический и экономический),
2. успешность деятельности самого предпринимателя,
3. капитал.

В середине 20 века к ним стали добавлять 4-й элемент:

- новаторство.

Австро-американский ученый И.Шумпетер, считающийся родоначальником современного понимания предпринимателя как новатора, писал: «Задача предпринимателей — реформировать и революционизировать способ производства путем внедрения изобретений, а в более общем смысле — через использование новых технологических возможностей для производства новых товаров или прежних товаров, но новым методом, благодаря открытию нового источника сырья или рынка готовой продукции — вплоть до реорганизации прежней и создания новой отрасли промышленности» (Шумпетер, 1982).

Современный американский ученый Р.Хизрич определяет предпринимательство как «процесс создания чего-то нового, что обладает стоимостью», а предпринимателя как человека, «который затрачивает на это все необходимое время и силы, берет на себя весь финансовый, психологический и социальный риск, получая в награду деньги и удовлетворение достигнутым» (Хизрич, Питерс, 1992).

Таким образом, предприниматель — это всегда пассионарий, человек действия, творческая личность, готовая к риску. Предпринимательская деятельность в сфере экономики — это инициативная, новаторская деятельность субъектов собственности на свой риск по формированию организационных и экономических условий производства товаров и услуг с целью получения прибыли. Она приводит в движение весь производственный потенциал, соединяя средства, труд, материалы и т.д. таким образом, что их совокупная стоимость возрастает.

Но правильно говорить о предпринимательской деятельности не только в сфере экономики, в сфере производства товаров и услуг, но и в более широком ключе — о предпринимательстве в науке, искусстве, социальной и политической деятельности. Предприниматель в любой области вносит ветер перемен, развивая и совершенствуя эту область деятельности,

внося в нее принципиально новые элементы, качественно, иногда радикально меняя ее структуру и содержание.

По данным наших эмпирических исследований, к специфическим психологическим характеристикам российского предпринимателя относятся следующие двадцать черт:

- 1) наличие предпринимательской философии,
- 2) честность,
- 3) культура,
- 4) деловитость,
- 5) оптимизм,
- 6) вера,
- 7) образованность,
- 8) интуиция,
- 9) активность,
- 10) воля,
- 11) умение контактировать с людьми,
- 12) жизнелюбие,
- 13) индивидуализм,
- 14) способность рисковать,
- 15) новаторство,
- 16) адаптивность,
- 17) воображение,
- 18) смелость,
- 19) способность развиваться,
- 20) самокритичность.

Кроме того, в процессе исследования было выяснено, что данные личностные предпринимательские характеристики обладают тремя видами направленности:

- конструктивной,
- консервативной и
- авантюрной.

Определенное соотношение этих направленностей у конкретного предпринимателя обуславливают его большую или меньшую успешность. Предпринимательской деятельности наиболее адекватно следующее соотношение направленностей:

- 50% — конструктивная,
- 25% — консервативная и
- 25% — авантюрная.

Это делает его деятельность наиболее успешной.

Количество пассионариев в обществе во все времена, на всех стадиях этногенеза невелико. Лев Гумилев пишет: «Как ни велика роль пассионариев в этногенезе,

число их в составе этноса всегда ничтожно» (Гумилев, 1989). Но они определяют направление исторического процесса. В то же время в ходе этногенеза относительное число пассионариев все время снижается. При этом надо иметь в виду, что роль пассионариев в истории не всегда позитивна. Гумилев пишет: «Возможны «перегревы», когда пассионарность выходит из-под контроля разумной целесообразности и из силы созидательной превращается в разрушительную. Тогда гармоничные особи оказываются спасителями своих этносов, но тоже до определенного предела» (Гумилев, 1989).

Уже не первый десяток лет, в том числе и в Советском Союзе, а не только в современной России, руководители страны говорят о необходимости технологического прорыва и инновационных изменений. Это не столько их субъективное желание, сколько объективная потребность. И при этом мало что делается в государстве, чтобы этот процесс был действительно запущен (кроме бесконечного количества слов и пожеланий). Создается впечатление, что сама государственная система на всех уровнях жестко противостоит инновационным преобразованиям. Психология людей, формирующих иерархию государственной системы, не соответствует стратегии кардинальных изменений. Эти люди консервативны и инертны, они лишены пассионарности даже в малой степени, имея ее на нулевом или отрицательном уровне.

При этом понятно, что технологический прорыв и инновационные изменения могут быть осуществлены именно людьми, имеющими определенный, достаточно высокий уровень пассионарности. Но система с ними борется, выдавливая их из себя, поскольку пассионарии не могут дышать затхлым воздухом консервативности и неподвижности. Таким образом, мы наблюдаем явное противоречие между собственным «пожеланием» системы к прогрессивным изменениям и ее реальным «нежеланием» меняться. Если это противоречие не будет разрешено, ни о каких технологических прорывах и инновационных изменениях речи быть не может.

В то же время, число пассионариев в современной России достаточно малое (Россия осуществляет переход от стадии надлома к стадии инерции, как говорит Гумилев: «к золотой осени цивилизации» (Гумилев, 1989)). Пассионариев буквально надо беречь и создавать особые условия для их проявления, формировать специальную социальную подсистему для деятельности пассионариев, чтобы соседние (и не только соседние) этносы не экспансировали российские территории (и не только территории) в силу в целом ослабленной российской пассионарности.

Значит, встает вопрос о том, какими должны быть эти социальные и политические условия, чтобы открыть дорогу конструктивной пассионарной энергии потенциальных социальных, политических, экономических, культурных, научных и т.п. предпринимателей?

Как показывает история, Россия представляет собой гармоничное единство различных этносов, прежде всего русского, угро-финского и тюркского, образуя евразийский суперэтнос. Гумилев пишет: «Россию правильнее называть суперэтносом, ибо Москва объединила вокруг себя много этносов, не прибегая к завоеванию» (Гумилев, 1989).

Во всех регионах России имеются пассионарии, и во всех случаях они невольно борются с консервативной государственной и социальной системой, пытаясь создать в обществе что-то новое. Энергия пассионариев в значительной степени уходит на борьбу с системой, а не на реальное создание инновационных продуктов. Часть из них просто покидает территорию России, уезжая в более благоприятные страны, часть осуществляет свою деятельность на грани законного и криминального.

На наш взгляд, решением вопроса является перемещение пассионариев в руководящие структуры государства на всех уровнях. В этом случае они не будут выступать в роли бедных просителей, обращающихся к субпассионариям в государственных структурах за разрешениями осуществлять свою предпринимательскую деятельность, а будут сами определять активную и действенную государст-

венную, социальную, культурную, научную политику. Естественно, они должны быть ограничены законом в своих действиях и их деятельность должна носить конструктивный характер.

Понятно также, что мы живем в очень сложном многомерном мире и сам человек представляет собой сложное многомерное создание. Ни к миру, ни к человеку не применимы односторонние и однозначные оценки. Направленность деятельности пассионарной личности может носить как позитивный, так и негативный характер. Надо привыкать к многомерным и относительным оценкам человека (а не однозначным и абсолютным), в которых пассионарность только один, хотя часто и ключевой момент.

В то же время недостаточный уровень культуры или знаний пассионарной личности, неадекватное понимание рабочей ситуации могут принести больше вреда, чем пользы. Это указывает на необходимость тонких оценок и общего роста культуры российского этноса в плане многомерного видения человека.

Тем не менее, как общая тенденция, в том случае, когда пассионарии будут иметь реальную власть, все насущные вопросы будут:

- во-первых, решаться,
- во-вторых, решаться в несколько раз быстрее (а может быть, и быстрее на несколько порядков),
- в-третьих, их действующие агенты (то есть пассионарии) будут сами предельно заинтересованы в решении этих вопросов и будут делать все для их решения, изыскивая способы решения даже «нерешаемых» вопросов,
- в-четвертых, пассионарии готовы осуществлять свою деятельность ради идеи, ради поставленной цели, а не ради материального богатства, а это означает резкое снижение коррупции в государстве,
- в-пятых, несомненен рост реальной инновационной активности во всех сферах общества и реального прогресса, когда Россия не будет, как обычно, догонять более развитые страны, а будет идти своим и перспективным путем.

Это также означает формирование новой культуры российского суперэтноса, со значительным увеличением психологической составляющей. Только люди, которые адекватно разбираются в своих психологических свойствах: в характере, темпераменте, мировоззренческой направленности, своих способностях, акцентуациях, других личностных особенностях, в уровне своей энергетики, а также в особенностях психологического склада, способностях и энергетике других людей, — могут адекватно оценивать себя и других людей в отношении возможности исполнения ими той или иной деятельности, с профессиональным пониманием выдвигать конкретных людей на соответствующие их энергетике и способностям должности и следовать за пассионарными руководителями.

По сути, речь идет о формировании психологического общества как особой формы организации социума, в котором практическая психология выходит на первый план, а одной из ключевых компетентностей личности становится психологическая компетентность (Карицкий, 2010; Сироткина, Смит, 2008). В таком обществе люди оценивают друг друга по хорошо отрефлексированным психологическим критериям, имеют адекватное представление друг о друге и выстраивают особые социально-психологические технологии функционирования общества на всех уровнях его организации. Человек в нем занимает место, соответствующее его реальным компетенциям. В таком обществе высок уровень социального доверия,

а значит низки нерациональные затраты на выстраивание систем безопасности, поскольку позитивная личная репутация становится существенной ценностью (Антоненко, 2006).

Литература

1. Антоненко И.В. Личностный аспект деятельности предпринимателя. Дисс. канд. психол. наук. — М., 1995.
2. Антоненко И.В. Социально-психологическая концепция доверия. — М., 2006.
3. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Дисс. доктора геогр. наук. — Л., 1973.
4. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. — Л., 1989.
5. Карицкий И.Н. Психологические практики как основной вектор формирования психологического общества в России // Седьмая волна психологии. Вып. 7 / Под. ред. В.В.Козлова. — Ярославль: МАПН; ЯРГУ, 2010. С. 29–45.
6. Сироткина И.Е., Смит Р. «Психологическое общество» и социально-политические перемены в России // Методология и история психологии. 2008. Вып. 3. С. 73–90.
7. Хизрич Р., Питерс М. Предпринимательство, или Как завести собственное дело и добиться успеха. Вып. 1: Предприниматель и предпринимательство. — М., 1992.
8. Шумпетер Й. Теория экономического развития. — М., 1982.
9. Яроцкий В.Г. Политическая экономия. — СПб., 1890/91.

Antonenko I.V., Karitsky I.N. The businessman as passionarij, cultural tradition and technological break

An entrepreneur is a typical manifestation of passionarnej energy. Entrepreneur has twenty main psychological traits. Russia conducts phase transition in etnogeneze from the ampoule to inertia, causing a decline in the quality and quantity of passionarijev. In Russia and objectively necessary technological breakthrough innovations. This process can be performed only by entrepreneurs (passionariami).

Keywords: L. Gumilev, passionarnost, entrepreneur, psychological characteristics of the entrepreneur, innovation, culture, trust, psychological society.

Гречишников С.Е., Кузина Е.В.

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

В работе представлены типы регионального административно-политического управления, сложившегося в России в постсоветский период. Административно-политического управление определяется политическим режимом и устойчивостью системы управления. Выделены четыре типа административно-политического управления: авторитарно-устойчивый, авторитарно-неустойчивый, либерально-устойчивый, либерально-неустойчивый. Знание типа административно-политического управления позволяет с большой точностью прогнозировать и решать возникающие кризисные или конфликтные ситуации в регионе.

Ключевые слова: административно-политического управление, тип управления, политический режим, устойчивость системы управления, индикаторы типов управления, поля взаимодействия, индекс влияния, прогнозирование.

В настоящее время у нас появилась возможность представить результаты работы, осуществленной в 2009 году группой исследователей НП ПКЦ «Территория роста» в восьми регионах Российской Федерации. Суть работы заключена в ее названии: «Изучение типов регионального административно-политического управления, сложившегося в России в постсоветский период». Реализация проекта осуществлялась за счет средств гранта Института общественного проектирования № 175–2–03.

К методологическим основаниям проекта

Исследование носило междисциплинарный характер. Были задействованы теоретико-методологические основания таких наук как: социология, политология, теория управления, конфликтология. Научная новизна исследования заключается в рассмотрении административно-политического управления не как административно-правовой формальной структуры, а как реализации властных полномочий со стороны системных акторов, имеющих проявленные интересы в регионе.

С учетом внешнего воздействия и собственного внутреннего потенциала

система административно-политического управления регионом не может быть одинакова во всех регионах России. Именно для фиксации упомянутого различия и вводится термин «Тип административно-политического управления» (АПУ). Тип регионального административно-политического управления есть сложившаяся в субъекте РФ система власти, отличающаяся собственным механизмом воспроизводства и особенностями политического режима. Таким образом, тип АПУ определяется политическим режимом и устойчивостью системы административно-политического управления.

Политический режим, в свою очередь, характеризуется степенью гражданских свобод и степенью участия населения, а также значительной группы политических акторов, в принятии политических решений. В том случае, если степень свободы и круг лиц, принимающих решения, существенно ограничены, то мы можем рассматривать данный политический режим как авторитарный. При высокой степени свободы и разнообразии политических акторов, участвующих в принятии политических решений, данный политический режим рассматривается как либеральный.

Устойчивость системы административно-политического управления в регионе определяется как способность противостоять давлению извне и не разрушаться в силу внутренних противоречий. В том случае, если система, испытывая внешнее воздействие, использует, преобразует и развивает его на благо региона, то мы можем обозначить ее как устойчивую. Кроме того, в устойчивой системе внутренние противоречия также являются источником развития. Если же при внешнем воздействии и внутренних противоречиях система не развивается, а происходит ее распад, то такую систему можно определить как неустойчивую.

Социометрический подход к определению особенностей становления типа административно-политического управления показал свою эффективность. Актуальность данного подхода определяется тем, что в период трансформации общественно-политической системы многократно возрастает роль так называемого «субъективного фактора». По сути дела, субъективный фактор превращается в объективный.

Индикаторы различных типов административно-политического управления

Система административно-политического управления регионом не может быть одинакова во всех субъектах РФ. Тип административно-политического управления определяется политическим режимом и устойчивостью системы АПУ. Исследователи выделили четыре типа административно-политического управления: 1) авторитарно-устойчивые системы; 2) авторитарно-неустойчивые системы; 3) либерально-устойчивые системы; 4) либерально-неустойчивые системы. Понимая, какой тип административно-политического управления присутствует в данном регионе, можно с большей точностью про-

гнозировать и решать возникающие кризисные или конфликтные ситуации.

В ходе исследования из множества эмпирических характеристик были вычленены индикаторы, позволяющие с достаточной степенью уверенности классифицировать исследуемые регионы по типам АПУ. Всего был найден двадцать один индикатор, который отражает степень авторитарности / либеральности, а также устойчивости / неустойчивости системы. Ниже приведен список индикаторов.

1. Способ принятия ключевых решений в регионе.
2. Способ контроля губернатором реализации принятых решений.
3. Характер вмешательства губернатора в выборы должностных лиц местного самоуправления.
4. Степень и характер использования административного ресурса при выборах в региональный парламент.
5. Наличие оппозиционных / независимых масс-медиа в информационном поле региона.
6. Степень информированности населения о принимаемых региональной властью решениях.
7. Возможность для появления оппозиции и разворачивания ею политической активности.
8. Наличие и постоянное воспроизводство оппозиционных политических акторов.
9. Уровень самостоятельности оппозиционных политических партий и движений.
10. Допущение политической оппозиции в представительные органы власти.
11. Характер участия населения в обсуждении важных для жизни региона проектов.
12. Наличие и количество равных по силе оппозиционных групп влияния (клик).
13. Степень контроля губернатором совокупных ресурсов региона.

14. Наличие несистемных политических акторов.

15. Наличие конфликтов у губернатора с лидерами основных политических партий в регионе.

16. Характер и направленность массовых акций протеста.

17. Рост зависимости губернатора от позиции федерального центра.

18. Частая ротация кадров в ближайшем окружении губернатора.

19. Частая ротация губернаторов.

20. Число уголовных дел, возбужденных против представителей региональной и муниципальной власти в регионе.

21. Рейтинг доверия населения губернатору, авторитет губернатора.

Каждый индикатор имеет свое содержательное наполнение для определенного типа АПУ.

Полевая работа проводилась в восьми субъектах федерации. В результате исследования в каждом из регионов был установлен свой тип управления:

- Алтайский край — авторитарно-устойчивый (с элементами либерализма).

- Амурская область — либерально-неустойчивый.

- Омская область — авторитарно-устойчивый.

- Пермский край — либерально-устойчивый.

- Приморский край — либерально-неустойчивый.

- Свердловская область — авторитарно-неустойчивый.

- Ставропольский край — авторитарно-неустойчивый.

- Хабаровский край — авторитарно-устойчивый.

Исследование показало, что в России преобладает авторитарно-устойчивый тип административно-политического управления. Однако следует отметить, что практически не существует чистых типов АПУ. Кроме того, сильное влияние на систему административно-

политического управления оказывает личность первого лица региона и интересы региональных элит.

Влияние персон на становление типа административно-политического управления

Влияние политических персон (акторов) и взаимодействия между ними на формирование типа административно-политического управления было подтверждено в ходе исследования. Для оценки степени влияния каждого актора применялся комплексный метод, однако основной упор делался на социометрический подход. В ходе исследования были введены новые индексы оценки значимости ведущих акторов: индекс влияния и индекс силы влияния.

Для определения степени влияния каждого из названных фигурантов индекс влияния и индекс силы влияния каждой персоны были рассчитаны по пяти полям взаимодействия: экономическому, административно-правовому, информационному, социальному и личностному.

Поля взаимодействия представляет собой особый уровень взаимодействия между акторами. В экономическом поле акторы конкурируют за контроль над экономическими ресурсами. В административно-правовом — за право распоряжаться властными, административными и правовыми возможностями для повышения своего влияния. В межличностном — за ресурсы личного влияния на уровне персональной коммуникации. В информационном — за контроль над средствами массовой коммуникации. В социальном — за электоральный капитал (симпатии населения).

Последовательность, в которой выстроены поля, неслучайна. Она отражает общую генетику эскалации политического конфликта, и построена на принципе единства исторического и логического. Как правило, исходные раз-

ногласия начинаются со столкновения экономических интересов, затем, защищая их, акторы начинают использовать свои административные ресурсы, что вызывает напряжение в межличностных отношениях, выливается в информационные войны и, в конечном итоге, заканчивается попытками использовать в борьбе друг с другом собственный электротальный ресурс.

Индекс влияния показывает наличие и направленность влияния персоны. Рассчитывается по формуле: $V=S/n$, где S — сумма оценок влияния персоны по полю, данных экспертами, считающими эту персону влиятельной; n — общее количество экспертов, заполнивших опросные листы.

Индекс силы влияния показывает силу персоны по различным полям взаимодействия и рассчитывается по формуле: $sV=|S|/n$, где $|S|$ — сумма модулей оценок влияния персоны по полю, данных экспертами, считающими эту персону влиятельной; n — общее количество экспертов, заполнивших опросные листы.

Ранжирование ключевых личностей осуществлялось исходя из силы их влияния по каждому полю. Поскольку влияние ключевых персон в основном определялось на основании оценок экспертов, базой для ранжирования послужил индекс силы влияния. Именно этот показатель в наименьшей степени зависит от личных негативных или позитивных отношений экспертов к называемым персонам.

Общий рейтинг влияния равен среднему значению рейтингов силы влияния по всем пяти полям.

Кроме общего рейтинга при определении ведущих акторов учитывались следующие объективные позиции:

- статус персоны;
- экономическая позиция персоны;
- политическая позиция персоны;
- информационные возможности влияния.

Индекс силы влияния с учетом объективных позиций позволил выявить группы ведущих политических акторов в каждом исследуемом регионе. Численность таких групп составляет от 7 до 11 человек.

Сравнение индекса силы влияния и индекса влияния каждого актора в каждом из полей взаимодействия позволяет более точно определить характер влияния персоны. Если индексы равны, можно говорить о положительном характере влияния данного актора в конкретном поле взаимодействия. Если индексы противоположны по значению, значит, все эксперты оценивают влияние данной персоны как отрицательное. Следует отметить, что практически у всех первых лиц исследуемых регионов влияние имеет, по оценкам экспертов, в основном положительную направленность.

Групповые интересы и развитие системы регионального управления

Российская административно-политическая система еще не закончила своего становления и маловероятно, что это произойдет в ближайшей перспективе. Тем не менее, к настоящему времени уже отчетливо проявлена тенденция доминирования групповых интересов в государственном управлении над собственно государственными.

Смеем утверждать, что основной риск для современного российского государства находится в самой системе административно-политического управления. Система — это не абстрактный механизм, а сообщество индивидов, реализующих свои личные и групповые интересы. Система с самого первого момента своего существования начинает работать на усиление своих конкурентных преимуществ и это становится ее базовой деятельностью.

Важнейшим критерием отбора в правящую региональную иерархию во

многих случаях становятся не деловые и моральные качества, а лояльность к первому лицу региона. Роль руководителя субъекта федерации в формировании определенного типа административно-политического управления становится ключевой. Опыт изучения российских регионов в постсоветский период показывает, что все особенности личности губернатора, даже его бессознательное, объективируются в поведении членов сформированной им команды. Именно группа губернатора в процессе удержания власти и борьбы за контроль над ресурсной базой региона становится основным субъектом формирования системы регионального управления.

Заключение

Самой распространенной в России моделью административно-политического управления к настоящему времени является авторитарно-устойчивый тип, далее следуют авторитарно-неустойчивый, либерально-неустойчивый и либерально-устойчивый.

Авторитарные типы вышли на первые места, прежде всего, по социокультурным основаниям (русский человек любит сильную власть). Кроме того, уровень развития гражданского самосознания нации сейчас соответствует именно авторитарному режиму. Вы-

страиваемый, начиная с 2000 года тип административно-политического управления в стране в целом (так называемая «авторитарная демократия»), вполне отвечает реальным запросам нации. Авторитарно-устойчивый тип — самый востребованный на сегодняшнем этапе политического развития России.

Литература

1. *Гаман-Голутвина О.В.* Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции // *Полис*. 2004. № 3.
2. *Дахин А.В., Распопов Н.П.* Проблема региональной стратификации в современной России // *Полис*. 1998. № 4.
3. *Козлов Н.Д.* Политические культуры регионов России: уравнение со многими неизвестными // *Полис*. 2008. № 4.
4. *Кузьмин А.С., Мелвин Н.Дж., Нечаев В.Д.* Региональные политические режимы в постсоветской России: опыт типологизации // *Полис*. 2002. № 3.
5. Политический процесс: основные аспекты и способы анализа / Под ред. Е.Ю.Мелешкиной. — М., 2001.
6. *Уайтхед Л.* Сравнительная политология: исследования по демократизации // *Политическая наука: новые направления*. — М., 1999.
7. *Шутов А.Ю.* Политический процесс. — М., 1994.

Grechishnikov S.E., Kusina E.V. Typologizatsija of is administrative-political management in the Russian regions

The presented types of regional administrative and political governance prevailing in Russia in the post-Soviet era. Administrative and political governance is defined political regime and sustainability management system. Identified four types of administrative and political governance: authoritatively steady authoritatively fragile, Liberal, liberal-unsustainable sustainable. Knowledge of administrative and political governance type allows you to accurately predict and address emerging crisis or conflict situations in the region.

Keywords: administrative and political governance, management, political regime type, sustainability indicators, management control, field, interface types, index influence prediction.

Козлов В.В., Мазур Е.Ю.

ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИСТА

В статье анализируется проблема этических основ в деятельности юриста. Мораль составная часть индивидуального микрокосма определяет для каждого человека, для каждой отдельной личности картину мира. Этические знания для юриста, если они осознаны, прочувствованы личностью, являются регулятором нормальных человеческих отношений и руководством к действию во всех жизненных ситуациях.

Ключевые слова: этика, нравственность, убеждение, личность, отношение, профессия.

Во все времена общество предъявляло повышенные этические требования к представителям юридических профессий. К тем, кто по роду своей деятельности, по своему профессиональному долгу соприкасается с проблемами и интересами людей, влияя на их судьбу, карьеру, здоровье и даже жизнь.

Человек есть высшая ценность, соблюдение его прав и свобод является основной профессиональной целью юристов. Нам представляется, что осознать эту важнейшую профессиональную цель возможно посредством этических знаний. Ведь моральные качества, этическая, профессиональная, культурная составляющие образованного человека, умение анализировать сложные жизненные ситуации с позиции нравственно-философских ценностей, общаться с самыми различными представителями общества отражается не только на результатах труда, но и на престиже профессии, ее социальной роли и значимости.

Полагаем, что для будущих юристов этические знания — это своеобразный «доступ» к юридической профессии, а для практикующих — это ключ к решению многих проблем, вектор дальнейшей успешной профессиональной деятельности. В этом смысле этика есть система моральных принципов, норм и правил поведения специалиста с учетом его профессиональной деятельности и конкретной ситуации.

Однако предназначение этических знаний для юриста и, прежде всего как личности, гораздо шире и глубже. Для профессии юриста они имеют особый

смысл, потому что законность и порядок в человеческом сообществе устанавливаются там, где право опирается на принципы справедливости, гуманизма и честности.

В переводе с греческого и латинского языков этика означает обычай, уклад, порядок, нрав. Она считается одной из наиболее древних форм духовной деятельности. Потребность осмысления отношения человека к человеку появилась еще на заре цивилизации. Исследователи полагают, что как система этика возникла в I тыс. до н.э. В первой половине тысячелетия греки стали употреблять слово «этнос», от которого был впоследствии образован термин «этика». Греческое происхождение термина не свидетельствует тому, что сама этика зародилась в греческом культурном центре. Этика появилась практически одновременно в четырех независимых друг от друга культурах:

Палестине VIII — IV вв. до н.э. в учениях иудейских пророков (Исайя, Илий, Осия и др.) о том, что чистота сердца важнее следования закону;

Древней Индии VI — V вв. до н.э. в брахманических и буддийских идеях дхармы и кармы, согласно которым каждый поступок человека, как добрый, так и дурной, не проходит бесследно, но влияет на последующие рождения;

Древнем Китае V — IV вв. до н.э. в виде конфуцианского учения о «дэ» как свойстве, отличающем «благородного мужа» от «подлых людишек», и даосского учения о «дао» — законе, определяющем путь движения всех вещей во вселенной;

Древней Греции V — IV вв. до н.э. как одна из трех составных частей философии («любви к мудрости»), рассматривающая связь между нравом, словом и природой [1, с. 8].

Однако традиционно возникновение этики как термина и особой систематизированной дисциплины связывают с именем Аристотеля (384–322 гг. до н.э.). Данный термин входит в название всех трех его сочинений: «Никомахова этика», «Эвдемова этика», «Большая этика», которые посвящены проблемам морали и нравственности. Термин «этика» введен для обозначения особого класса человеческих качеств, совокупности свойств характера, определяемых как «этические добродетели». По убеждению Аристотеля, такими нравственными качествами, «добродетелями» являются мужество, умеренность (в наслаждениях), щедрость, великодушие, кротость, правдивость, любезность, общительность, справедливость [2, с. 18]. Интересен тот факт, что именно с Аристотеля начинается «добропорядочная этика священной середины: ничего слишком, никаких крайностей, умеренность во всем. Благоразумие — середина двух зол: избытка и недостатка» [3, с. 220]. Для Аристотеля благо есть «совершенство разумной деятельности или добродетель», нравственность — «не достижение предписываемого результата, но следование внутреннему долгу, подчинение внутреннему идеалу, внутренний выбор» [3, с. 219–222]. В связи с этим мы находим у мыслителя достаточно полное описание моральной личности: «Нравственно прекрасный человек — это тот, кому присущи блага, прекрасные сами по себе, и кто осуществляет в своих поступках эти нравственно прекрасные блага ради них самих. Прекрасны же добродетели и дела, производимые добродетелью» [4, с. 525].

Существенный вклад в этику внесли стоики. Главными человеческими добродетелями они считали «рассудительность, стойкость, мужество, самообладание, упорство, решительность, справедливость». Причем, все добродетели взаим-

но обусловлены, и кто имеет одну из добродетелей, тот имеет их все. Главная задача человека — приобретение мудрости и умение жить сообразно природе.

В христианстве религиозно-этические концепции восходят к Библии. Наиболее значимыми для дальнейшего развития этики христианства были в Ветхом Завете Десятизаконие Моисея (десять заповедей), а в Новом Завете — Нагорная проповедь Христа и Послание апостола Павла. Определяющим в христианской этической концепции является идея любви к Богочеловеку Иисусу Христу как идеальному носителю лучших нравственных качеств, образцу моральности в христианском понимании. Вполне закономерно в этике христианства сложились теологические добродетели христианства («три славных добродетели») — вера, надежда и милосердие (любовь). Как антиподы системе христианских добродетелей определились семь смертных грехов (нравственных прегрешений): тщеславие, зависть, гнев, уныние, скупость, грехопадение и расточительность. Христианские богословы проповедовали идею способности человека быть богоподобным, но для этого нужно менять не мир вокруг себя, а себя самого. Это утверждение созвучно одному из ведущих процессов развития человека в психологии — самопознанию — «вовнутрь самого себя». Христианство определило в этике идею личности и персональной нравственности: «Христианство формирует сознание, обращенное прежде всего к внутреннему миру индивида, к его совести — сознанию, подчеркивающему значимость, ценность каждой человеческой личности» [5, с. 19].

Известный представитель христианской теологии Аврелий Августин (354–430 гг.) считал, что нравственность имеет божественное происхождение. По мнению И.И.Гарина, самое главное что, внес в нравственность Августин Аврелий: «Основопологающий принцип человековедения — интроспекция. Не блуждай во вне, а войди внутрь себя. Люди восхищаются горами, огромными морскими вол-

нами, широкими водопадами рек, просторами океана и звездными путями, а о самих себе забывают» [3, с. 252].

Выдающийся американский государственный и политический деятель, юрист, дипломат, один из авторов Декларации независимости США 1776 года Бенджамин Франклин (1706–1790 гг.) вопрошал, что могут сделать законы в политике без морали, и располагал главными добродетелями: трудолюбие, верность принятым на себя обязательствам и бережливость, воздержанность в еде и питье, немногословность, склонность к порядку, решительность при исполнении принятых планов, искренность и честность, справедливость, умеренность в страстях и желаниях, чистота и опрятность, способность не волноваться по пустякам, целомудрие и скромность.

Таким образом, предметом этики, как духовной деятельности, является система добродетелей, нравственных идеалов, которые служат мотивацией поведения человека в различных обстоятельствах, призывают обратиться к самому себе, к своей совести, понять и осознать себя, «войти внутрь себя», обрести мудрость в делах и поступках. Другими словами, они запускают духовные механизмы человека, механизмы жизни души, которые постоянно ставят человека перед проблемой этического выбора, и тем самым, направляют личность человека к духовному и душевному, моральному и нравственному самосовершенствованию.

Как известно, этика исследует и изучает свои категории «мораль» и «нравственность».

Мораль есть форма общественного сознания, занимает особое место в культуре человечества. Исторически она является первичным способом социальной регуляции поведения и действий людей в обществе, развивается вместе с общественными отношениями. Философский словарь дает следующее определение этому понятию: «Мораль (от лат. *moralis* — нравственность) — особая форма общественного сознания, регулирующая дей-

ствия людей в обществе с помощью норм. Мораль — признанные, а не закрепленные в праве нормы. Они различны у разных народов и, кроме того, преобразуются с течением времени. Моральные представления раскрывают правила поведения, которые считаются достойными, благородными, приличными» [6, с. 160]. Словарь современной философии дополняет: «Мораль (от лат. *moralis* — нравственный) — древнейшая форма общественного сознания, зародилась в первобытном обществе; социальный институт, выполняющий функцию регулирования поведения человека. Особенность ее состоит в том, что моральные принципы, нормы и правила, которыми люди руководствуются в своей жизнедеятельности, принимают форму безличностного ко всему, но ни от кого не исходящего поведения, причем выполнение их — внутренняя потребность человека, контролируемая общественным мнением» [7, с. 45]. В связи с этим интерес представляет высказывание Шарля Монтескье: «Существуют истины, в которых недостаточно убедить кого-либо, но которые надо дать почувствовать; именно таковы истины морали». Мартин Хайдеггер понимает морали еще более углубляет: «Человеческая жизнь только тогда на что-то годится, только тогда определена истинными добродетелями, когда эти последние только к тому устремлены и только тому способствуют, чтобы осуществить желанное и должное, следовать за ними и так подчинить себя «идеальному»» [7, с. 161–162].

Таким образом, как составная часть индивидуального микрокосма, мораль определяет для каждого человека, для каждой отдельной личности картину мира. Она призвана обеспечить самостоятельность человека как духовной личности по отношению к окружающему, призвана модифицировать произвольное в ограниченную свободу, поскольку свобода — это ответственность (Н.Бердяев), поэтому мораль выступает в качестве некоего «сдерживателя», «мерой господства человека над своими страстями, показателем

его способности отвечать за содеянное» [8, с. 11].

В этом смысле интерес представляет социально-договорная концепция Т.Гоббса. Для Т.Гоббса мораль является предпосылкой, условием, а не продуктом общества и государства. Моральные законы, наряду с юридическими, являются силой, соединяющей людей и умеряющей их агрессивнo-эгоистические наклонности. Согласно Т.Гоббсу природа человека изначально зла, эгоистична, а мораль всегда остается внешней силой, ущемляющей свободу индивида [9, с. 536, 549].

Толковый словарь русского языка определяет: «Нравственность — внутреннее, духовные качества, которыми руководствуется человек, этические нормы; правила поведения, определяемые этими качествами» [10, с. 414]. Философский словарь трактует: «Нравственность — свод неписаных правил, определяющих благонравное поведение человека. Опирается на нравы, то есть добровольное соглашение людей, которые пытаются соотносить свои чувства, стремления и действия с жизненными установками других людей, с интересом и достоинством всего общества» [6, с. 185]. Таким образом, в основе термина «нравственность» лежит понятие «нравы», то есть обычаи, сложившаяся система жизненных ценностей, уклад жизни, бытующие в данном обществе. Понятие «нравственно» подразумевает наличие некоего сложившегося социума, по отношению к которому оно применяется. До сих пор остается актуальным высказывание известного мыслителя Пифагора: «Народы, старайтесь прежде всего иметь добрые нравы, нежели законы: нравы суть самые первые законы» [6, с. 186].

Яркий, замечательный представитель эпохи Нового времени Иммануил Кант (1724—1804 гг.), которого профессор Котляровский назвал узловой станцией новой философии, выделил категорический императив морали, то есть высший принцип этики: «Поступай всегда так, чтобы максима твоей воли могла стать принципом

пом всеобщего законодательства» и «Относись к другому человеку как цели, но никогда как к средству». И.Кант полагал, что побудительная причина этического — *должное*. Нравственность — это должествование. «Человек достоин большего, чем довольство тем, что в нем есть: способность, безусловно, подчиняться долгу возвеличивает его над собственной природой» [3, с. 291]. Долг — это нравственное веление, внутреннее принуждение, обусловленное идеей блага. И.Кант оценивал долг как принуждение, которое испытывает свободная воля со стороны нравственного закона. А.П.Скрипник отмечает, что *должное* призывает личность возвыситься над сущим, подняться над ее наличным состоянием. Это говорит о том, что в следовании долгу проявляется не только принуждение, но и *свобода* человека. Личность воспринимает как свободные те собственные действия, которые идут изнутри [1, с. 237].

Выдающийся деятель российского права А.Ф.Кони, которого называли рыцарем права, чья профессиональная деятельность была проникнута нравственными началами, всегда учитывал, что кроме правды законной есть правда нравственная. Он защищал не только закон, но и справедливость, заботился о верховенстве закона и справедливости, без которых невозможна защита прав человека. Это было его личным и профессиональным долгом. Внутренний духовный мир А.Ф.Кони, его человеческую сущность очень точно передают слова, высеченные на его надгробии: «мыслил, чувствовал, творил».

Известный отечественный юрист М.С.Строгович, подчеркивая единство справедливости и законности, отмечал, что всякое решение, принимаемое органами государства, «должно быть законно и справедливо; законным может быть только справедливое решение, несправедливость не может быть законной» [11, с. 28].

В этих словах заключено соотношение права и нравственности. Представители разных юридических профессий — пред-

ставители Закона и Государства, не должны забывать, что во главе их юридической деятельности находится отношение к человеку как высшей ценности, уважение и защита прав, свобод и человеческого достоинства в соответствии с международными и российскими правовыми нормами и общечеловеческими принципами морали, объективность в принятии решений, следование при этом только закону, а также нравственным нормам, на которых зиждется закон, безупречность личного поведения, забота о профессиональной чести и общественной репутации, высокий профессионализм, морально-психологическая готовность к действиям в различных обстоятельствах. Предъявление подобных морально-этических требований основано на фундаментальном золотом правиле нравственности, отождествляемом с самой нравственностью: «Поступай с другими так, как хотел бы, чтобы поступали с тобой», «не делай другому того, что не хотел бы, чтобы делали тебе», которое делает вообще возможными взаимоотношения людей во всем их многообразии.

В начале нашей статьи есть эпиграф, слова И.Канта о том, что этика есть философия убеждения. Мы полагаем, что этические знания для юриста, если они осознаны, прочувствованы личностью, являются регулятором нормальных человеческих отношений и руководством к действию во всех жизненных ситуациях, то они есть суть убеждения, тогда «мораль придаст священный характер праву, а право распространит и закрепит моральные начала, идеалы» [8, с. 12]. Юрист, основывающий свое поведение на морали и праве, будет способствовать соблюдению

законности и правопорядка на принципах гуманизма и справедливости и тем самым построению правового государства.

Литература

1. *Скрипник А.П.* Этика: Учебник для вузов. — М.: Проект, 2004. 346 с.
2. *Егорышев С.В., Ротовский А.Н., Сулейманов Т.Ф.* Профессиональная этика: Курс лекций. — М.: ЦОКР МВД России, 2005. 240 с.
3. *Гарин И.И.* Что такое этика, культура, религия? — М.: Терра — Книжный клуб, 2002. 848 с.
4. *Гусейнов А., Ирритц Г.* Краткая история этики. — М.: Мысль, 1987. 589 с.
5. *Попов Л.А.* Десять лекций по этике: Учебное пособие. — М.: Ось—89, 2001. 192 с.
6. *Гуревич П.С.* Философский словарь. — М.: Олимп, 1997. 320 с.
7. Современная философия: Словарь и хрестоматия. — Ростов-на-Дону. Феникс, 1995. 511 с.
8. *Трунов И.Л.* Нравственные аспекты юридической деятельности // Человек: преступление и наказание. 2008. № 2. С. 11—12.
9. *Гоббс Т.* Избранные произведения: В 2 т. — М., 1964. Т. 1. С. 536, 539.
10. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь современного русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская АН; Российский фонд культуры. — М.: АЗЪ, 1996. 928 с.
11. *Строгович М.С., Корневский Ю.В., Зайцев Е.А., Киселев Л.С.* Проблемы судебной этики / Под ред. М.С.Строговича; Академия наук СССР. Институт государства и права. — М.: Наука, 1974. 272 с.

Kozlov B.B, Masur E.U. Ethical of a basis in activity of the lawyer

Article examines the ethical foundations of the jurist. The moral component of individual microcosm determines for each person for each individual picture of the world. Ethical knowledge for a lawyer if they understood the difference to a person who is the Governor of normal human relationships and guide to action for all life situations.

Keywords: ethics, morality, belief, attitude, personality, occupations, persons.

Шигорина Т.Б.

ЕДИНСТВО ДУХОВНЫХ ТРАДИЦИЙ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ КИТАЙЦЕВ

В статье рассматриваются социально-психологические и культурологические особенности мировоззрения китайцев. Особое внимание уделяется религиозному контексту буддизма, конфуцианства, философских школ Китая.

Ключевые слова: мировоззрение, буддизм, философия, религия, даосизм, духовная традиция.

Духовные традиции любого народа являются основой его культуры. И традиции Китая не стали исключением. Для того чтобы понять мировоззрения китайцев рассмотрим основные духовные традиции и философские учения, то чем богата культура этого народа.

В традиционном Китае понятия религия с тем смыслом, который вкладываем в него мы, никогда не существовало. Термин, *цзунцзяо* дословно означает «учение предков» или «учение, оставшееся от предков», так как всякое духовное учение Китая основывается исключительно на попытке установить связь с предками, или, дословно, «вступить в контакт с духами».

В умах самих китайцев никакого разделения на «религию» и «философию» никогда не было, это доказывает распространявшийся в Китае термин *цзяо* — «учение», причем им обозначали практически все духовно-философские течения Китая: и буддизм, и конфуцианство, и даосизм, и разные философские школы.

Ключевым компонентом любой религии является вера. В Китае же иероглиф «*синь*», который с определенной натяжкой можно перевести как «вера», говорит исключительно о доверии подданного к правителю, правителя к своему слуге, доверии правителя и посвященного монаха к «знакам Неба», доверии людей к духам своих предков. А.А.Маслов пишет, что здесь нет «веры» в том смысле, в каком она присутствует

в западных религиях, но существует лишь «доверие» (*синь*) к духам предков, которые воздействуют на земной мир. Здесь нет «молитвы» как чистого и прямого обращения к Богу, но лишь «поклонение» (*бай*) как выполнение определенных ритуалов. Здесь не существует трепета перед Богом, никто не совершает спасительного подвига, не существует ни абсолютной божественной любви, ни даже единой формы поклонения. Впрочем, здесь нет и самого Бога, нет и того, кто хотя бы приблизительно занимает его место в сакральном пространстве. Не случайно при переводе Библии на китайский язык пришлось прибегнуть к термину *шан-ди*, то есть «высший дух» или «высший (то есть первый) предок» [6].

Анализируя духовные традиции Китая, по мнению А.Маслова, мы не видим никаких классических черт религии, характерных для западной традиции. Вера в Бога, в единое высшее существо была заменена здесь, системой сложных договоренностей с духами предков [6].

Эти особенности духовных традиций Китая были заложены еще в глубокой древности. Как и у других народов, у китайцев было множество богов и духов, которым они приносили жертвы, но с течением времени на первый план среди этих богов и духов стал выходить Шанди, их предок-тотем. Е.В.Попов считает, смещение в культе Шанди акцента в сторону функций первопредка сыграло

в истории китайской цивилизации огромную роль: оно привело к ослаблению религиозного начала и усилению начала прагматического, проявившегося в абсолютизации культа предков [2].

В XI в. до н.э. в период правления династии Чжоу произошло вытеснение Шанди культом Неба. Небо стало представлять связи божественных сил с правителем. Правитель стал считаться сыном Неба, а китайская империя — Поднебесной. Этот титул и название страны сохранились вплоть до XX в. Считалось, что великое Небо карает недостойных и вознаграждает добродетельных. Только имея добродетель, правитель имел право управлять. Теряя ее, он утрачивал это право. Для китайских правителей отождествление с Небом означало принятие на себя ответственности за весь мир.

Постепенно Небо превращалось во всеобщий порядок движения всего живого, а религия обернулась этикой. Народ был объявлен глашатаем воли Неба. Всеобщее чувство народа воспринималось древними китайцами как проявление верховной справедливости небес, поэтому культу не коллективизм, посланный свыше, по мнению китайцев, исключает из культуры индивидуализм и личностное начало, которые в западноевропейской культуре является основой духовной жизни европейца.

Интуитивная доверчивость людей к мудрости природы позволила китайцам создать оригинальную картину мира, где не было места ни враждебности, ни несовершенству, ни дисгармонии. По мнению китайцев, мир изначально совершенен, ему присуща внутренняя гармония, поэтому его не нужно переделывать. Напротив, нужно самоустраниться, уподобиться природе, чтобы не мешать осуществлению гармонии. Изначально природе присущи пять совершенств: человечность, чувство долга, благопристойность, искренность и мудрость.

С точки зрения Конфуция, личность получает свое содержание непосредст-

венно от природы. Природа награждает ее талантом, который является следствием могучего творческого процесса в природе. Таким образом, в основе гармонии общества и природы лежала идея социэтико-политического порядка, который санкционирован великим Небом. Мы прослеживаем эту идею в учениях даосизма и конфуцианства. Не испортил эту идею и буддизм, который вместе с даосизмом и конфуцианством составил философско-религиозную триаду, духовный стержень китайской культуры [6, 7].

В сознании простых китайцев все течения, и прежде всего конфуцианство, буддизм и даосизм, нередко выступают в виде единого комплекса идей, верований. Это указывает на синкретический характер религиозной жизни Китая, то есть безболезненное и взаимодополняющее сожителство нескольких религий. Маттео Риччи одним из первых заметил, что в Китае безболезненно соседствуют, как он считал, три основных религии: конфуцианство, даосизм, буддизм. Китайцы ходят в кумирни и храмы всех этих трех религий, при этом посещают еще места поклонений местным духам, имеют на своих домашних алтарях таблички с именами духов предков и, таким образом, поклоняются Им всем сразу [6].

Известный культуролог А.А. Маслов пишет, что у них единые духи и даже формы поклонения. Не случайно до сих пор в китайских деревнях можно встретить изображения Конфуция, Лао-цзюня и Будды или бодхисатвы милосердия на одном алтаре [6]. Все эти три знаменитых китайских учения составляют формулу неразрывности китайской традиции, которая содержится в известном изречении: «Даосизм — это сердце, буддизм — кости, конфуцианство — плоть».

Одной из самых древних духовных традиций Китая, которая является началом китайской культуры, является даосизм, основа которого — органическое слияние с природой. Творцом дао-

сизма считается Лао-цзы. Рассказывать о его жизни крайне сложно, так как вся имеющаяся о нем информация окутана тайной. Известно, что он был современником Конфуция, одно время занимал должность смотрителя книгохранилищ чжоуских царей, долго жил в горах отшельником... Но даже его истинное имя неизвестно, так как Лао-цзы — это лишь прозвище, означающее буквально «Мудрый старец».

В своих книгах Лао-цзы пишет, что все во Вселенной порождено космическим путем (Дао), являющимся также источником гармонии и равновесия. Поэтому все в мире, от растений и животных до людей, прекрасно в своем естественном состоянии и должно оставаться таким. Извечный путь Вселенной несравненно мудрее любого человека, поэтому мы всегда совершаем ошибку, пытаясь изменить окружающий мир. На самом же деле этим мы утверждаем наше собственное «я» и пытаемся подменить мудрость Вселенной ограниченным знанием [5].

Исходя из этого, Лао-цзы учил следовать Дао (буквально — путь), ибо «человек следует Земле, Земля следует Небу, Небо следует Дао, а Дао следует естественности» [1]. Дао — основа всего сущего во Вселенной, источник всех вещей и явлений. Индивидуальное проявление Дао — «дэ», это форма проявления Дао в индивидуе. В ней раскрывается нравственное совершенство личности, достигшей абсолютной гармонии с окружающим миром. Говоря словами Лао-цзы, «явленное Дао не есть постоянное Дао, а кто имеет страсти, видит его только в конечной форме. Безымянное и обладающее именем — одного и того же происхождения, но с разными названиями. Вместе они называются глубочайшими. Переход от одного глубочайшего к другому — дверь ко всему чудесному» [1].

Не вера в высшие силы, а высшие духовные основы диктуемые Небом, вот нравственные критерии духовной тра-

диции даосов. «Чтобы в народе не старались выслужиться друг перед другом, нужно не возвеличивать достойных. Чтобы в народе не было воров, не нужно дорогие вещи ставить превыше всего. Чтобы сделать чистыми сердца людей, нужно отвратить свой взор от того, что рождает желание. И потому мудрый в жизни руководствуется следующим: делает свое сердце пустым и открытым, а наполняет свой желудок. Желания свои размягчает, а укрепляет свой дух. Другим же говорит только: «Освободитесь от своих познаний, освободитесь от стремления иметь» [5].

Согласно представлениям даосов, цель человеческой жизни состоит в том, чтобы познать Дао, следовать ему и слиться с ним. Отход от Дао приводит к болезням, дряхлости и преждевременному старению. Следование Дао дает здоровье и долголетие, для этого необходимо разработать способ жизни в согласии с миром [8, 4]. Даосизм учит бережному отношению к природе, которая существует не для того, чтобы ее перерабатывали, а для того, чтобы получать удовольствие от общения с ней.

Второе начало китайской культуры — конфуцианство. Его создатель — Кун Фу-цзы, (учитель Кун), родился около 551 г. до н.э., в семье, принадлежавшей к старинному, но разорившемуся аристократическому роду. Конфуций был одним из посвященных священнослужителей, близких по духу к древним медиумам и шаманам. Он, по мнению А.Маслова, — живой пример умирающей архаической традиции магов и медиумов, часть из которых, как и сам Конфуций, решили служить правителям царств, и открыто проповедовать свое учение. Он стал тем, кто решил вынести мистические и магические знания на люди... Он был носителем очень древнего Учения, связанного с архаическими магическими культурами, которые он постарался представить в виде концепции Ритуала или Правил. Он стре-

мился дать своим ученикам методы восстановления связи с Небом и поддержания постоянного соприкосновения с духами предков и первых мудрых правителей Китая, откуда и следует черпать высшее Знание [7].

Конфуций считал, что люди страдают потому, что в стране царит хаос, а для того, чтобы избавиться от него, следует возвратиться к дедовским обычаям и порядкам. Но сделать это нужно сознательно: каждый человек должен быть требовательным к себе, соблюдать установленные правила и каноны. Лишь тогда общество исцелится от своего недуга. Это открытие и легло в основу конфуцианской этико-социальной программы, заложившую основу культурно-исторического развития Китая.

Конфуций на основе изучения прошлого века своего времени составил свой идеал совершенного человека, который был им сконструирован в качестве модели и должен обладать двумя важнейшими достоинствами: гуманностью и чувством долга. Долг — это моральная обязанность, которую гуманный человек в силу своих добродетелей накладывает на самого себя. Чувство долга, как правило, обусловлено знанием и высшим принципом, но не расчетом [7]. Конфуций дает развернутый образ благородного мужа, противопоставляя его простолюдину, или «низкому человеку». «Благородный человек» Конфуция — это социальный идеал, своеобразное звено между Небом и обществом.

Конфуцианство стало официальной идеологией Китая во времена правления династии Хань (III в. до н.э. — III в. н.э.). В этот период чиновники отбирались исключительно по принципу безупречного знания мудрости учителя. В средневековом Китае постепенно сложились и были канонизированы определенные нормы и стереотипы поведения каждого человека в зависимости от занимаемого им места в социально-чиновной иерархии «китайские церемо-

нии». На основе сконструированного им социального идеала, Конфуций сформулировал основные принципы того социального порядка, который хотел бы видеть в Поднебесной: «Пусть отец будет отцом, сын — сыном, государь — государем, чиновник — чиновником», то есть в этом мире все станет на свои места, все будут знать свои права и делать то, что им положено [2].

Социальный порядок по Конфуцию основывается на строгом повиновении старшим. Непререкаемым авторитетом для младших, подчиненных, подданных является любой старший, будь то отец, чиновник или государь. Нормой для младших является слепое повиновение его воле, слову, желанию, как в рамках государства, так и в семейном доме. Конфуций напоминал, что государство — это большая семья, а семья — малое государство. Истоки авторитета отцовства восходят к древнейшему культу предков. Культ предков, как живых, так и мертвых, которым Конфуцианство придало глубокий смысл, символизирующий социальный порядок и превратило его в главную обязанность каждого китайца и универсальную норму поведения. Именно с этой целью Конфуций разработал учение о «сяо» — сыновней почтительности. «Сяо», как считал Конфуций, — это основа гуманности, где главное правило, почтительная сыновья забота о родителях, любовь их при любых обстоятельствах.

Конфуцианский культ предков и нормы «сяо» воспитывали у китайцев уважительное отношение к семье. Семья считалась сердцевинной обществу, интересы семьи превосходили интересы отдельно взятой личности, которая рассматривалась лишь в аспекте семьи. «Любовь, то есть нечто личное и эмоциональное, всегда находилась на неизмеримо более низком уровне, чем интересы семьи. Любовь могла прийти после брака, могла и не прийти вовсе. Но это никогда не мешало нормально-

му существованию семьи и выполнению супругами своего осознанного социально-семейного долга, который выражался в рождении детей, прежде всего сыновей, призванных упрочить позиции семьи и продолжить род» [10]. Отсюда — постоянная тенденция к росту семьи. Принято было выносить на суд родственников все заботы: не было ничего своего, личного, чего не должны были знать семья и клан. Человек с первых лет жизни привыкал к тому, что личное, свое на шкале ценностей несоизмеримо с общим, обязательным для всех.

В борьбе различных культурных традиций конфуцианство сумело одержать верх и над даосизмом, и над буддизмом, правда, никогда их полностью не вытесняя. При императоре У-ди (140–87 до н.э.) оно заняло господствующее положение в стране, став в созвездии Трех религий самой яркой звездой, потому что конфуцианство удобно для управления огромной империей. Превращение конфуцианства в господствующую культурную норму не было случайным, так как чиновничий аппарат видел в конфуцианстве средство не только держать народ в подчинении, но и влиять на императоров [7].

Третьей составляющей духовных традиций Китая является буддизм, первая значительная «иностранная» традиция Китая. Первоначально буддизм как иноземная религия, подверглась влиянию китайской традиции и, найдя свое место в китайском взгляде на мир, стал более «китайской» религией, нежели любая другая, из проникавших в Китай. В I в. н.э. первые торговцы-буддисты из Индии или Центральной Азии достигли Китая, они заинтересовали многих китайцев: некоторые религиозные идеи и обряды, предлагавшиеся буддизмом, не были известны им прежде — карма и перевоплощение, медитация, монашество и монастыри, а также хорошо разработанные психология и гносеология (наука о человеческом познании).

Падение династии Хань облегчило проникновение иноземной религии, так как люди стали более свободны в выборе веры. Буддийская мысль весьма отличалась от китайской философии, поэтому китайцам понадобилось много времени, чтобы понять ее. Китайская традиция делала упор на роль семьи, сельское хозяйство, администрацию, на долгую и счастливую жизнь в этом мире. Буддизм был более индивидуалистичен и психологичен, и если мы обозначим буддизм философско-этической системой, созданной на основе древних учений Индии, по мнению В.Козлова, это будет ближе к истине [1, 3, 10].

Главной целью буддизма всегда было личное просветление — единство нового способа мышления и чувствования. Буддисты надеются, что такой опыт может им стать более открытыми и сострадательными, внутренне умиротворенными людьми. Это новое, объективное восприятие мира таким, каков он есть, всегда было основным моментом буддийского учения.

Начиная с VII в. н.э. буддизм превращался в новую разновидность китайской государственной религии. Чувствуя, что буддизм стал слишком мирским и материалистическим, некоторые мудрецы отвергли изображения и канонические книги и вели медитативный образ жизни в маленьких уединенных монастырях. Большинство других последователей школы полагали, что статуи и литература — полезное подспорье в постижении буддийской истины. Их девизом было: «Стань Буддой сам, увидев свои внутренние возможности» (цзяньсин чэн-фо) [9]. Чаньские наставники учили, что вечная истина буддизма тождественна вселенскому Дао, просветления можно достичь и среди красот природы, поэтому свои храмы они возводили в необыкновенно красивых местах высоко в горах. К VIII в. китайские мыслители создали специфически китайские формы буддийской философии

и практики, самыми значительными из которых стали секты «Чистая Земля» и Чань [10].

С VII в. и по сей день секта «Чистая Земля» стала самым популярным течением китайского буддизма. Легко понять привлекательность надежды на райскую жизнь, ведь «Чистая Земля», описываемая в буддийских сутрах, — это поистине чудесное место. В одной из книг Будда говорит своему ученику Ананде, что «Чистая Земля» (санскр. *Сукхавати*) — это: «мировая система владыки Амитабхи, богатая и процветающая, спокойная, плодородная и полная множеством богов и людей. В этой мировой системе, нет ни адов, ни животных, ни (голодных) духов, ни асуров (демонов), нет там и мест, неблагоприятных для перевоплощения...» [10].

Конфуцианцы, выступали против буддийского влияния, неоднократно убеждали правителей запретить буддизм, конфисковать монастырскую собственность и принудить монахов и монахинь вернуться домой. В 844–845 гг., император-даосист закрыл тысячи монастырей и заставил большинство монахов и монахинь прекратить религиозную деятельность. Эта антибуддийская кампания была самой разрушительной. Тогда, как и ныне, китайские власти претендовали на абсолютный контроль над религией, так же как и над политикой и обществом. В результате этих общегосударственных преследований были разрушены многие из наиболее крупных монастырей, а вместе с ними исчезли и поддерживаемые ими буддийские философские школы. Через несколько лет прежний закон был отменен и буддизм был вновь легализован, но к этому времени сохранились лишь две школы — Чань и «Чистая Земля», выжившие благодаря народной поддержке. Важнейшей причиной их успеха в Китае стало то, что обе они были основаны монахами-китайцами, знавшими, чего хотел их народ — простой, ясной и прак-

тичной религии, которой можно было бы следовать и в обыденной жизни.

Триединство китайской религиозной системы — не более чем традиционная парадигма мышления. Примечательно, что из троичной схемы выпадали народные культы и верования, вообще не поддающиеся абсолютной классификации. Обычно их связывают с даосизмом или так называемым народным буддизмом, хотя по-настоящему они представляют собой абсолютно отдельные культы и верования. Маттео Риччи в одном из своих писем в 1609 г. заметил, что «китайцы поклоняются лишь Небу, Земле, а также Владыке их обоих» [5].

Основой китайского мировоззрения служит понимание того, что «Небо — мой отец, а Земля — моя мать, и даже столь малое создание, как я, находит себе уютное место между ними. Поэтому то, что наполняет Вселенную, я называю моим телом, а то, что направляет Вселенную, я считаю моей природой. Все люди — мои братья и сестры, и все вещи — мои товарищи. Великий правитель (император) — старший сын моих родителей (Неба и Земли), а великие министры — его слуги...» (Чжан Цзай. «Западная надпись») [9].

К IV в. до н.э. появились философы, учившие, что Вселенная развилась из взаимодействия природных сил инь, ян и пяти стихий. Они первыми сформулировали характерный китайский взгляд на мир. Один из них, Сюнь-цзы (ум. в 215 г. до н.э.), полагал, что Тянь, или Небо, вовсе не божество, а лишь общепринятое имя для того, что мы назвали бы законами природы. В глазах Сюнь-цзы боги и духи — просто создания человеческого воображения. Ритуалы и музыка, будучи прекрасными и воодушевляющими, не являются средством умиловления богов. Другими словами, по мнению Сюнь-цзы, просвещенный человек должен смотреть на религиозные ритуалы как определенные декорации, не принимая их за чистую монету.

Такой взгляд всегда был в Китае уделом меньшинства, однако он определял отношение интеллектуалов к религии, в особенности к религии простого народа.

Традиционным китайским пониманием возникновения и существования мира как взаимосвязанной живой системы является взгляд на происхождение и природу жизни. Эти взгляды определяют все поступки и высказывания людей. Два взаимодополняющих и взаимоотрицающих начала *инь* и *ян* стали буквально символом всей китайской традиции. Ряд ученых считают, что вряд ли стоит считать это свойством исключительно китайской традиции, поскольку у многих народов мира на начальном этапе их развития преобладали представления о развитии мира как о чередовании противоположных начал [1, 5, 9]. Однако, по мнению А. Маслова, характерной особенностью именно Китая является то, что через мифологический по сути принцип бинарных оппозиций осознаются все явления жизни и, более того, весь процесс протекания истории как периодическая смена хаоса и порядка. Эта особенность восприятия мира и истории через противоположности, которая у многих других народов ушла в прошлое, в Китае до сих пор является частью обыденного мировосприятия [5].

Духовные традиции Китая едины в понимании того, что мир возник в результате естественных процессов, что все известное нам является частью Вселенной и, следовательно, связано со всеми остальными ее частями. Это относится и к людям и к богам; мы все объединены в одну систему, вне которой не существует ничего. Таким образом — отличительной особенностью китайского мировоззрения является восприятие мира как живой системы.

Литература

1. Антология мировой философии: в 4 т. — М., 1969.
2. Введение в культурологию: Учебное пособие для вузов / Отв. ред. Е.В. Попов. — ВЛАДОС, 1996. 336 с.
3. Жизнь и нравы старого Китая / Д. Макгован. Китайцы у себя дома / И. Коростовец. Китайцы и их цивилизация. — Смоленск: Русич, 2003. 491 с. (Популярная историческая библиотека). Издательство «Русич», 2002.
4. Козлов В.В. Интегративная психология. Пути духовного поиска, или освящение повседневности. — М.: Психотерапия, 2007. 528 с.
5. Лао-цзы. Дао дэ цзин / Перевод Ян Хин Шуна. www/user/Desktop/Исследования_традиций/Лао-цзы_Дао_Дэ_Цзин.files/ЛаоЦзы_ДАО_ДЭ_ЦЗИН.htm.
6. Маслов А.А. Китай: укрощение драконов. Духовные поиски и сакральный экстаз. 2-е изд. — М.: Алетейя. Культурный центр «Новый Акрополь», 2006.
7. Маслов А.А. Книга судьбы. Ежедневные медитации с Конфуцием. www.koob.ru.
8. Маслов А.А. Мистерия Дао. Мир «Дао дэ цзина». — М.: Сфера, 1996.
9. Переломов Л.С. Конфуций. Лунь Юй. — М.: Восточная Литература, 2002.
10. Религиозные традиции мира. В двух томах. Перевод с английского. — М.: КРОН-ПРЕСС, 1996. 575 с.
11. Чебунин А.В. История проникновения буддизма в Китае. — Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2009. 278 с.

Shigorina T.B. Unity of spiritual traditions as means of expression of universal outlook of Chinese

This article explores the socio-psychological and cultural characteristics of Chinese philosophy. Focuses on the religious context of Buddhism, Confucianism, Chinese.

Keywords: philosophies, Buddhism, Islam, philosophy, religion, Taoism, spiritual tradition.

Новиков В.В., Ободкова Е.А.

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПЕРИОД ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В статье рассматривается феномен глобализации как комплексного социального процесса, имеющего всепроникающий характер и изменяющего общество, стиль жизни людей, сокращающего географические дистанции. В статье проводится теоретическое исследование социально-психологического управления в период глобализации.

Ключевые слова: глобализация, общество, управление, отношение, группа, система, социальная психология.

Глобализация — это комплексный социальный процесс, имеющий всепроникающий характер и видоизменяющий весь мир. Мы говорим о глобализации, подразумевая изменение общества, стиля жизни людей, интенсификацию всех процессов, сокращение географических дистанций [8].

В последнее время понятие «глобализация» стало центральным в экономических, политических, социологических, психологических и других сферах жизни общества, поэтому исследование социально-психологического управления в период глобализации вызвано вполне объективными причинами:

1) глобализация — феномен мирового масштаба;

2) глобализация общественных систем (политическая, идеологическая, социо-культурная, национальная и т.д.) в этнических группах, социальных стратах, государстве и др.;

3) процессы глобализации в малых социальных общностях (семья, трудовые, научные, учебные группы и др.);

4) личностная глобализация (ценности, образ мышления и пр.).

Как показывает опыт развития культуры и особенно последний мировой кризис, мировая цивилизация имеет характер глобальной системы, состоящей из подсистем, которые находятся во взаимовлиянии на всех уровнях процесса глобализации.

Полагаем, глобализация на процесс управления обществом (группой, личностью) оказывает не однозначное влияние,

как позитивное, так и отрицательное. Опишем эффекты глобализации, с нашей точки зрения, значимо сказывающиеся на процессе управления обществом (группой, личностью):

- во-первых, структуризация и систематизация системы управления (упорядочивание действий различных государств, социальных групп, общностей);

- во-вторых, утрата странами, включенными в процесс глобализации, своего суверенитета, традиционных функций государственного управления обществом и экономикой;

- в-третьих, изменение механизмов в жизнедеятельности национальных социумов;

- в-четвертых, формирование «однополярного» мира (более сильные страны задают направление глобализации);

- в-пятых, главенство либеральной основы в культуре, социальной жизни;

- в-шестых, монополизация информационного пространства и информационных ресурсов, глобализация криминальных отношений, использование терроризма как инструмента политики глобализации.

Важность, актуальность изучения управления, в том числе социально-психологического, и неоднозначность процесса глобализации в целом, прокомментировал лауреат Нобелевской премии по экономике Джозеф Стиглиц: «...Чтобы плоды глобализации распределялись более равномерно, необходима, прежде всего, коренная ревизия системы управления, то есть руководящих и контроли-

рующих структур международных экономических институтов...» [9].

Проблемы социально-психологического управления в период глобализации связаны с процессом, в ходе которого стираются границы социальных и культурных систем, происходит превращение мира в единое целое. Глобализация открывает границы не только для торговых, финансовых, политических и т.д. потоков, укрупняя транснациональные корпорации и пр., но и неизбежно диктует по-новому смотреть на процессы управления, в том числе социально-психологические, человеком, группой, обществом, изменяя способы, методы и приемы управления.

Из всех отношений, связывающих отдельные общества в единую систему, мы вычленили социально-психологические, а именно социально-психологическое управление, для подробного раскрытия. Выбор предмета нашего анализа обусловлен тем, что социально-психологические отношения глобализации более всего влияют на все характеристики (экономические, культурные, политические, экологические и т.д.) глобализации, как феномена мирового масштаба. Социально-психологические аспекты, начиная от личного уровня глобализации и заканчивая мировым, значимы, так как взаимоотношения людей, общностей и т.д. в современном мире как никогда интенсивно, плотно и проблематично. Обращение внимания на обусловленные целостностью мира социально-психологические тенденции, связанные с развитием личности, общества и т.д. заслуживают научного внимания, поскольку напрямую связаны с положением человека в современном мире.

Тема социально-психологических отношений, в частности социально-психологического управления, в период глобализации — как комплексного социально-психологического феномена не достаточно изучается научным сообществом. В социалистическом обществе тема не затрагивалась вовсе по идеологическим причинам, в перестроечное и постперее-

строечное время тема не раскрывалась в силу незрелости научного методологического потенциала и интеллектуальных ресурсов [7].

Таким образом, тема социально-психологических отношений, в частности социально-психологического управления, в период глобализации нас привлекает по нескольким причинам:

- 1) малая разработанность в науке;
- 2) огромная социальная значимость проблемы;
- 3) насущная необходимость изучения социально-психологических феноменов, в частности социально-психологического управления, в срезе процесса глобализации. Необходимость построения общей теории, методологии и выстраивания технологий, конкретных практических методов, позволяющих на социально-психологическом уровне управлять процессом глобализации в обществе.

Можно со всей ответственностью утверждать, что, несмотря на огромное обилие мировой литературы по управлению, буквально каждый современный российский руководитель конкретной организации особенно в период глобализации постоянно нуждается в научно обоснованных рекомендациях и советах при выработке, принятии и реализации своих управленческих решений.

Глобальные изменения процессов в обществе предполагают получение большого количества эмпирических материалов, полагаем, что только научная основа является единственно возможной в сфере их упорядочивания. Сегодня от самой социальной психологии зависит многое, в том числе от ее мобильности. Быстрота реакции науки на изменения, на наш взгляд, является залогом успешного развития общества в целом, хотя актуальность «продуктов» социальной психологии не соответствует настоящей реальности.

Психолог К.К.Платонов писал о том, что XXI век станет рачительным заказчиком и потребителем продукции психологических служб, интегративно обеспечивающих управленческие нужды в облас-

тах экономики, политики, права и, конечно же, организации производства. На наш взгляд, период глобализации дает максимум возможностей ученым и обществу для взаимообогащения и инноваций.

Полагаем, что формулировка и решение реальных проблем управления обществом, группой, личностью, с точки зрения роли человеческого фактора и психологии людей, и своевременная переработка багажа психологической науки позволяют организовать и оптимизировать систему управления организацией в период глобализации.

В настоящее время во всем мире как авторитетная и относительно самостоятельная область существует психология управления, широко ведутся научный поиск и специальные исследования в обозначенном направлении.

На наш взгляд, сохраняется актуальной задачей определения и выделения понятий, создания системы этих понятий, позволяющих планировать и выполнять конкретное прикладное психологическое исследование под реальные управленческие задания, которые в период глобализации быстро меняются, а порой имеют острый характер. Полагаем, что именно «психологическое управление», которое определилось в последнее время трудами В.В.Новикова, Ю.М.Забродина и их соратников и учеников, отвечает прикладному характеру психологических исследований в период глобализации.

По словам Ю.М.Забродина, психологическое управление заключается в практическом воплощении научного знания в действиях и рекомендациях психологов, когда знания и методы, имеющиеся в фундаментальных и прикладных разделах психологии, используются для выработки реальных управленческих воздействий [1]. Б.Ф.Ломов, Г.М.Мануйлов, В.В.Новиков и другие ученые воспринимают психологическое управление как новое научное направление в психологии управления, призванное решать практические задачи [2, 3, 4].

Как отмечают многие ученые, в последние годы практически во всех цивили-

зованных странах резко поднялся интерес исследователей разных направлений науки и практики к так называемому экономическому поведению людей. Этим сложным понятием объединяется довольно широкий спектр проявлений жизнедеятельности индивида и группы, направленный на производство материальных ценностей и их потребление в конкретных социально-экономических условиях. А ведь именно поведение человека издавна является предметом психологии.

По вполне понятным причинам, особый интерес современных психологов, российских, в частности, представляет исследование той части экономического поведения, которая связана с предпринимательством.

Рыночные отношения уже давно стали для страны основными, и Россия повернулась к капиталистической экономике, рынок стал открытым по отношению к глобальной экономической системе. Следствием чего происходят изменения взаимоотношений людей, социально-психологического климата всего российского общества и каждой его составляющей.

Открытое и весьма активное движение России, как суверенной и достаточно цивилизованной, многосторонне развитой страны, выдвинула на смену старых общественно-политических и социально-экономических управленческих аппаратов новую страту менеджеров и предпринимателей. Именно от них теперь во многом зависит развитие производства и его инфраструктуры, занятость людей и их благополучие, а, в конечном счете, и удовлетворенность самой жизнью.

В периоде глобализации предприниматели не просто стали реальностью новой постсоветской России, но все в большей степени определяют ее дальнейшую судьбу, так как они принимают многие принципиально важные экономические решения. Современные предприниматели менее консервативны, чем руководители государственных предприятий они используют другие способы управления,

в первую очередь основанные на знаниях психологии (В.В.Марченко, В.В.Новиков, А.Л.Свенцицкий, В.А.Бодров, А.Л.Журавлев, А.Н.Лебедев и др.).

Ю.М.Забродин и В.В.Новиков отмечают недостаточность методического обоснования форм и способов применения психологических методов, отмечают необходимость доведения методического обоснования до такой формы, которая стала бы «работать» в реальной жизни, а, значит, перестала бы быть «психологической» и превратилась бы в реальные общественные, межличностные, правовые и другие отношения» [6].

Одновременно следует отметить, что значимость психологического управления возрастает вследствие глобализации, несущей за собой социально-психологические изменения личности, группы, общества.

Исходя из сказанного, необходимо проанализировать и интегрировать опыт развития психологической науки в области решения практических экономических, управленческих и др. проблем прошлых лет:

- во-первых, выявить при всей сложности и кризисности современного состояния общества в условиях глобального мирового финансового кризиса, его «запрос» или несформулированную в научных понятиях потребность в разработке именно психологических проблем управления;

- во-вторых, выявить возможности психологической науки, которыми она располагает на современном этапе для теоретической и для практической постановки проблемы психологического управления и ее решения.

Эта задача носит при всей ее сложности и фундаментальной и конкретный характер, и еще никем в таком качестве ни поставлена, ни, тем более, решена не была. Но ее решение невозможно только путем применения уже сложившихся психологических знаний и опыта к современным социальным способам управления. Необходимо исследование новых экономических, политических и управ-

ленческих процессов и способов в том виде, как они сформировались в настоящий момент, чтобы оптимизировать их на научной основе.

Реальная жизнь последних лет XXI века выявила ряд серьезных трудностей, возникающих при расширении рыночных отношений в обществе. Анализ этих трудностей позволяет выделить ряд факторов и механизмов как административно-правового, технико-технологического, организационно-экономического, так и социально-психологического порядка, которые могут быть учтены и использованы в России и других странах. Таким образом, вопрос о целенаправленном использовании психологических и социально-психологических механизмов в целях проектирования новых или дальнейшего совершенствования уже существующих организаций оказывается не просто чрезвычайно актуальным, но и вполне продуктивным.

Именно выявление этих факторов и механизмов и послужило основой возникновения практики психологического управления и, в частности, интегративного организационного проектирования организации труда и управления в ряде отраслей промышленности [7].

При этом важна не только практическая, но и научная проработанность обсуждаемой проблемы. Последнее становится понятным, если учесть, что любая производственная организация может быть одновременно рассмотрена как субъект совместной деятельности, как социально-психологическая группа определенного уровня развития, и как среда «самореализации» личности и т.д.

Речь идет о возможности дальнейшего углубления теоретической разработки ряда важнейших проблем общей и социальной психологии, на основе разработки направления психологического управления в период глобализации.

Сегодня одновременно мы ставим вопрос о месте психологического управления в системе психологических наук и о соотношении с социальным управлением.

Современная психология не просто включается со своими рекомендациями в реальную систему управления. Наряду с описанием, объяснением, пониманием, все большее значение приобретает такая функция самой психологической науки как управление, — то есть систематическое применение психологических знаний в практике выработки и осуществления реальных управляющих воздействий; возникает необходимость перехода от анализа объектов к их синтезу, — то есть проектированию структуры и функций социально-экономических объектов с учетом психологических закономерностей, механизмов и факторов их генезиса, функционирования и развития [5].

Таким образом, новое направление «психология управления» совершенно иначе, чем до сих пор, раскрывает понятие «управления» и его связь с реальным социальным управлением: последнее осуществляется на основе управленческой функции психологии, моделирующей реальный объективный способ управления на основе психологических закономерностей.

Одной из важнейших черт рыночных отношений является острейшая необходимость повышения темпов экономического роста, которое, само по себе, не происходит, даже при явном возрастании самостоятельности и ответственности производственных предприятий..., что и выдвигает эти последние в качестве самостоятельного объекта прикладных психологических исследований.

Опыт, накопленный в рамках взаимодействия психологии с общей теорией организаций и социологией организаций, базирующихся на позициях системного подхода, продемонстрировал плодотворность рассмотрения предприятия как

производственной организации, что позволило поставить ряд теоретических проблем, выявить некоторые закономерности, сформулировать рекомендации.

Таким образом, глобализация, являясь основной тенденцией современного общества, превращает человечество в социальную целостность, требующую новых путей управления, том числе и психологических.

Литература

1. *Забродин Ю.М.* Проблема разработки практической психологии // Психологический журнал. 1980. Т. 1. № 2.
2. *Ломов Б.Ф.* Теория, эксперимент и практика в психологии // Психологический журнал. 1980. № 1.
3. *Мануйлов Г.М., Тимофеев Ю.Т.* Влияние спорта на формирование личностных качеств руководителей производства // Теория и практика физической культуры. 1983. № 12.
4. *Новиков В.В.* Социальная психология сегодня: отвечать действиями // Психологический журнал. 1993. № 4.
5. *Новиков В.В.* Социальное управление развитием производственных коллективов. — М., 1976.
6. *Новиков В.В., Забродин Ю.М.* Психологическое управление производственной организацией. — М., 1992.
7. *Новиков В.В., Мануйлов Г.М., Козлов В.В.* Психологическое управление в кризисных социальных сообществах. — М., 2009.
8. *Покровский Н.* Лекции на тему: «Глобализация: реальные процессы и их теоретические конструкты». ГУ-ВШЭ, 2007.
9. *Стиглиц Дж.* В тени глобализации // Deutschland. 2002. № 4.

Novikov V.V., Obodkova E.A. Problem of socially-psychological management in globalization

Describes the phenomenon of globalization as a complex social process, a pervasive and transforming society, lifestyles, reduced the geographical distance. Article is theoretical study on the socio-psychological management during the period of globalization, society.

Keywords: globalization, governance, attitudes, group system, social psychology.

Артемова И.Г.

КОУЧИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ КОМПАНИИ

Данная статья рассматривает коучинг в русле процесса управления человеческими ресурсами компании. Коучингом сегодня активно пользуются многие организации. Коучинг — современная, хорошо продуманная и проверенная на практике технология построения личной стратегии успеха и достижения целей. Коучинг заметно отличается от обучения, тренинга или наставничества. Коучинг — это технология раскрытия потенциала человека. Результатом коучинга является высвобождение человеческих возможностей для достижения корпоративных целей (новый инструмент управления персоналом в организациях). Коучинг применим ко всем сотрудникам компании, но особенно необходим для управленческих групп. В нашей стране коучинг только получает развитие, и в настоящее время зарекомендовал себя как наиболее экономически выгодный способ улучшения производительности сотрудников организации.

Ключевые слова: коучинг, управление, компания, руководитель, организация, группа.

Интерес к эффективному управлению человеческими ресурсами компании всегда актуален. Коучинг — особый вид деятельности, позволяющий компании формировать командоориентированность, создавать видение, как необходимое условие эффективного взаимодействия в компании, организовывать активное сотрудничество между отделами и т.д., то есть управлять персоналом. Коучингом сегодня активно пользуются многие организации. Спрос на него растет с каждым днем. Однако ситуация в каждой отдельно взятой компании отлична от других и требует особого подхода.

В последнее время в современных организациях все больше возрастает потребность в решении задач, связанных с повышением профессионально-личностной компетентности руководителей и менеджеров высшего звена управления. В некоторых организациях HR-служба приняла на себя функцию коучинга руководителей по вопросам управления персоналом, но раскрытие потенциала руководителя и максимальное повышение эффективности его труда — связано в целом с развитием личности, что предусматривает обращение к специалисту-коучу. Работа коуча в группе (с группой) или индивидуально

с руководителем предприятия позволяет быстро и, главное, эффективно добиваться требуемых результатов.

Коучинг — современная, хорошо продуманная и проверенная на практике технология построения личной стратегии успеха и достижения целей. Эта методика прекрасно зарекомендовала себя не только в спорте и бизнесе, но также успешно практикуется в остальных областях жизни, в частности, в области управления компанией. Определение вектора движения руководителя к цели, расстановка приоритетов, построение алгоритма действий и создание поддерживающей среды и мотивации — это и есть стратегия успешных личностей, организаций.

По одной из версий, коучинг зародился в 80-х годах прошлого столетия. Ключевыми фигурами этого процесса стали: Томас Леонард — основатель персонального коучинга, основатель Университета коучей, основатель Международной Федерации Коучей, Международной ассоциации сертифицированных коучей и проекта CoachVille.com, Тимоти Голлвей — автор концепции внутренней игры, лежащей в основе коучинга и Джон Уитмор — основатель корпоративного бизнес-направления и менеджмента в коучинге.

Для обозначения той работы, которую Т.Леонард проводил со своими клиентами, он использовал спортивный термин «коучинг» (англ. *coaching*), что можно перевести как «тренировка, репетиторство, подготовка». Коучинг возник на стыке психологии, менеджмента, философии, логики и жизненного опыта. Это процесс, направленный на достижение целей в различных областях жизни и деятельности. Одним из эквивалентов, выражающих идею коучинга, является «совместное достижение» или «развивающее консультирование».

По другой версии, разделяемой многими учеными-практиками, коучинг возник из «ниоткуда». Такой поход к планированию и осуществлению положительных изменений не был абсолютно новым. Многие из тех, кто знакомится с коучингом и его возможностями фактически использовали его в той или иной степени в своей жизни. И все же, основная заслуга Голлвея, Леонарда и Уитмора в том, что они осознали необходимость личностной поддержки профессиональной деятельности, после чего идеи коучинга обрели более совершенную форму.

По определению, коучинг — это технология для раскрытия потенциала человека. Однако это больше, чем технология, это способ мышления. Основная задача коучинга — не научить чему-либо, а стимулировать самообучение, чтобы в процессе деятельности человек смог сам находить и получать необходимые знания. В коучинге, в том числе в рамках целей организации, сотрудник сам формулирует свои цели и критерии достижения, стратегии и шаги, сопоставляя их с целями организации.

Как видим, коучинг является довольно объемным понятием. Употребление этого термина требует как пояснения контекста определения, так и научного подхода к его изучению.

Можно условно выделить некоторые виды коучинга для организации:

1) индивидуальный коучинг, проводимый сторонним консультантом, как правило, для менеджеров и руководящих лиц;

2) управленческий (руководящий) коучинг, как управление сотрудниками со стороны руководства, ориентированное на развитие организации, повышение эффективности исполнителей;

3) групповой коучинг, направленный на группу лиц без строгих функциональных взаимосвязей;

4) коучинг для отдельно взятого проекта, например, формирование новой группы;

5) системный коучинг аналогичен групповому, но проводится с лицами, между которыми существуют прочные системные связи (коучинг организационного развития, корпоративный), с целью упорядочить взаимодействие, вовремя прояснить острые моменты, учитывать интересы организации в целом и иметь свою специфику на каждой иерархической ступеньке.

Коучинг применим ко всем сотрудникам компании, но особенно коучинг является необходимым для четырех управленческих групп:

— Руководители высшего звена управления. Несут на себе груз ответственности, вынуждены сталкиваться с огромными технологическими переменами, с ускоряющимися бизнес — циклами, с жесткой конкуренцией и возникновением новых рынков. В результате руководители могут испытывать напряжение и одиночество. Многие руководители уже осознали свою потребность в общении с особым человеком, которому они могли бы доверить свои идеи, задачи, которые они себе ставят, и трудности, с которыми сталкиваются.

— Успешные сотрудники (проектные менеджеры, «восходящие звезды»). Это люди, которые хорошо справились с порученным заданием. Они достигли всего, чего могли достичь на данный момент и теперь им необходимо сделать

что-то новое, что определит их дальнейшую карьеру и жизнь.

— Менеджеры. Компании, которые стараются всегда быстро реагировать на изменения, чтобы оставаться конкурентоспособными, часто сталкиваются с тем, что упускают «момент» из-за проблем, с которыми сталкивается их собственный менеджерский состав. Это могут быть: недостаточная продуктивность, негибкость, недостаточная самоосознанность, проблемы во взаимоотношениях с сотрудниками или недостаток необходимых навыков. Такие менеджеры находятся в кризисной ситуации, и зачастую это самые талантливые сотрудники компаний, люди с потрясающими возможностями, обладатели бесценных знаний и огромного корпоративного опыта.

— Работники, которым необходимы новые навыки. Для этой группы эффективным окажется как внешний, так и внутренний коуч, работающий в этой же организации, который уже прошел эту ступень обучения и понимает требования данной компании. В большинстве случаев таким коучем становится непосредственный начальник, обучившийся коучинг-менеджменту.

Нужно отметить, что коучинг заметно отличается от обучения, тренинга или наставничества. Обучение нацелено на сообщение информации или передачу навыков и проверку того, как это было усвоено. Тренинг начинается с обучения и завершается практическим овладением полученной информацией. Наставничество имеет место, когда старший и опытный коллега, как правило, давно работающий в организации, берет работника «под свое крыло». Наставничество более директивно, чем коучинг. Коучинг также предполагает быстрое обучение «без отрыва от работы», но он существенно улучшает межличностные взаимоотношения в коллективе, формирует гибкость и адаптивность, как отдельных сотрудников, так и кол-

лектива в целом к изменениям в организации, за счет фокусирования на целях и потребностях сотрудника. Основу хорошего коучинга составляет так называемое «воспитание тяги к развитию» и чувства ответственности. Чувство ответственности — ключевая концепция или цель коучинга. В отличие от других видов обучения, коучинг предполагает разрушение многих стереотипов в сознании и формирование новых привычек, что в свою очередь часто вызывает психологическое сопротивление личности.

Различают коучинг внешний — когда приглашают специалиста со стороны и внутренний — когда коучем является сотрудник данной организации. Коучинг бывает индивидуальным, когда в качестве клиента выступает один сотрудник и групповым, где в качестве клиента выступает группа работников организации.

С содержательной стороны коучинг в организации состоит из нескольких этапов. Начинается сотрудничество с установочной сессии. На этом мероприятии происходит знакомство ведущего компанию коуча с управляющим звеном. Определяются цели и стратегии развития компании, сроки исполнения конкретных командных и индивидуальных задач, обсуждаются промежуточные результаты и пр. Если руководитель точно знает, что необходимо компании, коуч поможет выявить способы реализации этих планов. Затем проводится цикл регулярных общекомандных сессий, поэтапно ведущих компанию к намеченным целям.

Суть коучинга — это открытые вопросы, которые ставит коуч участникам сессий. Эти вопросы фокусируют внимание команды на тех или иных аспектах деятельности. При этом ответы участники находят сами, черпают из своих внутренних ресурсов, таким образом, определяя поле деятельности. Продолжительность одной сессии от 45 минут

до 1 часа. Продолжительность сотрудничества не ограничивается какими-либо сроками. В среднем работа продолжается в течение трех-шести месяцев, поскольку именно этот срок необходим для видимого результата, для того чтобы разбудить скрытые возможности сотрудников. После этого руководитель решает, сможет ли команда в дальнейшем сама строить планы и успешно их реализовывать, или продолжить работу с коучем.

Отметим, что в коучинговом процессе сотрудник фокусируется на навыках, необходимых для успеха и повышения собственных результатов. После того как сотрудник выбрал тему сессии, коуч наблюдает, спрашивает и слушает, помогая проанализировать концепции и принципы, помогающие раскрыть возможности и спланировать действия. В результате у сотрудника появляется ясность относительно наиболее эффективных путей достижения желаемого. Решения обычно находятся из скрытых ресурсов человека, коучи верят и находят подтверждения уникальности и высокого потенциала их клиентов, в их творчество и находчивость. Карьерный коуч обеспечивает поддержку, для развития уже имеющихся у сотрудника ресурсов, способностей и творческих сил. Он усиливает осознание собственных возможностей, что ведет к более продуктивным жизненным выборам. Коучинг фокусируется на том, что с человеком происходит на данный момент и что можно сделать для достижения желаемого будущего, а не на его прошлом. Результативность в коучинге достигается вследствие того, что человек делает выбор и действует при поддержке коуча, благодаря способностям коуча и специальным коучинговым методикам. Коучи специально обучаются для того, чтобы грамотно слушать, наблюдать и эффективно использовать методики в соответствии с потребностями конкретного клиента.

Процесс коучинга может быть представлен в виде модели, которая включает четыре стадии.

Первой стадией является анализ ситуации и сбор необходимой информации. Коучинг может начинаться только тогда, когда сотрудник приходит к осознанию насущной потребности в улучшении своей профессиональной деятельности. Наилучшим путем осознания необходимости обучения является анализ текущей деятельности и производительности и сравнение полученных данных с тем уровнем, по направлению к которому человек хотел бы двигаться.

Вторая стадия посвящается планированию системы ответственности. Обучение и развитие будут эффективными только тогда, когда ученик принимает на себя ответственность за результат, а процесс коучинга планируется. Составляется план развития сотрудника, включающий в себя постановку целей коучинга, методов и сроков их достижения. Эти цели должны быть конкретными, измеримыми и достижимыми.

Третьей стадией является реализация плана развития сотрудника путем применения определенной техники коучинга.

На четвертой стадии происходит оценка результативности достижения целей развития сотрудника, в результате которых подводятся итоги процесса коучинга.

Наиболее известными техниками коучинга, основывающимися на психологии личности, являются техника 3-Д, техника GROW и ABC-техника.

Техника 3-Д нацелена на максимально быструю концентрацию на потенциальных решениях, которые сотрудник может осознать и за реализацию которых он может взять на себя ответственность. Суть техники состоит в том, что в начале определяется проблема, требующая решения. Затем выявляются три аспекта проблемы, связанные со

сложившейся ситуацией, включенными в нее людьми и данным сотрудником. Далее определяются варианты решения указанных аспектов проблемы и, наконец, сотрудник и коуч концентрируются на практической реализации оптимального варианта решения проблемы.

Техника GROW берет начало в практике спортивных тренеров. Эта техника опирается на грамотное использование вопросов и соблюдение последовательности действий. Прежде всего, вопросы направлены на конкретизацию цели (Goal), которую сотрудник стремится достичь в ходе коучинга, затем внимание переключается на реальность (Reality) предполагаемых действий. После этого посредством вопросов исследуются практические варианты действий (Options), которые могут быть выбраны для достижения поставленной цели. Наконец фокус внимания смещается на волю (Will) к реализации выбранного оптимального варианта действий.

АВС-техника представляет собой процедуру, при которой коуч последовательно задает вопросы сотруднику, а сотрудник формирует искренние ответы на поставленные вопросы. В результате сотрудник самостоятельно в процессе ответов на вопросы коуча достигает понимания того, как наиболее успешно решить возникшую перед ним проблему. Вопросы, которые задает ко-

уч, группируются в три пакета вопросов, задаваемых сотруднику пошагово. Шаг А предназначен выяснить понимание возникшей ситуации, шаг В должен уточнить, что могло быть лучше в данной ситуации, и, наконец шаг С должен установить понимание, как сделать лучше. АВС-техника может быть эффективно использована и в режиме самокоучинга.

Коучинг — это новый инструмент управления персоналом в организациях, основанный на высвобождении человеческих возможностей для достижения корпоративных целей. основополагающим принципом коучинга является твердая уверенность в том, что все сотрудники обладают большими способностями и потенциалом, чем проявляемые ими в своей повседневной жизни. Коучинг — это процесс, способствующий реализации развития сотрудника и, следовательно, повышению компетентности и совершенствованию профессиональных навыков обучающегося. Коучинг позволяет раскрыть потенциал личности для максимизации собственной производительности и эффективности труда.

В нашей стране коучинг только получает развитие, и в настоящее время зарекомендовал себя как наиболее экономически выгодный способ улучшения производительности сотрудников организации.

Artemyeva I.G. Coaching as the management tool human resources of the company

Coaching is a tool of human resource management company. Many organizations use coaching. Coaching is a modern technology for constructing a personal strategy for success and achievement. Coaching is different from the education, training or mentoring. Coaching is a technology realizing the potential of man. The release of human potential to achieve corporate goals (a new tool of personnel management in organizations) is result of coaching. Coaching is applicable to all employees in organizations. In our country coaching develops, and currently coaching has established itself as the most cost-effective way to improve the productivity of employees.

Keywords: coaching, management, Manager, company, organization, group.

Урываев В.А. (Ярославль)

БОЛЬНОЙ — ПАЦИЕНТ — КЛИЕНТ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭВОЛЮЦИИ БАЗОВОЙ МОДЕЛИ ОТНОШЕНИЙ

В статье сделана попытка анализа социально-психологической модели отношений в сфере медицины — имплицитной модели отношений в диаде врач-больной, проведена содержательная интерпретация понятий больного, пациента и клиента.

Ключевые слова: врач, больной, социальная психология, отношение, клиент, проблема.

Повышение качества медицинских услуг — задача, решение которой во многом связано с тщательной проработкой некоторых фундаментальных проблем социальной психологии. Один из важнейших аспектов в профессиональной деятельности врача — стал предметом нашего анализа.

Очевидно, что попытке научной рефлексии отношений, складывающихся в кабинете врача, исследователю необходимо начать с истории основных понятий, смыслы и сущности которых трансформировались под влиянием развития общественных отношений.

ПАЦИЕНТ — (лат. *patiens* — терпящий, страдающий) общепринятое обозначение человека, обратившегося за медицинской помощью, в просторечии — «больного».

КЛИЕНТ — (от лат. *cliens*) — в Древнем Риме — свободный гражданин, отдавшийся под покровительство патрона и вступивший, таким образом, в отношения зависимости. **ПАТРОН** (от лат. *patronus*) — «некоторые члены патрицианских родов, которые брали под защиту отдельных лиц, становившимися клиентами. В раннем Риме «патрон» был защитником клиентов, искавших его покровительства, он был связан с ними взаимными и обязательствами... Во времена поздней республики «патрон» — это, прежде всего, представитель и защитник своих клиентов в суде. Защитником людей, ничем с ним не связанных, выступал обычно адвокат, а

не «патрон», но по старой памяти защищаемые... именовали влиятельного покровителя, «благодетеля», в том числе и адвоката, их защищающего «патроном»...» [5].

Таким образом, мы констатируем, что понятия «пациент» и «клиент» достаточно различны, как в непосредственном прочтении — «болеющий» / «ищущий покровительства», так и в социально-психологическом — «непосредственный контакт, встреча» / «опосредованный социальными отношениями контакт, контракт, встреча».

Карл Роджерс в своем знаменитом труде «Клиент-центрированная терапия» намеренно использовал новый термин, во многом, связанный с юридической практикой (что не исключает применения термина «клиент» в банковском деле, в торговле, в сфере услуг, понимаемой широко), чтобы подчеркнуть (и реструктурировать) неявные основания взаимодействия с пациентом.

В предыдущих моделях терапевтических отношений практически всегда присутствовало (закладывалось априори) НЕ равное положение участников встречи: в кабинете врача — главенствует медик; в кабинете психоаналитика «анализанд» понимает, что статус психотерапевта — выше; в поведенческой модели терапии — неявно присутствует аналогия учитель-ученик (тут не до равенства прав). К.Роджерс, совершил переворот, сродни коперниковскому — с введением термина «клиент» постули-

руются в целом «равные» (взаимо- ответственные, взаимно- уважительные, взаимно- требовательные) отношения. Равные отношения предопределили и появление темы «контракта» с признанием (формулированием) активности со стороны обеих сторон.

Таким образом, мы можем признать, что на первый взгляд терминологическая дискуссия, на самом деле противопоставляет две модели отношений [2].

Первая модель — «традиционная» (модель подчинения, пассивности больного — «пациента»). Это: «Врач» — «Рецепт» — «Больной» или, по латыни, «Physician» — «Prescription» — «Patient». Символически можно обозначить как Р-Р-Р.

Вторая модель — «современная» (модель активного поведения больного в процессе лечения). Это: «Консультант» — «Контракт» — «Клиент» или, по латыни, «Consultant» — «Contract» — «Client». Символически — это С-С-С.

При переходе к «современной» модели отношений:

1) ВРАЧУ предписывается КОНСУЛЬТАТИВНАЯ роль (в идеале — врач — «консультант по проблемам здоровья-лечения»);

2) Вместо «предписания» (prescription) — РЕЦЕПТА — появляется КОНТРАКТ; То есть, помимо статуса исключительно страдающего, от больного ожидается активное участие в выработке стратегии и тактики лечения, контракт появляется (оформляется явно или неявно) на основе ВЗАИМНЫХ усилий врача;

3) При выборе современной модели отношений роль ПАЦИЕНТА неизбежно трансформируется в статус КЛИЕНТА.

О. Досталова пишет: «...человек не должен быть пассивным объектом в руках врача, не должен надеяться только на вмешательство извне, то есть на то, что ему предпишет врач, а сам оставаться в бездействии».

Согласно такой модели взаимоотношений, больной подписывает с врачом «контракт» о том, что будет соблюдать и делать то-то и то-то. Поскольку он уважает данного специалиста, который хочет видеть его здоровым, то будет сотрудничать с врачом и добровольно придерживаться определенной дисциплины, но в остальном за свою жизнь он несет ответственность сам и становится, таким образом, равноценным партнером врача. Клиентом он становится вследствие принятия на себя ответственности, что требует определенной смелости (например, когда он просит врача отсрочить лечение на несколько недель из-за свалившихся на его голову жизненных проблем), а также вследствие исключительной добровольности в принятии решения лечиться (вовсе не для того, чтобы угодить врачу или кому-то другому) ... позволю себе утверждать, что отдельный человек — не такое уж беззащитное существо» [2].

Следует заметить, что «современная» модель взаимодействия, может не реализоваться из-за неготовности (либо какой-то одной, либо сразу обеих) сторон к такому типу отношений. Пациент бессознательно готов полностью переложить ответственность за результат на плечи врача (сопроводив эту процедуру репликами «Вы — чудесник», «Таких высококвалифицированных специалистов я еще не встречал...»). Отчасти, только отчасти, это может быть оправдано проявлением сопутствующей тяжелым заболеваниям «регрессии», как формы психологической защиты. Сам же врач не готов отказаться от такого «подарка», бессознательно приветствуя (даже желая этого) проявление своей «власти» над больным. Принципиальную невозможность вылечить кого-либо он видит потом, но до последнего не хочет признать тезис о том, что врач всего лишь и всегда «помогает человеку лечиться».

Тема «власти» в социальной психологии практически не затрагивает меди-

цину, хотя еще в работах середины XX века Дж. Френч и Б. Равен выделяли не менее пяти видов власти: «вознаграждение» (власть поощрения), «принуждение» (власть силы), «легитимность» (должностная власть, закрепленная законами, нормами, правилами), «экспертная» власть и, наконец, «харизматическая» (референтная) власть. Мы легко можем увидеть в диаде «врач-больной» наличие всех (!) вариантов власти, даже добавленную в этот перечень середине 60-х годов, «информационную» власть (!!)

 [3, 4, 7].

В культурологическом и философском планах тема власти подвергалась анализу уже давно. Мы полагаем, что отсутствие таких дискуссий в практике медицины (социальной работы) является существенным тормозом при внедрении новых (адекватных требованиям сегодняшнего дня) форм отношений в диаде «врач-больной».

С позиций архетипической психологии, проблема выглядит еще более драматично. Так, для обсуждения проблем профессионализации врача А. Гугенбюль-Крейг вводит *архетип «раненого целителя»* (отталкиваясь от образа кентавра Хирона, ученика покровителя медицины в Древней Греции Асклепия — в латинской транскрипции Эскулапа; Хирон страдал от не заживаемой раны, нанесенной ему Гераклом — стрелой, смоченной в крови Лернейской гидры — такие раны не заживали по определению). Согласно преданиям сам Асклепий в память о собственных ранах и страданиях основал святилище в Эпидавре.

«Медиков привлекают архетипические противоположности здоровья и болезни ... К сожалению не все из тех, кто становится врачами, в состоянии длительное время переносить сосуществование двух полюсов архетипа «раненого целителя» — целителя и больного. Иллюстрацией сказанному могут служить студенты медицинского факульте-

та, которые в период своего обучения переживают стадию страха перед перспективой заболеть всеми изученными ими болезнями. Например, ознакомившись с симптомами туберкулеза, они начинают подозревать, что больны этим опасным заболеванием. Соприкоснувшись во время практики с пациентами, страдающими раком, студенты пугаются, что заболеют раком сами и т.п. Данный психологический феномен зачастую понимается как невротический. Бывалые врачи смеются над мнительными студентами и с благодушием вспоминают, как сами переживали подобное, однако не придают этому никакого значения. Тем не менее, именно так называемая невротическая стадия обучения студентов медицинского факультета оказывается для последних своего рода распутьем и ставит их перед внутренним выбором. В этот момент студенты начинают понимать, что все изучаемые болезни заложены в них, поскольку врач тоже человек. Тем самым студенты становятся «ранеными целителями». Зачастую ноша для них невыносима, и они вытесняют полюс болезни. Однако студенты могут найти в себе силы, необходимые для того, чтобы ощутить собственную уязвимость, интегрировать ее и стать истинными «ранеными целителями» [1].

Если же, по А. Гугенбюль-Крейгу, происходит «расщепление» архетипа, и «целитель» теряет контакт со своей «раненой» частью ипостаси (избегая тем самым страдания, дискомфорта, что многими врачами трактуется чуть ли не как цель медицины — «избавить от страданий!»), то мы можем наблюдать один из главных феноменов профессиональной деформации: «влияние» врача на пациента (клиента) трансформируется во «властные» притязания. Например, требование самоограничения, самодисциплины, *воздержания* со стороны пациента, подменяется (субъективно деформируется пациентом и поддерживается

врачом) ожиданием «запретов» со стороны врача.

К сожалению, инфантилизованные пациенты часто провоцируют этот процесс, отказывая себе в возможности активно сопротивляться заболеванию (то есть, отчасти, находя в самом себе функции «целителя»). Подчеркнем, что объективно имеются достаточно сильные ситуационные влияния к выбору именно такого способа распределения ролей. «Постюнговские исследования переходных состояний подтвердили, что во время пороговых периодов или пограничных состояний человек, будь то посвящаемый, новообращенный, пациент или анализируемый, особенно восприимчив к притяжению так называемых МАНА-ЛИЧНОСТЕЙ. Влияние таких образцов, реальных или проецированных, заключается в том, что они дают индивиду ощущение направления к осуществлению повышению *сознания*» [6].

Врач же, начинает испытывать переживание абсолютного превосходства над больным, одновременно лишая себя возможности взаимодействия по ходу лечения. Отсюда следует и поддерживаемый рядом врачей-практиков псевдо-логический вывод о НЕВОЗМОЖНОСТИ объяснить пациенту характер лечебных процедур, за этим следует сокрытие диагнозов, засекречивание медицинской документации и т.п. и т.д.

В социально-психологическом плане эта проблема остро предстает в требованиях безоговорочной передачи власти по тому или иному вопросу «неким профессионалам», которые, в свою очередь, призваны решать (вершить судь-

бу) эти важнейшие вопросы за большинство остальных, соответственно, «непрофессионалов».

Таким образом, мы можем утверждать, что долгое время дискутируемая и практически не оставляющая никого безразличным тема использования понятий «пациент» или «клиент», на самом деле содержит высоко значимую проблему модели отношений в диаде «врач-больной».

Литература

1. Гуггенбюль-Крейг А. Власть архетипа в психотерапии и медицине / Научная редакция В.В.Зеленского. Перевод с немецкого С.С.Панкова. — СПб.: Б.С.К., 1997. 117 с.
2. Досталова О. Как сопротивляться раку / Пер. на русский язык Н.Антошинцева. — СПб.: Питер, 1994. С. 109–110.
3. Занковский А.Н. Организационная психология: Учебное пособие для вузов по специальности «Организационная психология». — 2-е изд. — М.: Флинта: МПСИ, 2002. 648 с.
4. Свенцицкий А.Л. Социальная психология. Учебник. — М.: ООО «ТК Велби», 2003. 336 с.
5. Словарь античности / Пер. с нем. — М.: Прогресс, 1989. С. 41.
6. Сэмьюэлз Э.Ю., Шортер Б., Плот Ф. Критический словарь аналитической психологии К.Юнга. / Пер. с англ. — М.: МНПП «ЭСИ», 1994. 182 с.
7. Шихирев П.Н. Современная социальная психология США. — М.: Наука, 1979. 229 с.

Uryvaev V. A. The patient — the patient — the client: the socially-psychological analysis of evolution of base model of relations

Article attempted to analyse the socio-psychological model of relations in the field of medicine-implicit model relations in doctor-patient DIAD, a meaningful interpretation of the patient, the patient or client.

Keywords: doctor, patient, social psychology, relationship, client, problem.

Олешкевич В.И.

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ А.АДЛЕРА

В статье исследуется психология развития А.Адлера, цели развития, согласно этой психологии и соответствующие критерии зрелости индивида. Анализируются механизмы развития, значение органических неполноценностей для развития ребенка, социальные механизмы формирования чувства неполноценности, значение стремления к власти и фиктивных ориентаций для развития ребенка в норме и патологии, а также особенности развития в подростковом возрасте.

Ключевые слова: чувство неполноценности, стремление к власти, фикция, Я, компенсация, развитие, невротическое развитие.

В данной статье мы попытаемся, опираясь на основные тексты Адлера, реконструировать его представления о возрастной психологии и психологии развития [1; 2; 3; 4; 5]. Постараемся ответить на вопросы: как Адлер понимает развитие ребенка, как он видит источники развития, в чем состоит содержание развития ребенка и т.п. Это важно хотя бы для понимания того вклада, который внес Адлер в академическую детскую психологию и, шире, в психологию развития в целом. Рассмотрим вначале более ранние представления Адлера, от которых он никогда не откачивался.

Процесс рождения представляет собой, согласно Адлеру, мощную стрессовую ситуацию для ребенка. Это порождает первоначальное враждебное отношение ребенка к миру, а также его общее напряжение, но и повышение всех его природных способностей. Отсюда, согласно Адлеру, и происходит агрессивный инстинкт. Поэтому он считает, что черты агрессора надо искать во временных лишениях и ощущениях неудовольствия первых лет жизни. Таким образом, Адлер склоняется в данном случае к фрустрационной теории агрессии. Основываясь на логике размышлений Адлера, мы можем предположить, что он считал агрессивный инстинкт одним из (если не основным) двигателей развития ребенка. Из него должно будет

родиться впоследствии стремление к власти. Правда, в других местах он говорит о том, что жизненная сила телеологична, что это некоторое внутреннее стремление индивида к росту и развитию. Хотя эти две силы можно и отождествить, полагая, что агрессивный инстинкт или сила агрессии (если ее понимать широко, как специфическую реакцию на фрустрацию) и являются настоящими механизмами (факторами), побуждающими организм и его психическую организацию к росту и развитию.

Адлер говорит, что сразу после рождения также дают о себе знать неполноценные органы. Прежде всего, именно эти органы берут на себя основные трудности в процессе выживания [3]. Сразу после отторжения от материнского организма, для таких неполноценных органов и систем органов начинается настоящая борьба с окружающим миром. Тут мы встречаем и повышенный уровень заболеваемости, и повышенную угрозу смерти. Но одновременно это «представляет и повышенную возможность компенсации», повышает приспособляемость и сопротивляемость обычным и необычным способом, а также «обеспечивает образование новых и более высоких форм и функций» [3, с. 45]. По этой причине Адлер считает, что «неполноценные органы представляют собой неисчерпае-

мый пробный материал и, обрабатывая, выбраковывая, улучшая его, организм старается прийти в согласие с постоянно меняющимися жизненными условиями» [3, с. 45–46].

Итак, с одной стороны, при органической неполноценности появляется болезненная готовность организма к соответствующего рода органическим заболеваниям и формированию психической неполноценности. Но, с другой стороны, в таких ситуациях активируется защитная функция определенного выравнивания неполноценности посредством процессов компенсации. Неполноценный орган требует к себе особенного интереса и постоянного внимания. Наличие такого органа требует значительной тренировки принадлежащих ему нервных стволов, а также психической надстройки, которая благодаря этому компенсаторно становится сильнее. Правда, так случается, если дана соответствующая возможность и условия для такой компенсации.

Адлер считает, что неполноценность определенного органа прямо влияет на психику ребенка, что проявляется в его поступках, мыслях, сновидениях, способностях, а позже, в выборе профессии. Так, мы можем обнаружить в психической надстройке «определенные, принадлежащие органу связи с внешним миром» [3, с. 49]. Например, изначально неполноценному органу зрения «соответствует усиленная визуальная психика», неполноценному пищеварительному аппарату будет соответствовать «большая психическая работа во всем, что связано с питанием», то есть будут резко выражены гурманство, страсть к приобретению, а в качестве денежного эквивалента — бережливость или жадность [там же]. И эти качества являются необходимыми защитными мероприятиями против ощущения неполноценности. Адлер говорит, что компенсирующая защитная над-

стройка будет разворачивать «все защитные механизмы», будет фиксировать и усиливать полезные черты характера для того, чтобы снизить неуверенность ребенка [там же]. Причем компенсация, по мнению Адлера, будет происходить как на психическом, так и на органическом уровнях.

А причина «сверхкомпенсации органов коренится в вынужденной постоянной тренировке, в вариабельности и повышенной тенденции роста, часто присущих неполноценным органам, и в усиленном формировании связанных с ними нервных и психических комплексов благодаря внутреннему вниманию и концентрации» [там же, с. 46]. Но это происходит, прежде всего, при благоприятных внешних социальных условиях. Если же внешнее окружение не благоприятствует разворачиванию процессов компенсации, то легко формируется комплекс неполноценности и его невротические компенсации. Хотя основу органической неполноценности составляет неполноценность органов и измененные формы неполноценных органов, Адлер считает, что обычно имеет значение не только неполноценность одного органа, а неполноценность нескольких органов. Таким образом, имеет место определенная конфигурация неполноценных органов.

Ощущение неполноценности органов становится постоянным стимулом развития психики индивида, поскольку неполноценный орган должен формировать свою психическую надстройку, компенсирующую его неполноценность. Наличие неполноценных органов «рефлекторно» воздействует на психику ребенка, понижает его самооценку и повышает его уровень «психической неуверенности» [там же, с. 42]. А это приводит к разворачиванию борьбы за самоутверждение. То есть, в конечном итоге, определяет характер и особенности психического развития

ребенка. Когда же в условиях компенсации «количественно и качественно активируется деятельность неполноценного органа и задействуются способы защиты, и собственные защиты данного органа, и защиты всего организма, то предрасположенный ребенок привлекает из своих психических возможностей порой поразительные средства для повышения ощущения своей собственной значимости» [там же]. Однако направление компенсации возможно также и в сторону социального развития и самоутверждения. Для этого находятся и соответствующие средства, среди которых Адлер выделяет, в первую очередь, социальный интерес. Но среди этих средств он также отмечает невротические и психотические, которые развиваются в ситуации недостаточного развития социального интереса или чувства общности.

Таким образом, Адлер вначале говорит, прежде всего, о конституциональной, то есть органической неполноценности, которая будет формировать соответствующую этой конституциональной неполноценности психику посредством защитной компенсации. Причем, этот защитный процесс может быть как позитивным, развивающим так и негативным, замедляющим и искажающим развитие. Во всяком случае, такой ребенок усерднее, чем ребенок здоровый будет стараться «избежать многих несчастий своей детской жизни» [3, с. 50]. Структура и конфигурация неполноценных органов задает, согласно Адлеру также исходные, органически детерминированные конфигурации психики ребенка, а также характер и особенности ее развития. Другими словами, особенности психики ребенка уже заданы характером неполноценности его органов. Но дальнейшая спецификация психических процессов развития ребенка определяется характером взаимодействия ребенка с социальным окружением.

В дальнейшем Адлер начинает ставить на одну доску с конституционально неполноценным ребенком и детей некрасивых, детей, воспитанных в строгости и избалованных детей. Эти дети также предрасположены к неврозу и психозу, у них происходит замедление умственного развития, и они также усердно будут избегать несчастий, которые перенесли в детстве. Здесь уже именно характер отношения к ребенку создает у него чувство неполноценности. Характер этого отношения будет формировать также определенную структуру чувства неполноценности. Исходя из этого, будут формироваться и механизмы компенсации неполноценности. Например, чтобы уйти от гнетущего чувства неполноценности ребенок находит в своем окружении наиболее привлекательную фигуру и начинает стремиться идентифицироваться с ней. Сравнивая себя со своим окружением, ребенок оценивает себя и свое окружение с точки зрения выстраиваемой им шкалы ценности человека, находит свое место на этой выстроенной им шкале полноценности, ощущает свою неполноценность и стремится ее преодолеть. А преодолеть ощущение своей неполноценности ребенок может только ориентируясь на образ полноценности, который он находит в своем ближайшем окружении. «И поскольку чувство собственной неполноценности дает некую абстрактную меру неравенства с другими людьми, то фиктивной конечной целью становится образ того, кто больше и сильнее, и соответственно, его мера, что дает возможность укрыться от неуверенности и «кошмара». Так в душе ребенка образуется ориентация, которая толкает к *возвышению личностного чувства*, чтобы избавиться от неуверенности, и это стремление более сильно выражено у нервнобольного, который острее ощущал неполноценность» [3, с. 78–79].

Но поскольку ближайшее социальное окружение чувство неполноценности так или иначе формирует, то косвенно оно формирует и образ полноценности. Внушение определенного образа неполноценности ребенку содержит в себе и вероятный образ полноценности. Если ребенку подчеркивают его малость, то быть большим будет в этом контексте полноценностью. Если дома его не любят и ребенок ощущает себя нелюбимым, то он будет искать любви (полноценности) у других людей или в своих фантазиях. Такой ребенок может «стремится изгнать в далекое будущее» идею поражения в жизни, которое ему постоянно мерещится. Для своего психологического спасения, для хотя бы по видимости спасения своего чувства самоуважения, ребенок нуждается во вспомогательных средствах, на которые он мог бы опереться. Адлер считает, что ребенку нужно иметь перед глазами каждый день некоторый четкий образ. Поскольку в оценке самого себя ребенок вынужден учитывать итог всех несчастий своей жизни, а поэтому представлять себя неспособным, униженным, неполноценным и незащищенным, он вынужден прибегнуть к некоторой защитной «вспомогательной конструкции» [там же, с. 50].

Такими конструкциями для ребенка обычно являются образы родителей. Для того, чтобы найти какую-то ориентацию в жизни, ребенок наделяет своих родителей «всеми возможными в этом мире силами» и старается подняться из своей неуверенности, например, до ранга «всемогущего отца» и превзойти его [там же]. Таким образом, в целях защиты от неполноценности ребенок вынужден идентифицироваться с сильной и уверенной в себе личностью. Так «он одним махом отрывается от реальной почвы и повисает в петле фикции» [там же]. Адлер пишет, что аналогичные наблюдения можно сде-

лать и у нормальных детей, только они проявляются у них в смягченной форме. У них тоже всякое желание следует рассматривать как стремление погасить чувство неполноценности. Просто, например, у конституционально неполноценных детей пробуждающееся «личное чувство» постоянно сбивается, а самооценка сильно занижена, поскольку их возможности получать удовлетворение более скудны, чем у обычных нормальных детей [там же, с. 52]. И, как мы уже говорили, чем глубже чувство неполноценности, тем дальше от реальности находится образ желаемой полноценности.

В этой связи Адлер пишет, что «в конечном счете «иметь цель» — означает стремление быть как Бог» [2, с. 29]. Эти слова никак не мог сказать человек эпохи Средних веков, но это идеи, которые породило Новое время, а особенно они характерны для 20-го века. Правда далее Адлер уточняет, что «быть как Бог, конечно же, это предельная цель, или, если можно так выразиться, цель целей» [там же]. В действительности ребенок выбирает обычно более реальные цели, почерпнутые из наблюдения его ближайшего окружения. «Фактически, мы обнаруживаем, что ребенок в своем развитии заменяет эту цель на более конкретную и непосредственную. Он ищет самую сильную личность в своем окружении и делает ее своим образцом, а подражание ей — целью. Это может быть отец или мать, так как мы обнаружили, что даже мальчик может быть под влиянием матери, если она кажется самой сильной личностью. В дальнейшем ребенок может хотеть быть кучером, так как по какой-то причине верит, что именно кучер — это сильнейший человек. Когда ребенок представляет эту цель, он начинает вести себя, чувствовать и одеваться как кучер, он обретает качества, связанные со своей целью. Но стоит полицейскому пошевелить паль-

цем и кучер становится ничем... Позже идеалом может стать доктор или учитель, ведь учитель наказывает детей, и поэтому к нему возникает отношение как к сильнейшей личности» [там же].

Адлер считает, что цель (по сути, цель жизни) формируется у ребенка до пяти лет. И ее формирование определяется как структурой чувства неполноценности, так и теми социальными образцами полноценности, которые ребенок встречает в своем окружении или которые ему внушаются. Также Адлер считает, что характер цели, которую выбирает ребенок, будет зависеть от развития у него социального интереса. «При выборе цели ребенок оказывается перед выбором конкретных символов, и обнаруживается, что цель, которую он выбирает, является действительным показателем его социального интереса» [2, с. 29]. Чем больше социальных интересов у ребенка, чем выше у него уровень развития социального интереса, тем реалистичнее и психологически продуктивнее будет цель ребенка. Даже если цель такого ребенка имеет грандиозный характер, то направление ее в социально полезное русло приведет к социально и психологически позитивным результатам. Так в этой связи Адлер пишет: «Быть врачом — это тоже цель, выстроенная вокруг идеи благополучия в желании быть хозяином жизни и смерти, но в данном случае, цель реализуется посредством желания служить обществу» [там же, с. 29–30]. В неразвитости социальных интересов, согласно Адлеру, и кроется причина отклонений в развитии, причина развития неврозов и психозов. И это его положение в общем-то не противоречит данным современной психологии.

Как мы уже говорили, после рождения ребенок попадает в определенную ситуацию и должен адаптироваться к ней. После получения некоторого опыта, он занимает свое место в семье и ус-

раивается в своем окружении. Поскольку он находит в своем окружении определенную повторяемость в реакциях на свое поведение и на поведение других, он скоро может предвидеть реакции своих близких по отношению к собственным действиям, наконец, поскольку ребенок тоже вынужден отвечать реактивно на это отношение к нему, то скоро поведение ребенка также становится унифицированным. Адлер считает, что поведение ребенка можно понять «только если признать, что ребенок нашел *унифицированную фиксированную точку вне себя самого*, к которой он устремляется психической энергией своего развития» [3, с. 81]. Другими словами, должна быть выстроена определенная линия поведения (построена его модель, которая фиксирует опыт, уже полученный ребенком) и взаимодействия со своим окружением. Такая модель позволяет ребенку теперь лучше ориентироваться в своем окружении, легче добиваться удовлетворения своих потребностей и исполнения своих желаний, а также избегать неудовольствия.

Если в начале своего развития ребенок остро нуждается во взрослых, остро ощущает потребность в их ласке и поддержке, то вскоре у него появляется мотив самостоятельности и упрямства. Адлер считает, что последнее является сигналом того, что *ребенок находит смысл жизни и что формируется его Я*. И оно формируется на основе ощущения своей неполноценности. А задачей Я, как считает Адлер, как раз и является задача наведения мостов к образованию ощущения собственной полноценности. Поэтому «модель поведения, взятая ребенком, должна быть такой, чтобы она могла дать ему большую уверенность, лучшее ориентирование, ощущение, что ребенок влияет на направление своих желаний. А уверенность он может приобрести, только, ес-

ли нацелен на фиксированную точку, в которой он видит себя большим, сильным, свободным от ограничений раннего детства» [3, с. 82]. И эта внешняя точка непосредственно связана с Я ребенка. Она представляет собой идеал-Я, то, кем ребенок хотел бы быть, к какому образу себя он стремится. Это тот стержень, на котором будет формироваться личность ребенка.

Таким образом, Я ребенка вначале находится вовне, это внеположный ребенку идеальный образ и его точка опоры в управлении своими желаниями. Поэтому Адлер говорит, что «вне физической сферы появляется точка, на которую ориентируется психика, — центр тяжести человеческих мыслей, чувств и желаний. И механизм апперцептирующей памяти, со всем своим громадным опытом, превращается из объективно действующей системы в работающую субъективно схему, которая видоизменяется фикцией будущей личности» [3, с. 84]. В одном отношении вряд ли можно полностью согласиться с Адлером. С его точки зрения дело обстоит так, что сначала существует объективно существующая система памяти, а затем, вдруг, вместе с формированием цели, превращается в субъективную. Адлер, как будто считает, что вначале существуют объективные отношения с миром, а затем, в какой-то момент, они превращаются в субъективные. Это, конечно, не так. Субъективные отношения к миру существуют всегда. Просто к пяти годам это субъективное отношение действительно меняется. Действительно, в это время у ребенка формируется образ идеальной личности, который начинает управлять поведением ребенка и на этой основе он устанавливает новые отношения с внешним миром. Но это не просто субъективация памяти, но еще больше ее объективация. Сознание ребенка начинает оперировать социальными, а значит и объективными стиму-

лами. Другими словами, психика в процессе развития также и объективируется, фикции представляют собой также и определенные объективации человеческого мышления, они также направлены и на установление объективных связей с миром, хотя могут служить одновременно и возвышению самосознания индивида. Об этом как будто и говорит Адлер: «Теперь ее (фикции будущей личности — В.О.) задача — установить такие связи с внешним миром, которые послужат возвышению личного чувства, дать подготовительным действиям и мыслям директивы и указания и накрепко связать их с готовыми установками» [3, с. 84]. Здесь как раз и развивается Я ребенка, в процессе выполнения такой задачи, согласно Адлеру, формируется человеческая личность. В ходе продвижения к цели это Я стремится превратиться из идеального конструкта в реальное и действительное образование.

Но Адлер все-таки прав, когда говорит о том, что память ребенка субъективируется в процессе формирования цели. Вместе с формированием Я, мир начинает восприниматься ребенком именно через его посредство. Поскольку Я связано с социальными ориентациями и целями, его восприятия и апперцепции объективны, объективны в том смысле, что извлекают из материалов восприятия именно социально значимую информацию. Они объективны также потому, что несут информацию, на основе которой происходит социальная адаптация ребенка и строятся его действия, ориентированные на его социальную среду. Но, с другой стороны, здесь же происходит и искажение реальности в угоду задаче выживания ребенка и адаптации его к условиям данного для него социального окружения. Таким образом, вместе с развитием Я восприятие становится не только более социально опосредованным (и, в

этом смысле, объективным), но и более субъективным, а предшествующая этому непосредственность и объективность восприятия снижается или вообще исчезает. В этом отношении, некоторую первичную непосредственность, целостность и объективность восприятия в процессе развития Я ребенок, конечно, теряет.

В социальном и культурном отношении мера объективности апперцепции определяется, согласно Адлеру, развитием у ребенка чувства общности. Он считает, что степень развития чувства общности можно определить уже у младенца в возрасте нескольких месяцев. А на втором году жизни степень развития чувства общности можно установить по тому, как ребенок выражает себя словесно. С возрастом ребенок обычно демонстрирует своеобразную манеру игры. Соглашаясь с К. Гросом в том, что игра — это спонтанная подготовка ребенка к будущей жизни, Адлер добавляет, что это одновременно и выражение творческой активности ребенка, его чувства общности или его стремления к власти. Раннее детство — это и период, когда ребенок помимо общепринятых в обществе представлений о роли мужчины и женщины, получает у своего окружения много дополнительных сведений. И на основе этих сведений он идентифицирует свою личность или в сторону развития социального интереса и чувства общности или в сторону эгоизма и стремления к личной власти. При диагностике соответствующих процессов идентификации Адлер придавал большое значение последовательно меняющимся пожеланиям ребенка относительно своей будущей профессии и считал, что отсутствие таких желаний является признаком серьезных нарушений психического развития ребенка.

Адлер считает, что половое созревание обусловлено процессами как физи-

ческого, так и психологического развития. Физическое созревание касается всех органов и имеет место даже тогда, когда половые железы ослаблены или отсутствуют вовсе. Просто в дальнейшем вторичные половые признаки развиваются с отклонениями. Неправильное или несоответствующее возрасту воспитание ребенка в этой ситуации может стать временной или постоянной помехой для его психологического созревания (Адлер, 1998).

Адлер отмечает, что у девочек половое и психосексуальное созревание начинается раньше, чем у мальчиков, а также и заканчивается раньше [1, с. 356]. Вместе с половым созреванием у подростков возрастают новые возможности и способности, а также появляются новые потребности (развивается абстрактное мышление, появляется жажда социального и межполового союза и т.п.). В этом возрасте происходит активное раскрытие и утверждение собственной личности индивида, формирование его жизненной цели и вступление в профессиональную сферу, в которой в будущем подросток будет осуществлять свое самоутверждение в обществе. Адлер также отмечает у подростков стремление к идеализму, развитие у них жизненной философии, их проникновение во внутренний мир человека, идеализацию и одухотворение сексуальности, а также активное формирование ценностных ориентаций.

В это время (во время перехода от детства к юности, 13–21 год) у подростков обнаруживается неуклюжесть, неловкость, вызванная неадекватным восприятием изменений, происходящих в органах движения, которые к этому времени стали крупнее и сильнее. Время от времени в этом возрасте появляется робость и застенчивость в непривычных ситуациях. Часто появляется также открытое неповиновение взрослым, обычно излишне подчерки-

вающее стремление подростка к собственной значимости. Адлер отмечает такие характерные для этого возраста переживания, как иступленный восторг, очарование, избыток энергии, а также упоение фразами и лозунгами [1].

В этом возрасте появляется пренебрежительное отношение к общепризнанным ценностям, сопротивление и противодействие «из принципа» принуждению взрослыми, направленное также против общекультурных ценностей. Адлер описывает и другие крайности в поведении подростка и объясняет их выражением протеста против чувства неполноценности, испытанного подростком в детстве.

Таким образом, жизнь в период полового созревания кажется оторванной от жизни общества. Об этом говорят возникающие во времена Адлера мужские молодежные организации, враждебно настроенные к культуре и игнорирующие женское общество. Но возрастает значение дружбы, подростки особенно концентрируются на ожиданиях будущего (так же, как это происходит при постановке эксперимента). Если для подростка предоставлена достаточная свобода и терпимость взрослых, то постепенно у него появляется все более отчетливое понимание значения сексуальности в его жизни.

Норму и патологию этого возраста Адлер характеризует как отход или приближение к выбору профессии. Здесь результат зависит от степени уверенности индивида в собственных возможно-

стях. Каким образом произойдет взросление зависит, как считает Адлер, от уровня социальных интересов ребенка, от его специфического стремления к значительности и, конечно, от его начального чувства неполноценности и развития чувства общности [1].

Становясь взрослым, индивид вступает в период, когда он, как считает Адлер, должен осуществить **три основных жизненных задачи**. *Прежде всего, человек должен испытать чувство любви и создать семью. Во-вторых, он должен овладеть профессией. И, наконец, и вероятно, это самое главное (у Фрейда этого требования к человеку не было), он должен наладить взаимоотношения с сообществом.* Адлер считает, что в этой перспективе должны рассматриваться новые проблемы, которые появляются у индивида в процессе дальнейшего взросления.

Литература

1. Адлер А. Воспитание детей. Взаимодействие полов. — Ростов-на-Дону: Феникс», 1998.
2. Адлер А. Наука жить. — К.: Port-Royal, 1997.
3. Адлер А. О нервическом характере. — СПб.: Университетская книга, 1997.
4. Адлер А. Очерки по индивидуальной психологии. — М.: Когито-Центр, 2002.
5. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. — М.: Фонд «За экономическую грамотность», 1995.

Oleshkevich V.I. Psychology of development of A.Adler

In article the psychology of development of A.Adler, the development purpose, according to this psychology and corresponding criteria of a maturity of the individual is investigated. Development mechanisms, value organic for development of the child, social mechanisms of formation of feeling of inferiority, value of aspiration to the power and fictitious orientations for development of the child in norm and a pathology, and also feature of development at teenage age are analyzed.

Keywords: feeling of inferiority, aspiration to the power, fiction, I, indemnification, development, neurotic development.

Олешкевич В.И.

ИНТЕРИОРИЗАЦИЯ И ЗОНА БЛИЖАЙШЕГО РАЗВИТИЯ КАК КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИ ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ФЕНОМЕНЫ СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Статья посвящена социологическому и культурологическому анализу феноменов и понятий «интериоризации» и «зоны ближайшего развития», которые долгое время являлись, да и до сих пор являются, фундаментальными для советской психологии. В статье показывается их существенная культурно-историческая обусловленность и методологическая ограниченность историческими условиями их образования. Эти условия, которые в психологических концепциях выносятся за скобки, представляют собой ситуацию советского общества и советского человека, прежде всего, 30-х годов. Показывается важность учета этих условий для действительного понимания советской психологии.

Ключевые слова: интериоризация, зона ближайшего развития, советская культура, советская психология, советский человек, формирование, экстериоризация, проекция.

В данной статье представлен опыт культурологического и социологического понимания и анализа феноменов интериоризации и зоны ближайшего развития, которые стали базовыми для советской психологии, опираясь на методологию культурологии и социологии знания [1; 7; 8; 9]. Идея зоны ближайшего развития Л.С.Выготского была сформирована в духе его социального и культурного времени и на их социальной почве. Прежде всего, это дух эпохи модерна, ориентированный на преобразование мира и формирование новых миров. Именно в рамках такого мировоззрения писал Выготский «Психологию искусства» [4]. В этой культуре, хотя и присутствует свобода человеческого духа, но доминирует конструктивное, преобразующее и даже агрессивное отношение к окружающему миру. Но марксизм, которому затем начинает следовать Выготский, жестко ограничивает эту свободу отношения человека к миру [3]. Эта идеология утверждает, что существует неумолимый закон истории. У истории есть прошлое, есть закон ее развития и есть будущее, которое и есть определенная историческим законом «зона ближайшего развития» человечества.

В советском обществе 30-х годов идеи марксизма конкретизируются и материализуются. Теперь уже конкретно ставится задача воспитания нового человека, а точнее, его массового формирования, да еще и маниакально в короткие сроки. Теперь «зона ближайшего развития» понимается как контроль развития, который опирается на понимание закономерностей развития. А как понимать развитие, партия большевиков экспериментально показала, совершив революцию, победив в гражданской войне и организовав массовое социалистическое строительство. И здесь факторами «организации развития» было не только нагнетание страха и использование репрессивных мер, но и мощная пропаганда, которая на фоне всеобщей растерянности имела громадный эффект. Она и задавала «зону ближайшего развития» советского человека, правда, без каких-либо альтернатив.

Это культурная ситуация, в которой слово приобрело феноменальное значение, которое разве только отчасти можно сравнить с его значением в эпохи классической античности и средневековья. Здесь слово жестко сцеплено с властью, это преимущественно властное

слово. За произнесенным словом здесь следует действие, расправа, насилие или смерть. Поэтому слово в этой ситуации приобретает почти что магическое значение. Но скоро эта его связка с властью становится чем-то привычным, вытесняется из сознания, «забывается» и слово приобретает самостоятельное властное значение, в сущности, значение закона, которому нет никаких альтернатив, разве что смерть. Скоро появляется ощущение, что за границами слова и упорядоченной его значениями реальности остается лишь жуткий хаос, которого нужно всячески избегать, следуя публичному слову. В этой связи принятые обозначения реальности, ставшие привычными и определившие некий порядок жизни, начинают рассматриваться как непреложный и абсолютный закон жизни, а соответствующие обозначения реальности — как единственные из возможных.

Эпоха репрессий, страха и растерянности создает ситуацию, когда человек вынужден заглатывать слова, лозунги и знаки целиком без всякой рефлексии и осознания. Он также вынужден маниакально, слепо и навязчиво следовать им. Это и определяет его «зону ближайшего развития». Здесь следует учитывать и то, что советский человек — это человек общественный, он живет в обществе советских людей и под их неусыпным контролем. Каждый его шаг находится под наблюдением множества подозрительных глаз. Это люди, которые, вытесняя свои естественные побуждения, вынуждены проецировать их на других. Таким образом, образуется социально-психологическая основа всеобщей подозрительности и доноительства.

Такое социальное окружение и есть для советского человека совокупный «значимый Другой». Поэтому интериоризация знаков происходит и под жестким контролем этой параноидной среды, которая при малейшей оплошности индивида готова донести на него власти.

Чем это не социальная основа и культурная модель формирующего эксперимента Выготского? Здесь надо учитывать, что дети 30-х годов — это не современные дети, которые смотрят телевизор и т.п., но это маленькие взрослые, которые заряжены общей атмосферой, царящей в советском обществе.

В такой ситуации мы действительно можем себе четко представлять, прогнозировать и предсказывать направление развития индивида и зону его ближайшего развития. Роль знакового средства здесь выполняет властное, авторитетное (и авторитарное), убеждающее (и убедительное) слово, которое в такой социальной и культурной ситуации практически тождественно библейскому значению слова (в том смысле, что вначале было слово). Функцию взрослого выполняет здесь, с одной стороны, непосредственно власть, которая иницирует и производит слово, а функцию контроля процесса интериоризации индивидом слова и его практической деятельности в соответствии с новым обозначением себя и реальности, выполняет еще и параноидное социальное окружение индивида.

Вот такая напряженная ситуация, организующая интериоризацию знака и действия индивида, на основе его обозначений реальности (но, на самом деле, обозначений за него). Постепенно советский человек привыкает к такой ситуации, поскольку действует еще и социальное подкрепление и это несколько снижает его психологическое и социальное напряжение. Если он безропотно следует знакам, то все как будто бы хорошо, а все сложности появляются тогда, когда он отклоняется от заданного ему «направления развития» или когда он начинает сомневаться в нем. А из этого опыта можно сделать вывод, что нужно просто следовать указаниям сверху и тогда все будет хорошо. И Выготский, несомненно, опирается на этот наблюдаемый социальный и культур-

ный опыт (опыт культурного строительства), а также онтологизирует и натурализует его. Все социальные и культурные обстоятельства организации этого опыта выносятся им за скобки, а в скобках остается знак, организующий поведение ребенка и взрослый, который транслирует ребенку этот знак.

Формально-психологически, Выготский, полемизируя с американским бихевиоризмом, между стимулом и реакцией помещает знак, который теперь определяет реакцию. Здесь он использует, как это ни парадоксально, преимущества своей социальной ситуации, в которой роль знаков оказывается очевидной. А для американцев это пока совершенно не понятно, поскольку они находятся в совершенно иной культурной ситуации. С другой стороны, Выготский заимствует в гештальтпсихологии идею усмотрения связи средства и цели и формирующий эксперимент как будто организует так, чтобы ребенок «усмотрел» значение знака как средства решения задачи [2; 7]. Но онтология гештальтпсихологии, психологии западного образца, ориентированной на сознание, не очень вязалась с советской авторитарной действительностью и ее идеологией, поэтому в последующих формирующих экспериментах вместо усмотрения каких-либо связей происходит просто трансляция знаков ребенку [10–14].

* * *

Здесь сказались также представления того времени о культуре. Действительно, как маленький ребенок может самостоятельно открыть культурные средства, которые нарабатывались целыми поколениями. И культура находится так высоко и так далеко от реальности и от «обыденных понятий». Поэтому ребенку предлагается «помощь», но этот компромисс в последующем развитии советской психологии скоро

разрешается в сторону простой трансляции знаков-средств ребенку, что можно скорее определить не как понимание ребенком связей знака и ситуации задачи и не как интериоризацию, а как простую интроекцию знаков.

Такому подходу к развитию Выготского соответствует и его понимание культуры. Оно тоже складывается из опыта советской культурной ситуации. Откуда в это время идет культура? Откуда поступают новые инструкции, лозунги и указания? Откуда-то сверху, от партии или даже от самого Ленина, Троцкого или Сталина. Потому что партия — это ум, честь и совесть той эпохи. Или от науки, которую советская власть приватизировала и которую, конечно, Ленин и Сталин знают досконально. В общем, культура приходит откуда-то свыше, почти что от Бога, который там эту культуру хранит у себя в сундуке и порциями выдает рабочему классу. Так что культура — это нечто очень далекое от простого обывателя или ребенка, но это то, что уже давно существует, а простые люди из-за злобных происков царской власти и буржуазии до сих пор ничего не знали о ней. И вот и теперь, наконец, открывают эту культуру, открывают ее кладовые и они с жадностью ее проглатывают. Ведь она преподносится обывателю как то, что от него раньше скрывали, а вот теперь ее дают и, тем более, дают задаром. Так и образуется культурный советский человек.

Но на самом деле, новая культура разрабатывается и фильтруется там, наверху, в том числе, и с точки зрения ее понятности широким народным массам. И в советской идеологии культура осмысливается как нечто уже существующее. Буржуазия уже эту культуру создала, только использовала ее неправильно и в своих корыстных интересах. И задача советской власти состоит в присвоении этой культуры и передаче ее трудящимся. Нужно только хорошо поискать в кладовых буржуазии и при-

своить эту культуру, которая теперь по праву принадлежит рабочему классу и трудовому крестьянству. Культура этой социальной ситуации, во-первых, овеществляется, а во-вторых, рассматривается как нечто уже существующее, чуть ли не вечно существующее. Представление о культуре, как о чем-то, что уже существует и где-то там, наверху разложено по полочкам, присуще и Выготскому. Эта культура опускается вниз и обуславливает природные (низшие) психические функции ребенка. Именно так и образуется советский культурный человек, обладающий высшими психическими функциями и зоной ближайшего развития.

Соответственно, культура в концепции Выготского, как и в современном ему советском обществе, понимается почти что как твердая пища (паек), которая порциями выдается индивиду. Она понимается атомистически, как состоящая из неких отдельных элементов. И, наконец, им (как и всей советской идеологией) проводится достаточно жесткое разделение культурного и некультурного. Например, обыденные понятия резко противопоставляются «научным», низкие психические функции — высшим. Связь психической функции с «научным» понятием позволяет Выготскому назвать ее высшей, а отсутствие такой связи — нет. В таком случае все донаучные общества следует объявить обществами с отсутствием культуры. В действительности, большинство психических функций, которые Выготский называет низшими, уже являются сложным образом символически опосредованными в процессе, например, доречевой коммуникации, которую Выготский специально не изучал.

И вся последующая советская психология следует этому атомистическому пониманию культуры. Она занимается формированием каких-то отдельных «научных» понятий, способностей, психических функций. И это она назы-

вает культурно-историческим подходом в психологии. Здесь, во-первых, нет какого-то особого понимания культуры, а тем более, понимания современной культуры. И, во-вторых, в ней нет никакой историчности [5; 10; 11; 12]. Для этой психологии историческая ситуация Выготского как будто продолжает существовать и сегодня. И вместо того, чтобы изучать Выготского, изучать его именно культурно-исторически, эта психология просто слепо следует ему, не видя все те ограничения его культурной ситуации, внутри которой формировалась психология Выготского.

* * *

Так называемые последователи Выготского повторяют до сих пор за ним, что обучение ведет развитие. Это и определяет, в сущности, смысл идеи зоны ближайшего развития. Предполагается, что ребенок с помощью взрослого вначале усваивает знания, интериоризирует определенную знаковую систему, отработывает ее на эмпирическом материале, а затем он оперирует полученными средствами уже сам, без поддержки взрослого. Потом идет снова обучение, которое определяет зону ближайшего развития и т.д. Если бы все так было просто, то уже вся Россия была бы переполнена развитыми личностями, но все дело в том, что все развитые люди учились не по этой системе, но, скорее, вопреки ей. Этот подход к развитию, в сущности, воспроизводит ситуацию 30-х годов и феномен советского человека этого времени. В этой ситуации нет никакой проблемы мотивации, советский человек находится в подвешенном состоянии и он вынужден проглатывать то, что ему дают.

В советской психологии впоследствии его заменили дети младшего (особенно школьного) возраста, достаточно покладистые и для которых значим авторитет взрослого. Ориентированные на

этот авторитет, они механически следуют заданным извне нормам и правилам (модель советского человека 30-х годов). Здесь не обсуждается особенно проблема мотивации этих детей. Неявно предполагается, что эти дети безусловно хотят делать то, что им велит психолог. У Выготского тоже не была разработана имманентная его концепции проблематика мотивации. Нет этого и у П.Я. Гальперина [10–14]. Они, конечно, говорят о мотивации, но это привнесенная мотивация в само содержание формирующего эксперимента. И это совершенно не случайно. В советском обществе господствует принцип принуждения, физического и идеологического, установлено уравнильное отношение к «народным массам» и т.п. Здесь поэтому вообще не встает вопрос об индивидуальной мотивации. А поскольку советская психология рефлектирует соответствующую общественную жизнь, то понятно, почему в ней нет проблемы мотивации, особенно имманентной самому индивиду и тем культурным содержаниям, которые он усваивает. Но современный ребенок может сказать психологу: «А я не хочу это делать» или «Мне мама не разрешает с чужими тетями заниматься». Да и законы теперь изменились.

Но советская психология предполагает, что ребенок хочет учиться (потому что, как он может или смеет не хотеть) и психолог или педагог точно знают, чему учить (хотя им и не надо знать, ибо они выполняют указания тех, кто выше и кто обязательно знает). Позиция взрослого здесь представляет собой точку зрения исключительно советскую и авторитарную. И это не «ошибка» Выготского, но это экспликация им отношений ребенка и взрослого, а шире, государства и человека в его культурной ситуации. И на этом построена вся его психология. Это психология авторитарного формирования психики. Но современной культурной ситуации такой подход в психологии неаутентичен.

Советский ребенок эмоционально зависит от взрослого так же, как советский человек эмоционально зависит от государства. На этой связи и построена такая авторитарная система обучения и развития. И в такой ситуации действительно обучение может «вести» развитие. Но здесь речь идет именно об интеллектуальном развитии. Эмоциональная же жизнь советского человека формируется идеологией, имеющей «научный» характер, поэтому она у него остается достаточно инфантильной. И Выготский, вслед за Б. Спинозой, похоже, считал, что интеллектуальное развитие само по себе окультуривает эмоциональную жизнь и формирует «высшие» эмоции. Близкие идеи проповедовал и советский идеологический рационализм. Эти идеи восприняла и последующая советская психология.

Идея о том, что обучение ведет развитие, феноменологически оправдана именно для советского общества, общества, где у человека и ребенка нет ощущения свободы и индивидуального самосознания. Этому обществу соответствует вся советская психология, которая ориентирована на формирование человека. Она интересуется, прежде всего, тем, как что-то формируется. А все обязательно формируется, иначе откуда ему взяться, потому что все происходит извне. Ведь все внешнее, вся официальная культура поставлена под контроль государства, которое, таким образом, контролирует развитие советского человека. Внутри же у человека ничего нет, он просто биологическое существо. И если у индивида есть нечто внутреннее, то оно могло произойти только извне. Поэтому внутреннее тождественно внешнему и наоборот, так что советский человек, сформированный таким заботливым государством, сплошь рационален и рационально прозрачен. Вопрос состоит только в том, какие преобразования происходят с внешним

в процессе его перехода во внутреннее. Вот основной вопрос советской психологии. Она изучает процессы формирования психики человека и сама ее формирует.

Система предметов потребностей, услуг, социальных отношений в советской культурной среде достаточно жестко нормирована и стандартизирована. Объективировано и нормировано здесь и развитие человека, поэтому ни родителям, ни самому ребенку не надо особенно думать, что делать, за них все уже обдумали. И поскольку, заданные извне нормы непосредственно определяют процесс развития индивида, то можно сказать, что усвоение этих норм развития непосредственно ведет за собой само развитие (это еще один смысл максимы: обучение ведет развитие). Таким образом, идеология стремилась контролировать все сферы жизни и развития человека. Этот идеологический детерминизм психического развития советского человека является социальной основой идеи знакового детерминизма развития психики у Выготского.

Идеологические ловушки были представлены на всем пути индивидуального развития советского человека, и его культурная ситуация в целом была поставлена под контроль государства. Все это и определяло, по замыслу советских идеологов, «зону ближайшего развития» советского человека. Советский Союз был закрытой социальной системой и советский идеологический рационализм полагал, что таким образом, извне, он организует и внутреннюю жизнь советских людей. И это, в значительной мере, так и было, пока не стали происходить послабления системы, а советские чиновники не начали привозить из-за границы иностранные «предметы потребностей», одежду, музыку, наркотики и т.п. И тогда рождается чувство индивидуальности, индивидуального самосознания, которые стали разрушать

советское общество изнутри, образуя неподконтрольные советской идеологии явления.

Но в 30-е годы все это отсутствует как в реальности, так и в теории Выготского. Зона ближайшего развития определяет некоторые границы развития, обусловленные усвоением знаков, обозначающих реальность. После усвоения знака, реальность как бы преобразуется, теперь в рамках такой реальности индивид начинает действовать и здесь как раз и происходит его развитие. Сама по себе эта идея, конечно, бесспорна. Но всякое обозначение реальности, в конечном счете, распространяется и на самого субъекта обозначения. Но этот субъект у Выготского тоже вынесен за скобки. Знаки дает ребенку взрослый, он и осуществляет обозначение, а ребенок просто усваивает его. Но это обозначение затрагивает только внешний мир, а его самого оставляет прежним. То есть, можно сказать, что обозначение может изменить сознание ребенка, но не его самосознание. Самосознание советского человека, в сущности, остается общим для всех, оно как бы заморожено. Это самосознание запуганного и послушного советского человека. Поэтому ребенок не спрашивает взрослого о происхождении этого знака, не требует доказательства истинности именно такого обозначения реальности, он просто верит авторитету взрослого, как и советский человек вынужден верить авторитету партии и государства. Такая авторитарная позиция взрослого характерна и для последующей советской психологии. В ней нет самосознания ребенка как внутреннего мотивирующего фактора его деятельности. Ребенок просто идентифицируется со взрослым, так же как последний идентифицируется с авторитетом государства. Но современную культурную ситуацию такая психология не может адекватно описать.

* * *

Итак, психология Выготского — это психология формирования и психология интериоризации. Но у него совершенно отсутствует проблематика экстериоризации индивидом его внутреннего опыта. Как и советская идеология видела главную свою задачу в «воспитании» советского человека и контроле его развития, так и Выготский главную задачу психологии видит в организации интериоризации культурного опыта и исследование превращения человека в культурное существо, носителя высших психических функций. Но какой опыт можно извлечь из некультурного человека? Его можно лишь извне формировать и закладывать в него новые культурные формы.

Но этот психотехнический ход извне внутрь, характерный для культурной ситуации, в которой работал Выготский, только отчасти объясняет отсутствие в его концепции проблемы экстериоризации внутреннего опыта. Ведь в западной психологии тематика экстериоризации была достаточно актуальной и активно разрабатывалась. А Выготский западную психологию хорошо знал. Более глубокая причина состоит в том, что идентифицируясь с господствующей идеологией, советский человек автоматически вытесняет и подавляет в себе все иное, все «естественное». Реактивно следуя социально-идеологической норме, он отталкивает от себя свою субъективность. У него постоянно возникают опасения, что эта некультурная внутренняя реальность выйдет наружу, поэтому он склонен проецировать ее вовне на других людей и видеть именно в них соответствующие естественные психические проявления. Это социально-психологическая основа тех взаимных доносов властям друг на друга советских людей, которые были так распространены в эпоху сталинского социализма. Поэтому заниматься эксте-

риоризацией внутреннего опыта советского человека даже опасно, да и неинтересно, ничего в этом скрытом опыте «культурного» то и нет. Так что это параноидное состояние советского человека Выготский тоже выносит за скобки.

Не исследует Выготский и проекции, исходящие из этого параноидного состояния сознания советского человека, уже хотя бы потому, что это антисоветские содержания сознания, а значит антикультурные или просто некультурные, не связанные с культурно-историческим развитием человека и не составляющие зону его ближайшего развития. Зона ближайшего развития этих содержаний иная, та, которой не избежал бы, пожалуй, и сам Выготский, если бы преждевременно не умер. Нет у него и проблематики самоосознания, ибо в советской идеологии культивируется только «сознательность», которая означает безропотное следование господствующей идеологии и лучше, если это следование слепое и фанатичное. Не исследует Выготский также связи эмоционального и интеллектуального развития. Он считает, что рано развивающаяся у ребенка речь, связываясь с мышлением, и образуя речевое мышление, принципиально меняет ход психического развития. Сформировавшись в раннем возрасте, речевое мышление, согласно Выготскому, берет под свой контроль весь процесс психического развития ребенка. Почти нет у него и проблемы развития знака в психическом развитии ребенка, ибо знаки уже существуют в культуре и лишь интериоризируются индивидом.

Таким образом, психология Выготского формируется в культурно-исторической ситуации формирования советского социалистического общества 30-х годов и она рефлектирует психологию и психотехнику именно этого общества и данной культурной ситуации. Это психология и психотехника массового

внедрения советской идеологии (новой культуры) в сознание советского человека. Рефлексией этих социальных и культурных процессов и является психология интериоризации Выготского. Но эта психология (как реальная психология людей этого времени, психотехническая культура этого времени, так и рефлексивная психология Выготского) существует лишь в определенных культурных условиях, которые и определяют ее возможность и условия ее истинности. Интериоризация здесь осуществляется в рамках господства советской идеологии и под ее непосредственным давлением, когда у человека не остается никаких альтернатив. Далее, интериоризируются, прежде всего, интеллектуально-знаковые средства. И, наконец, этот процесс является преимущественно вынужденным и пассивным. Он опирается на амбивалентную идентификацию индивида с господствующей идеологией. На основе такой идентификации и формируется «зона ближайшего развития». И развитие в рамках этой «зоны» является предположительно столь же амбивалентным, как и идентификация субъекта интериоризации.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. — М.: Медиум, 1995.
2. Вертгеймер М. Продуктивное мышление. — М.: Прогресс, 1987.
3. Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6-ти томах. — М.: Педагогика, 1982–1984.
4. Выготский Л.С. Психология искусства. — М., 1986.
5. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. — М., 1975.
6. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. — М., 1972.
7. Олешкевич В.И. История и логика развития европейской психотехники. — М., 2005.
8. Олешкевич В.И. История психотехники. — М., 2002.
9. Олешкевич В.И. Что такое методология психологии // Журнал практического психолога. 2009. № 1. С. 60–88.
10. Гальперин П.Я. Методы обучения и умственное развитие ребенка. — М., 1985.
11. Гальперин П.Я. Несколько разъяснений к гипотезе умственных действий // Вопросы психологии. 1960. № 4. С. 141–148.
12. Гальперин П.Я. О формировании умственных действий и понятий // Вестник МГУ. Серия экономики, философии, права, 1957. № 4. С. 111–118.
13. Гальперин П.Я. Развитие исследований по формированию умственных действий // Проблема генезиса психических процессов в ТПФ 75 Психологическая наука в СССР. Т. 1. М., 1959. С. 441–469.
14. Гальперин П.Я., Кабыльницкая С.Л. Экспериментальное формирование внимания. — М., 1974.

Oleshkevich V.I. Interiorizatsija and a zone of the nearest development as cultural-historically caused phenomena of the Soviet psychology

Article is devoted the sociological and culturological analysis of phenomena and concepts «Interiorizatsija» and «zones of the nearest development» which long time were, and till now are, fundamental to the Soviet psychology. In article their essential cultural-historical conditionality and methodological limitation is shown by historical conditions of their formation. These conditions which in psychological concepts are put outside the brackets, represent a situation of the Soviet society and the Soviet person, first of all, 30th years. Importance of the account of these conditions for the valid understanding of the Soviet psychology is shown.

Keywords: interiorizatsija, a zone of the nearest development, the Soviet culture, the Soviet psychology, the Soviet person, formation, exteriorizatsija, a projection.

ЭКСПЕРИМЕНТ И ТЕХНОЛОГИЯ

Туляганова Г.К.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕДУРЫ РАЗРАБОТКИ ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ «ОСОЗНАННОСТЬ ЖИЗНЕННЫХ ЦЕЛЕЙ ПОДРОСТКОВ»

В настоящей статье кратко раскрыта схема разработки методики осознанность жизненных целей подростков (ОЖЦП). Разработка данного психологического инструментария проводилась исходя из четырех основных этапов: разработка вопросов направленных на диагностику уровня осознанности личности при формировании жизненных целей и ее ответственности за их достижения, а так же выработка инструкций для испытуемых; стандартизация методики с целью нормирования результатов методики адекватных изучаемой выборки (подростков); определение ретестовой надежности с целью определения согласованности показателей, полученных на тех же самых испытуемых при повторном обследовании; определение валидности методики с целью определения характеристики степени в которой методика измеряет то, для измерения чего она предназначена.

Ключевые слова: подростковый возраст, осознанность жизненных целей, ответственность за их достижения, адекватность изучаемой выборки, определение валидности методики, ретестовой надежности.

Абсурд может найти свое выражение как в словесной, так и в цифровой форме. Однако знание логики является надежной гарантией от некритического принятия словесного абсурда, а знание статистики представляет собой лучшую защиту от абсурда цифрового.

Дж.Гласс, Дж.Стэнли

С целью определения уровня осознанности личности подростков при формировании жизненных целей и ее ответственности за их достижения нами была разработана психодиагностическая методика «Осознанность жизненных целей подростков», которая со-

стоит из двух шкал включающие в себя 24 вопроса:

– шкала «отношение к жизни» — 12 вопросов;

– шкала «планирование свободного времени» — 12 вопросов.

Разработка данного психологического инструментария проводилась исходя из четырех основных этапов (Рис. 1).

В рамках первого этапа разработки методики «Осознанность жизненных целей подростков» нами было разработано 24 вопроса на узбекском языке направленных на диагностику уровня осознанности личности подростков при формировании жизненных целей и ее ответственности за их достижения. При этом 12 вопросов расположенных нечетном порядке были отнесены к шкале — «отношение к жизни», а оставшиеся 12 вопросов расположенные в четном

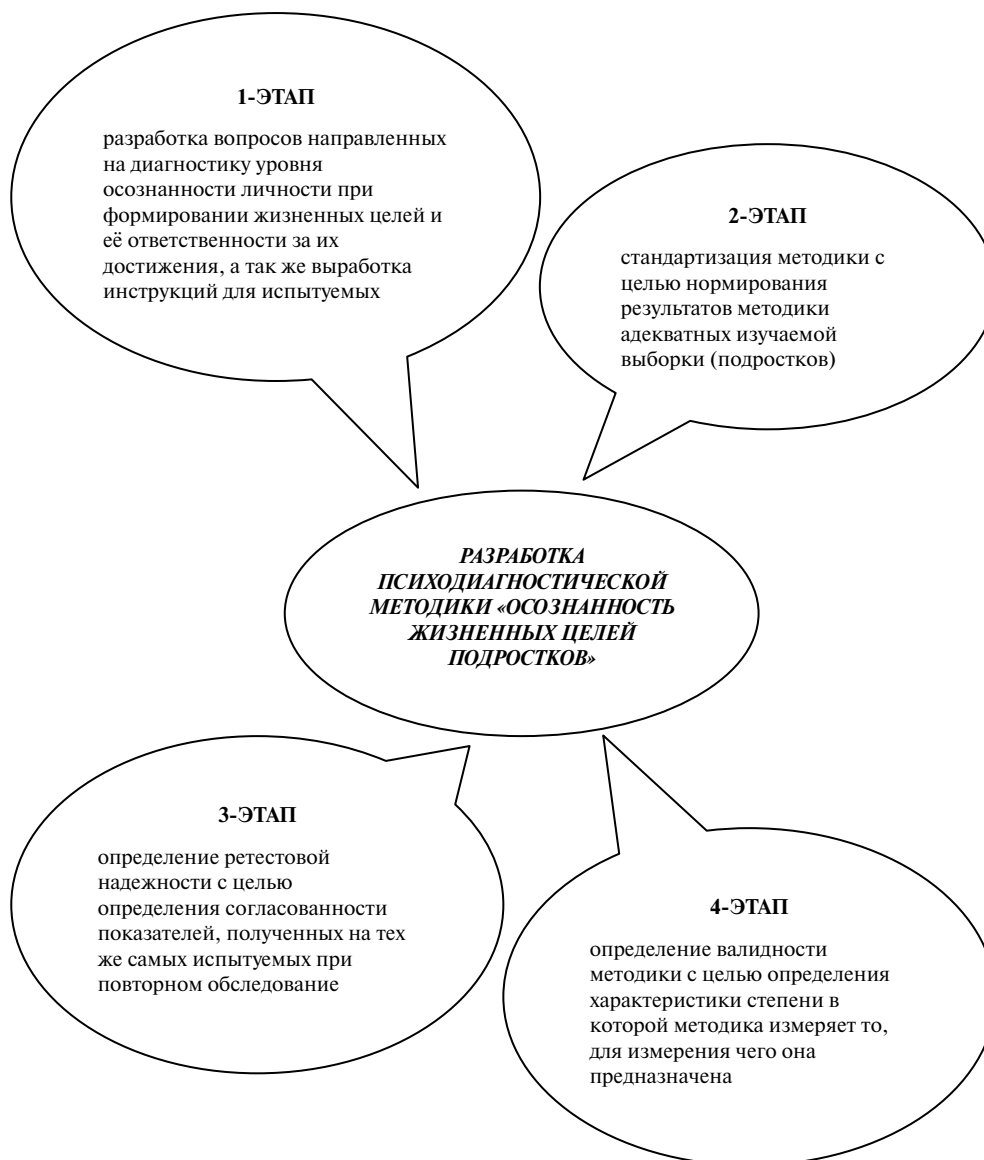

Рис. 1. Схема разработки методики «Осознанность жизненных целей подростков»

порядке отнесены к шкале — «планирование свободного времени».

С целью создания условий серьезно-го восприятия испытуемыми психологической методики в качестве инструмента обследования было проведено соответствующее его оформление. Так раз-

работана инструкция для испытуемых, которая кратко описывает процедуру тестирования, цель проведения и ее порядок, а так же специальный блок основной информации, который включает вопросы, касающиеся имени, пола, возраста, образования и некоторых дру-

гих, необходимых для психологического тестирования данных. Разработка инструкции проводилась с учетом ясности и доступности для понимания испытуемыми подростками. Компоновка текста методики проводилась с учетом нумерации каждого вопроса и расположения их по прямой вертикальной полосе сверху вниз в левом углу страницы.

Для облегчения проведения процедуры психологического тестирования и экономии расходных материалов, был

разработан специальный бланк ответов, на котором испытуемый, отвечая на вопросы, производил соответствующие пометки (да — 0, иногда — 1, нет — 2).

Основные статистические данные разработки методики были получены по результатам изучения 247 подростков (и их родителей, учителей) обучающихся в средних школах города Ташкент. Из них подростки мужского пола составили 114 человек, а подростки женского пола 133 человека (Рис. 2).

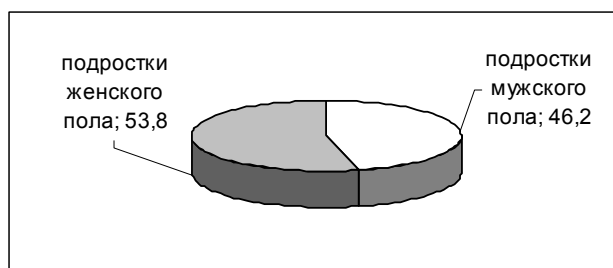

Рис. 2. Количественная характеристика выборки подростков по половому признаку в %

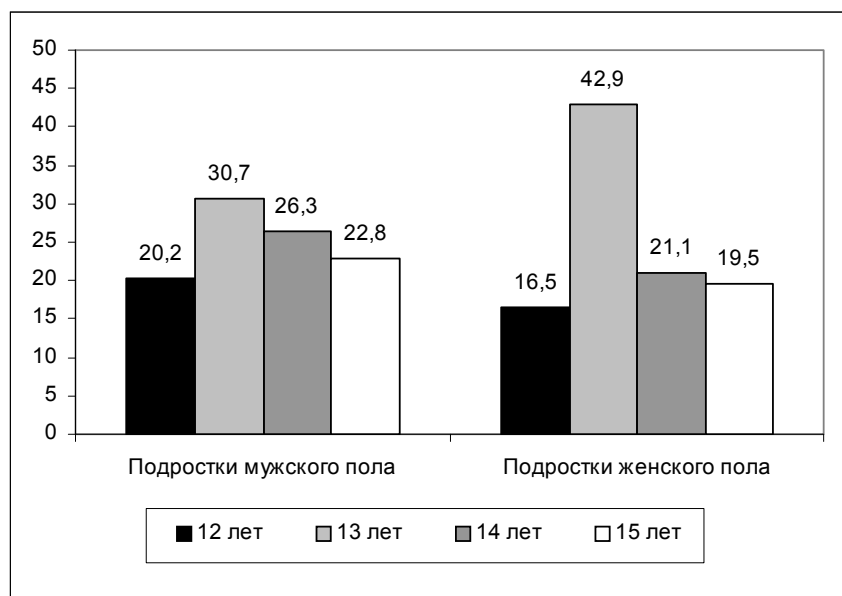

Рис. 3. Количественная характеристика выборки по возрастному признаку с учетом половых различий в %

Возраст испытуемых варьировал от 12 до 15 лет, средний возраст составил 13,5 лет (Рис. 3).

Во втором этапе разработке методики была проведена стандартизация, которая проводилась с целью нормирования результатов методики адекватных изучаемой выборки (подростков). Стандартизация проводилась путем вычисления средней арифметической (M) и стандартного отклонения (σ). Так же определялись показатели асимметрии (A) и эксцесса (E).

Принцип построения большинства интервальных шкал построен на известном правиле «трех сигм»: примерно 97,7% — 97,8% всех значений признака при нормальном его распределении укладываются в диапазоне $M \pm \sigma$. При стандартизации мы воспользовались наиболее распространенной шкалой стэнов — «Стандартные десятки», предложенной Р.Б.Кеттеллом [2, 4, 8]. С целью оптимизации системы обработки и интерпретации результатов тестирования была произведена модификация стэновой шкалы (Стандартные десятки), то есть предложенная Р.Б.Кеттеллом десяти балльная шкала упразднена до четырех балльной шкалы.

Так, среднее арифметическое (оценка математического ожидания) вычислялась по формуле:

$$\bar{x} = M = \frac{\sum x_i}{n}$$

где

x — каждое наблюдаемое значение признака;

i — индекс, указывающий на порядковый номер данного значения признака;

n — количество наблюдений.

Оценка дисперсии определяется по формуле:

$$S^2 = \frac{\sum (x_i - \bar{x})^2}{n - 1}$$

где

x — каждое наблюдаемое значение признака;

\bar{x} — среднее арифметическое значение признака;

n — количество наблюдений.

Величина, представляющая квадратный корень из несмещенной оценки дисперсии (S), как известно, называется стандартным отклонением или средним квадратическим отклонением. Для большинства исследователей привычно обозначать эту величину греческой буквой σ (сигма), а не S . На самом деле, σ — это стандартное отклонение в генеральной совокупности, а S — несмещенная оценка этого параметра в исследованной выборке. Но, поскольку S — лучшая оценка σ , эту оценку стали часто обозначать уже не как S , а как σ :

$$\sigma = \sqrt{\frac{\sum (x_i - \bar{x})^2}{n - 1}}$$

В тех случаях, когда какие-нибудь причины благоприятствуют более частому появлению значений, которые выше или, наоборот, ниже среднего, образуются асимметричные распределения. При левосторонней, или положительной, асимметрии в распределении чаще встречаются более низкие значения признака, а при правосторонней, или отрицательной — более высокие. В тех случаях, когда какие-либо причины способствуют преимущественному появлению средних или близких к средним значений, образуется распределение с положительным эксцессом. Если же в распределении преобладают крайние значения, причем одновременно и более низкие, и более высокие, то такое

распределение характеризуется отрицательным эксцессом и в центре распределения может образоваться впадина, превращающая его в двухвершинное.

Показатель асимметрии (А) вычислялся по формуле:

$$A = \frac{\sum (x_i - \bar{x})^3}{n \sigma^3}$$

Показатели эксцесса (Е) определялись по формуле:

$$E = \frac{\sum (x_i - \bar{x})^4}{n \sigma^4} - 3$$

Среднее арифметическое значение в «сырых» баллах принималась за точку отсчета (Рис. 4). Вправо и влево были отмерены интервалы, равные 1,25 стандартного отклонения. Таким образом справа от среднего значения располагались интервалы, равные 3, 4 степеням, причем последний из этих интервалов открыт. Слева от среднего значения рас-

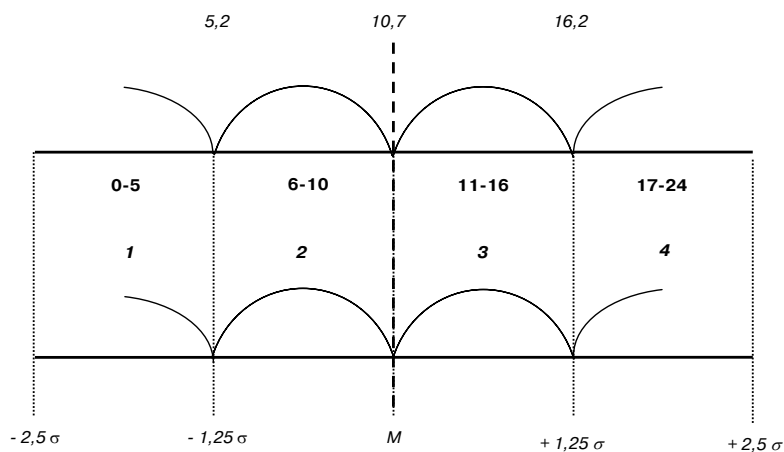

Рис. 4. Схема вычислений стандартных оценок и перевода «сырых баллов» в четырех балльную шкалу (шкала «отношение к жизни» $M = 10,7$; $\sigma = 4,4$)

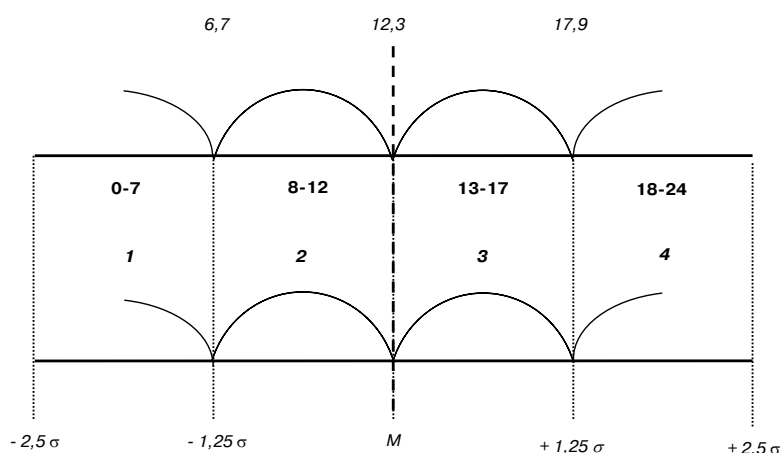

Рис. 5. Схема вычислений стандартных оценок и перевода «сырых баллов» в четырех балльную шкалу (шкала «планирование свободного времени» $M = 12,3$; $\sigma = 4,5$)

полагаются интервалы, равные 2, 1, и крайний интервал также открыт. Теперь поднятие вверх к оси «сырых баллов», и размечаем границы интервалов в единицах «сырых» баллов. Поскольку $M = 10,7$; $\sigma = 4,4$, вправо откладываем $1,25\sigma$, то есть 5,5 «сырых баллов». Таким образом, граница интервала составит: $(10,7 + 5,5) = 16,2$ «сырых баллов». Границы интервала, соответствующего 3, будет в диапазоне от 10,7 до 16,2 баллов.

По такому же принципу было проведено и вычисление стандартных оценок, перевод «сырых баллов» в четырех балльную шкалу показателей по шкале «планирование свободного времени» (Рис. 5).

Для облегчения определения выраженности диагностической цели вышеизложенные схемы вычисления стандартных оценок были обобщены в таблице интерпретации результатов психологического тестирования (Табл. 1).

Таблица 1. Интерпретация результатов психологического тестирования

Стэн	Интерпретация	Шкала «отношение к жизни»	Шкала «планирование свободного времени»
1	высокий	0-5 баллов	0-7 балла
2	средний	6-10 балла	8-12 балла
3		11-16 балла	13-17 балла
4	низкий	17-24 балла	18-24 балла

Таким образом, при получении испытуемым от 0 до 5 баллов по шкале «отношение к жизни» и от 0 до 7 баллов по шкале «планирование свободного времени» выраженность диагностической цели у подростка высокая от 6 до 16 баллов по шкале «отношение к жизни» и от 8 до 17 баллов по шкале «планирование свободного времени» выраженность диагностической цели у подростка средняя. Соответственно от 17 до 24 баллов по шкале «отношение к жизни» и от 18 до 24 баллов по шкале «планирование свободного времени» выраженность диагностической цели у подростка низкая.

Третий этап был посвящен определению ретестовой надежности и проводилась с целью определения согласованности показателей, полученных на тех же самых испытуемых при повторном обследовании [1, 5, 7]. Надежность методики определялась путем ретеста,

то есть корреляционного анализа результатов повторного проведения методики, которое проводилось через два месяца. Период повторного проведения был определен с целью максимального снижения уровня запоминания стимульного материала (вопросов методики) подростками (Табл. 2).

Из приведенных данных в таблице 2 видно, что ретестовая надежность шкалы «отношение к жизни» — 0,85, а шкалы «планирование свободного времени» — 0,80 при $p < 0,001$. Полученные показатели надежности являются приемлемыми для психодиагностической практики [3, 6, 8].

В рамках четвертого этапа разработки была определена валидность методики, которая проводилось с целью определения характеристики степени, в которой методика измеряет то, для измерения чего она предназначена [3]. Оп-

Таблица 2. Характеристика корреляционных связей результатов повторного обследования по методике «Осознанность жизненных целей подростков»

Наименование показателей сравнения	Коэффициент корреляции при $p < 0,001$
Результаты по методике ОЖЦП шкала «отношение к жизни» / Результаты повторного обследования по методике ОЖЦП шкала «отношение к жизни»	0,85
Результаты по методике ОЖЦП шкала «планирование свободного времени» / Результаты повторного обследования по методике ОЖЦП шкала «планирование свободного времени»	0,80

Таблица 3. Характеристика корреляционных связей результатов методики «Осознанность жизненных целей подростков» и экспертной оценки

Наименование показателей сравнения		Коэффициент корреляции при $p < 0,001$
Результаты методики ОЖЦП	Результаты экспертной оценки	
шкала «отношение к жизни»	оценка отношения подростка к своей жизни	0,83
шкала «планирование свободного времени»	оценка планирования подростком своего свободного времени	0,79

ределения валидности методики проводилось путем корреляционного анализа результатов полученных по методике «Осознанность жизненных целей подростков» и результатов экспертной оценки подростков учителями средних школ и их родителями (Табл. 3).

Из приведенных данных в таблице 3 видно, что валидность шкалы «отношение к жизни» методики «Осознанность жизненных целей подростков» — 0,83, а шкалы «планирование свободного времени» — 0,79 при $p < 0,001$ относительно экспертной оценки учителей и родителей. Полученные показатели валидности является приемлемыми для психодиагностической практики [3, 6, 8].

Таким образом, можно сделать вывод, что разработанная методика «Осознанность жизненных целей подростков» успешно прошла практическое испытание, что делает данную процедуру адекватной и приемлемой для применения на практике.

Литература

1. *Акимова М.К.* Введение в психодиагностику. Учеб. пособие. — М.: Академия, 2000. 234 с.
2. *Боровиков В.П., Боровиков И.П.* Статистический анализ и обработка данных в среде Windows. — М.: Филинь, 1997. 608 с.

3. Введение в психодиагностику: Учеб. пособие для студ. сред. пед. учеб. заведений / М.К.Акимова, Е.М.Борисова, Е.И.Горбачева и др. / Под ред. К.М.Гуревича, Е.М.Борисовой. — 3-е изд., стереотип. — М.: Издательский центр «Академия», 2000. 192 с.
4. *Гуревич К.М.* Психологическая диагностика и законы психологической науки // Психологический журнал. 1991. № 2. С. 84–94.
5. *Ивантер Э.В., Коросов А.В.* Введение в статистический анализ биологических явлений и процессов. — Петрозаводск: ПГУ, 1992. 163 с.
6. *Лимов А.П.* Методика психологического и психофизиологического обследования. — М.: Военная академия, 1990. 454 с.
7. *Пустыльник Е.И.* Статистические методы анализа и обработки наблюдений. — М.: Наука, 1988. 185 с.
8. *Сидоренко Е.В.* Методы математической обработки в психологии. — СПб.: Речь, 2001. 350 с.

Tuljaganova G.K. Features of procedure of working out of a psychodiagnostic technique «Sensibleness of the vital purposes of teenagers»

In the present article the scheme of working out of a technique for sensibleness of the vital purposes of teenagers (SVPT) is shortly opened. Working out of the given psychological toolkit was spent proceeding from four basic stages: working out of questions directed on diagnostics of level of sensibleness of the person at formation of the vital purposes and its responsibility for their achievements, and as development of instructions for examinees; standardization of a technique for the purpose of rationing of results of a technique adequate studied sample (teenagers); definition retest reliability for the purpose of definition of a coordination of the indicators received on the same examinees at repeated inspection; validity definition of the techniques for the purpose of definition of the characteristic of degree in which the technique measures that, it is intended for measurement of that.

Keywords: teenage age, sensibleness of the vital purposes, responsibility for their achievements, adequacy of studied sample, validity definition of the techniques, retest reliability.

Козлов В.В., Санникова Н.Г.

ИССЛЕДОВАНИЕ РАЗЛИЧИЙ В ОЩУЩЕНИИ СОЦИАЛЬНОЙ ИЗОЛИРОВАННОСТИ СРЕДИ СТУДЕНТОВ ТВОРЧЕСКИХ И НЕТВОРЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Статья посвящена исследованию ощущения социальной изолированности среди студентов творческих и нетворческих профессий. В статье дается краткое описание данных научной литературы по этому вопросу, излагается мнение авторов и проводится сравнительный анализ полученных в ходе исследования результатов.

Ключевые слова: творческая личность, творческий процесс, социальная изолированность, одиночество.

Творческая личность и творческий процесс — взаимообусловленные понятия: творческая личность находит свое самовыражение через творческий процесс, при этом многие характеристики творческой деятельности отражаются в поведении и социально-психологических особенностях творческой личности. Одним из важных условий творческого процесса является уединение творца, именно в уединенном состоянии человек способен максимально сосредоточиться и раствориться в деятельности, не ощущая при этом пространственно-временных границ. Уединение становится сродни самотворчеству, выступает как необходимое условие для «труда души» [6]. По мнению А.Маслоу, одним из отличительных признаков самоактуализирующейся личности является одиночество [6]. Чезаре Ломброзо в своей книге «Гениальность и помешательство» утверждал, что о гениальных людях, точно так же, как и о сумасшедших, можно сказать, что они всю жизнь остаются одиночками, холодными, равнодушными к обязанностям семьи и члена общества [8].

В литературе имеются указания на то, что многие известные творческие личности уже в детском возрасте не имели устойчивых социальных контактов по причине своей болезненности, углубленной увлеченности каким-нибудь видом творчества, либо резким перемещением в чужую социальную среду. Все это явилось препятствием на пути к приобретению опыта социального общения и социальной адаптации,

но через уход в себя открыло пути к самопознанию и открытию окружающего мира посредством наблюдения. Продукты творческой деятельности можно считать результатом этих внутренних процессов.

А.Галин в своей книге «Психологические особенности творческого поведения» указывает на то, что беседы и наблюдения, а также данные литературы позволяют сделать следующий вывод: для того чтобы обеспечить эффективное продвижение в творческой работе, своеобразный «прорыв» в ней, желательно побыть в уединении трое суток, посвятив ей все силы и внимание [4].

Учитывая тот факт, что творчество личности с большей вероятностью может проявляться при наименьшем количестве связей, а важным условием творческого процесса является уединение творца, мы думаем, что творческие личности испытывают в нем потребность, а так как значимость социума для истинного творца минимальна то, возможно, выраженные ощущения социальной изолированности для людей творческих крайне редки.

С целью изучения и сравнения различий в субъективных ощущениях одиночества мы провели исследование ощущения социальной изолированности среди студентов творческих и нетворческих профессий. В исследовании приняло участие 100 человек в возрасте от 19 до 21 года: 50 студентов третьего курса факультета «Графический дизайн» (первая группа) и 50 студентов третьего курса физико-математиче-

ского факультета, обучающихся по специальности «Учитель физики и математики в школе» (вторая группа). Исследование проводилось на базе Евразийского национального университета (ЕНУ) им. Л.Н.Гумилева. В качестве экспериментальной методики была использована экспресс-диагностика Д.Рассела и М.Фергюссона, состоящая из двадцати утверждений. Испытуемым предлагалось оценить частоту возникновения этих ощущений в их жизни.

Согласно полученным данным студенты, обучающиеся на педагогическом факультете, отдают предпочтение коллективным видам занятий, в то время как, занимаясь несколькими вещами в одиночку, чувствуют себя несчастными (часто — 36%, иногда — 40%). Студенты-дизайнеры, наоборот, в большинстве случаев (90%) не ощущают себя несчастными, занимаясь в одиночку разными вещами. 36% будущих педагогов испытывают проблемы с поиском собеседника, 28% — ни с кем не близки на момент исследования, дизайнеры же в большинстве случаев знают с кем можно поговорить в своем окружении, они стремятся к выстраиванию доверительных отношений и, по мнению 90%, у них есть близкий, к которому легко можно обратиться с какой-либо проблемой. Все это характеризует дизайнеров как эмоционально открытых доверительному общению людей. 44% студентов-педагогов утверждают о том, что им не хватает общения, 16% «умирают» по компании, 90% студентов-дизайнеров считают свои социальные связи достаточными. Как видно из результатов исследования, студенты педагогических специальностей имеют достаточно высокую потребность в общении и социально зависимы в отличие от студентов-дизайнеров.

30% испытуемых первой группы утверждает, что окружение не разделяет их интересов и идей. Среди педагогов никто из испытуемых не ответил однозначно отрицательно на это утверждение, и, как следствие, практически никто из них не ощущает себя покинутым. Эти данные можно объяснить тем, что творческие люди зачастую фанатично движимы какой-то одной идеей, которая может не находить откли-

ка или понимания в обществе, а иногда даже вызывать общественный резонанс. Интересен тот факт, что при всем этом только 10% представителей творческой группы чувствует себя покинутыми. Следовательно, социальное одобрение и поддержка для представителей этой группы мало значимы.

90% студентов-дизайнеров, как уже было отмечено выше, способны легко раскрепощаться и общаться с теми, кто их окружает, что свидетельствует об их открытости и искренности, никто из испытуемых этой группы не ощущает себя совершенно одиноким. Мы склонны думать, что, несмотря на визуальное одиночество, внутренне творческие люди это ощущение не испытывают. Среди студентов-педагогов только 36% способны раскрепоститься и легко общаться с теми, кто их окружает, 52% иногда ощущают себя совершенно одинокими, что еще раз свидетельствует об их социальной зависимости. При этом, несмотря на достаточно высокую потребность в окружении, 52% представителей второй группы признались, что никто как следует их не знает, а, следовательно, можно предположить, что у студентов-педагогов поверхностный уровень общения, качественный его показатель в дефицитном состоянии. 70% студентов-дизайнеров по-настоящему открыты в общении и легко могут делиться своими истинными мыслями и чувствами с собеседником, что позволяет предположить о преобладании эмоциональной составляющей в общении у представителей этой группы.

16% студентов-педагогов иногда чувствуют себя изолированными от других, а 12% несчастны по причине своей отверженности, для студентов факультета «Графический дизайн» ни одно из этих утверждений, по данным исследования, нехарактерно. Только 10% представителей творческих профессий иногда отмечает у себя ощущение, будто люди вокруг них, но не с ними. Остальные, по всей вероятности, независимы от социальных убеждений и мнений и не нуждаются в принятии обществом.

В целом по методике Рассела и Фергюссона нами было выявлено, что для 56%

студентов, обучающихся на физико-математическом факультете, характерен низкий уровень ощущения социальной изолированности, для остальных 44% — средний уровень. Высокий уровень ощущения социальной изолированности не был выявлен в данной группе испытуемых.

Среди студентов факультета «Графический дизайн» у 76% исследуемых выявлен низкий уровень ощущения социальной изолированности, а у 24%, соответственно, средний уровень. Высокий уровень ощущения одиночества также не был выявлен в данной группе испытуемых.

Принимая во внимание полученные в ходе исследования результаты, можно сделать следующие выводы: у студентов-педагогов высокий количественный показатель общения, они нуждаются в коллективных занятиях и часто испытывают потребность в компании, которую легко удовлетворяют благодаря своей коммуникабельности. Однако уровень общения педагогов поверхностный, эмоции при этом достаточно однообразны. Мы считаем, что преобладание у студентов педагогических специальностей высокого уровня ощущения одиночества непосредственно связано с их жесткой идентифицированностью с социальной подсистемой. Это, безусловно, может быть одним из критериев данной профессии. Однако такие личности оказываются более уязвимыми в динамично меняющемся мире, социально зависимыми, и, как следствие, склонны к ощущению одиночества и отчужденности в кризисные периоды.

Студенты-дизайнеры более эмоциональны и открыты в общении, им близко ощущение истинной духовной близости с кем-либо, что свидетельствует об их духовной идентификации. Среди студентов

творческих специальностей процент опрошенных с выявленным средним уровнем одиночества ниже, это можно объяснить наличием у испытуемых данной группы потребности в уединении и ощущением своей социальной независимости. Именно благодаря погружению в себя, в свой внутренний мир возможны самонаблюдение и самоанализ, а они служат благодатной почвой для развития новой творческой идеи.

Литература

1. *Байнцвайг П.* Десять заповедей творческой личности. — М.: Прогресс, 1990.
2. *Богоявленская Д.Б.* Интеллектуальная активность как проблема творчества. — Ростов-на-Дону, 1983.
3. *Выготский Л.С.* Психология. — М., 2000.
4. *Галин А.Л.* Психологические особенности творческого поведения. — Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного университета, 2001.
5. *Галин А.Л.* Творчество и отношения с окружающими. — Новосибирск: НГУ, 2000.
6. *Козлов В.В.* Психология творчества: свет, сумерки и темная ночь души. — М.: ГАЛА-Издательство, 2008.
7. Краткий психологический словарь / Сост. Л.А.Карпенко; Под общ. ред. А.В.Петровского, М.Г.Ярошевского. — М.: Политиздат, 1985.
8. *Ломброзо Ч.* Гениальность и помешательство. — М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2003.
9. *Пономарев Я.А.* Психология творчества. — М.: Наука, 1976.
10. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. — СПб.: Питер, 2005.

Kozlov V.V., Sannikova N.G. Research of distinctions in sensation of social disconnection among students of creative and not creative specialties

The article deals with feelings of social isolation among students of creative and non-creative professions. The article gives a brief description of the data of the scientific literature on the subject, sets out the opinions of the authors and conducted comparative analysis of the study results.

Keywords: creative personality, creative process, social isolation and loneliness.

Буровихина И.А.

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ И ГРУППОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ОБРАЗА МИРА СОВРЕМЕННОГО ПОДРОСТКА

В статье освещаются результаты эмпирического изучения основных семантических компонентов образа мира современных подростков, выявленных с использованием метода свободной сортировки лексических единиц, описывающих образ мира подростка и систему его жизненных отношений. Определение универсальных и групповых особенностей восприятия мира было осуществлено путем сравнения структуры и содержания семантических пространств образа мира обычных подростков, учащихся общеобразовательных школ, и их слепых сверстников, воспитывающихся в специальном коррекционном интернате. Математический анализ результатов, осуществленный с использованием алгоритма многомерного шкалирования, показывает наличие универсальных механизмов восприятия и категоризации разнообразной информации о явлениях жизни, инвариантных для современных подростков, а также существование особенностей отражения мира, обусловленных спецификой социальной ситуации развития подростков.

Ключевые слова: образ мира, структурные компоненты семантического пространства восприятия, категориальная структура значений, отрочество, многомерное шкалирование, метод свободной сортировки лексических единиц.

Современные подходы к исследованию субъективного опыта и индивидуальной субъективной реальности человека, являющиеся основным интересом психологии как науки, развиваются по нескольким взаимосвязанным направлениям, ведущее из которых — психосемантический анализ образа мира личности и реконструкция системы значений и конструкторов, в которых мир отражается человеком. Это направление имеет давнюю традицию и, как следствие, множество последователей, осуществивших сотни научных теоретических и эмпирических работ, результатами которых стало описание специфики образа мира в разнотипных профессиях [1; 4], нахождение межкультурных различий в категориальных структурах, репрезентирующих мир в сознании субъекта [10], понимание особенностей влияния на образ мира личности условий жизни [12]. При этом вопросы развития системы значений в онтогенезе и описание специфичных для каждого возраста семантических компонентов картины мира на сегодняшний день являются редкими [13] и, можно с уверенностью сказать, не разрешенными до конца. В данной работе

мы попытались выявить и проанализировать структурные и содержательные особенности образа мира современного подростка, а именно: представить модель организации семантического пространства восприятия реальности и описать различия в содержании категорий, обусловленные своеобразием социальной ситуации развития старшекласников, — чтобы более глубоко понять, как развиваются представления о мире в течение жизни человека и что представляет из себя отрочество как одна из стадий формирования целостного и непротиворечивого образа мира субъекта.

В нашей работе мы опирались на результаты последних исследований субъективных представлений о разных сторонах реальности [7; 8; 9], в которых было убедительно доказано существование трехуровневой категориальной структуры, репрезентирующей субъективный опыт. Смысловые конструкторы сознания, в соответствии с итогами этих работ, могут быть универсальными (общими для всех людей), особыми для выделенной группы респондентов (так называемые «групповые» особенности семантических категорий — возрастные, гендер-

ные, межкультурные) и индивидуальными (отличающимися уникальным жизненным опытом конкретного человека). Воспроизведение трехуровневой структуры семантического пространства в нашем исследовании подтвердило эти выводы и расширило зону их обобщения. Коротко опишем метод нашего исследования.

Традиционно [2; 10] реконструкция образа мира как системы значений, в которой он репрезентируется в сознании субъекта, осуществляется с применением различных психосемантических методов, как-то: семантический дифференциал, построение репертуарных решеток, парные сравнения, ассоциативный эксперимент. Основным диагностическим инструментом данной работы является методика свободной сортировки лексических единиц [6, 8], описывающих образ мира подростка и систему его жизненных отношений. Эта методика представляет собой процедуру свободного классифицирования субъектом 107 карточек со словами согласно инструкции «выделить в множестве предложенных понятий группы слов» в соответствии с тем, как понимаются подростком «различные аспекты понятий «мой мир» или «моя жизнь» и разные стороны отношений в мире». Результаты выполнения методики позволяют выявить индивидуальные основания для категоризации единиц и, как следствие, определить существенные признаки изучаемого объекта (в данном исследовании — «мира, жизни»), а также эксплицировать структуру восприятия мира, существующую в сознании старшеклассников. Сами лексические единицы, ставшие содержанием методики, были в большей своей части отобраны группой экспертов из мини-сочинений подростков и интервью с ними как наиболее емко и точно описывающие различные стороны мира такого, который воспринимается подростками, а также включили в себя ряд слов, характеризующих различные аспекты семьи и отношений в ней, заимствованных из набора О.А.Минеевой [6; 8], созданного

для изучения имплицитных теорий семьи и образа семейных отношений в сознании взрослых. Данное заимствование преследовало двоякую цель: с одной стороны, обеспечить надежный диагностический потенциал методики, включив в нее прошедшие неоднократную валидизацию в многочисленных пробах [6; 7; 8; 9] лексические единицы, с другой стороны, — определить особенности образа семьи и его место в целостной структуре образа мира, решив тем самым основную задачу более широкого исследовательского плана, частью которого является освещаемое исследование.

Предпочтение в осуществлении математического анализа полученных данных было отдано методам многомерного шкалирования [3; 14] как не требующим по сравнению с факторным анализом предварительных предположений исследователя о связи изучаемых признаков и как позволяющим выявить более точную, сложную и хорошо визуализируемую структуру семантических пространств по сравнению с методом кластерного анализа. Суть многомерного шкалирования состоит в том, чтобы исходя из оценок респондентами сходства между объектами (в данном случае — лексическими единицами) и исследовательских гипотез определить размерность пространства восприятия и выявить положение (конфигурацию) объектов в этом пространстве [3]. Итогом реализации процедуры многомерного шкалирования в нашем исследовании является определение количества и содержательного наполнения осей пространства восприятия, которые представляют собой характеристики (свойства) объектов, воспринимаемые подростками и используемые ими при вынесении суждений о мире и своем месте в нем. Противоположные полюса на каждой из осей занимают различные смысловые группы слов, объединенных по степени близости. Эти группы слов реже всего попадают в один класс при сортировке. В соответствии с принципом

Хольта [5], число семантических компонентов, входящих в план содержания некоего знака (в нашем исследовании — мира), определяется набором противопоставлений, в которых участвует этот знак, а интерпретация этих противопоставлений, то есть интерпретация полученных осей, дает нам семантические компоненты образа мира. Число выбираемых для истолкования семантических компонентов (осей) определяется исследователем посредством минимизации функции стресса [14].

Участниками исследования стали 314 подростков 12–17 лет, ученики 6–11-х классов общеобразовательных школ г. Королева Московской области: 170 девочек и 144 мальчика («контрольная группа»), а также 51 подросток: 12–16 лет, воспитывающихся в Специальном коррекционном интернате для слепых и слабовидящих детей г. Королева: 21 девочка и 30 мальчиков («экспериментальная группа», включенная в исследование с целью поиска межгрупповых различий, обусловленных спецификой социальной ситуации развития респондентов — проживанием их в условиях интерната в отрыве от членов родительской семьи; а также особенностями здоровья, которые имеют эти подростки вследствие врожденной (49 человек) или приобретенной слепоты (2 человека)). Для контроля такой побочной переменной эмпирического исследования как гендерная вариативность результаты семантического анализа для контрольной и экспериментальной групп первоначально сравнивались отдельно для мальчиков и девочек, при этом в обеих группах не было найдено значимых различий в структуре и содержании категориальных структур, обусловленных влиянием фактора пола респондентов, поэтому при дальнейшей работе с данными, результаты и девочек, и мальчиков анализировались совокупно.

По результатам обработки индивидуальных сортировок мы получили трехмерные и четырехмерные семантические

пространства для обеих групп. При этом более валидным было признано 4-х-мерное, вследствие резкого перелома функции стресса и ее заметного падения при 4-х осях. Важно, что трехмерные пространства ввиду своей большей обобщенности и упрощенности удобны для поиска универсальных особенностей семантического пространства образа мира, а анализ 4-х-мерных пространств, определяющих и описывающих тонкую градацию конструкторов, позволяет выяснить как наличие и характер различий между группами, так и общие особенности восприятия всех респондентов, принявших участие в исследовании.

Рассмотрим получившиеся 4-х-мерные пространства восприятия и семантические компоненты их составляющие для слепых подростков, воспитывающихся в интернате:

1. Негативное и, как следствие, избегаемое в мире — актуальное в мире: учеба в школе и связанные с ней переживания. Объекты (в скобках указаны координаты каждого слова в 4-х-мерном пространстве), сформировавшие первую шкалу, отражают механизмы первичной категоризации разнообразных явлений жизни, а именно отнесение их к негативным, отвергаемым, или к тем, которые составляют каждодневное взаимодействие с миром, актуальны в отношениях с ним. Так верхний полюс первой шкалы раскрывает понятие «мир» через мрачные внутренние переживания, которых субъект — житель этого мира — постарается избежать (слова: одиночество (0,86), ненависть (0,86), скука (0,78), зависеть (0,73), конфликты (0,69), обижаться (0,67)). Противоположный полюс шкалы — актуальные отношения с миром: взаимодействие в школе и связанные с этим эмоции (слова: успех (–0,96), учеба (–0,78), я (–0,7), экзамены (–0,64), школа (–0,57)). В итоге первая шкала являет собой противопоставление избегаемого, нежелательного в мире и того, что наличествует и переживается в нем в настоящее время.

2. Мой внутренний мир, личные увлечения — семья круг близких людей, являющихся поддержкой в жизни. Верхний полюс шкалы составили объекты, характеризующие типичные увлечения подростков, сферу их личного выбора и внутренней жизни (слова: компьютерные игры (0,77), спорт (0,69), книги (0,69), секреты (0,67), меняться (0,64), мечты (0,56), творчество (0,56)). Ей противопоставляется сфера, в которой подросток ощущает себя принятым и поддержанным другими людьми, прежде всего близкими родственниками (слова: мать (−0,68), брат (−0,66), отец (−0,66), бабушка/дедушка (−0,62), дом (−0,62), свое место в доме (−0,60), семья (−0,59), опора (−0,53), помощь (−0,53)). Таким образом, вторая шкала представлена противопоставлением человека как субъекта самостоятельного свободного выбора и человека зависящего от отношений и связей внутри семейной системы.

3. Религиозные чувства и духовные переживания — инструментальные жизненные ценности и прагматичные ориентиры. Религиозные чувства как характеризующие сокровенные переживания личности, связь ее с трансцендентным противопоставлены здесь «мирским» ценностям, описывающим необходимость реализации личности в социальном плане, в сфере отношений с другими людьми. Верхний полюс шкалы сформирован объектами: ухаживание (0,95), церковь (0,75), совесть (0,56), вера (0,52), забота (0,58), личная жизнь (0,58)). На противоположном полюсе объекты: одноклассники (−0,54), знания о мире (−0,60), авторитет (−0,52), стабильность (−0,55), власть (−0,64)). Итак, третья шкала представляет те семантические компоненты образа мира, которые обозначают в сознании подростка глубоко личные отношения с миром и более широкие социальные связи.

4. Самоопределение и формирование самостоятельной жизненной позиции — чувство социального долга и ответственности перед обществом. Верхний полюс

шкалы создан объектами, описывающими внутренний поиск и личностную дифференциацию мотивов и ценностей (слова: я (0,69), самовыражение (0,59), свобода (0,59), поиск смысла жизни (0,54), внутренний мир (0,54), быть собой (0,53), откровенность (0,53)). Нижний полюс создали слова, описывающие суть общественного предназначения человека, его функции и обязанности как члена социальной системы (слова: воспитание детей (−0,51), собственность (−0,51), быть вместе (−0,51)). Данные семантические компоненты обозначают в образе мира субъекта диалектическую взаимосвязь реализации уникального, неповторимого смысла жизни, проживания «своей жизни» но в широком социальном контексте, накладывающим определенные ограничения на реализацию личных планов и открывающим ей же более широкие возможности, обусловленные поддержкой и помощью со стороны других людей.

Несколько иным выглядит семантическое пространство образа мира «обычных» подростков из общеобразовательных школ города:

1. Негативное и, как следствие, избегаемое в мире — актуальное в мире: учеба в школе и связанные с ней переживания. Важно, что содержательное наполнение данной категориальной структуры полностью совпадает у контрольной и экспериментальной групп, что позволяет заключить определяющую роль оценки на положительное-негативное в восприятии разнообразных явлений жизни и сторон действительности. По-видимому, такая оценка является первичным «фильтром» нашего отражения, используемым не только подростками, но и взрослыми [7; 9], что указывает на ее универсальный характер.

2. Мой внутренний мир — семья как социальная группа, в которую я включен. Верхний полюс шкалы здесь как и в экспериментальной группе составили объекты, характеризующие увлечения подростка, сферу его личного выбора и внут-

ренной жизни (слова: компьютерные игры (0,77), спорт (0,69), книги (0,69), секреты (0,67). Но противопоставляется ей социальная активность подростка, первое приложение которой — семья (слова: мать (–0,68), брат (–0,66), отец (–0,66), бабушка/дедушка (–0,62), дом (–0,62), свое место в доме (–0,60), семья (–0,59)), которая здесь выглядит не столько как источник поддержки и тепла, а просто как круг родственников, социальная группа, в которую по необходимости является включенным подросток. Таким образом, вторая шкала здесь представлена противопоставлением человека как субъекта самостоятельного выбора и человека, как части социальной системы, первичной ячейкой которой является семья.

3. Романтические переживания как характеризующие близкие отношения — широкий круг разнообразных связей с другими людьми. Верхний полюс шкалы сформировали объекты, описывающие исключительные, интимные переживания субъекта (слова: ухаживание (0,95), забота (0,64), романтика (0,64), секс (0,63), личная жизнь (0,58)). Противопоставлены им в сознании подростка объекты, описывающие различные социальные отношения, поддерживаемые большинством людей (слова: одноклассники (–0,54), знания о мире (–0,60), авторитет (–0,52), интернет (–0,55), власть (–0,64)). Итак, третья шкала представляет те семантические компоненты образа мира, которые обозначают в сознании подростка глубоко личные отношения с миром и более широкие социальные связи. Анализ данной «оси» восприятия мира у контрольной и экспериментальной групп явно показывает групповые отличия в отражении мира: так универсальным оказывается деление на положительное и негативное, а также внутреннее и внешнее, при этом, для подростков, воспитывающихся в интернете, социальное окружение является источником поддержки, понимания, тепла, а для обычных подростков — ис-

точником давления и принуждения, ограничения собственной свободы.

4. Самоопределение и формирование самостоятельной жизненной позиции — механизмы социального принуждения. Верхний полюс шкалы создан объектами, описывающими внутренний поиск и личностную дифференциацию мотивов и ценностей (слова: самовыражение (0,59), свобода (0,57), поиск смысла жизни (0,54), внутренний мир (0,54), быть собой (0,53), самопознание (0,53)). Отрицательный полюс создали слова, раскрывающие различные механизмы социального принуждения, давления на человека (слова: сплоченность (–0,67), обязанности (–0,53), воспитание детей (–0,51), собственность (–0,51)). Данные семантические компоненты обозначают в образе мира субъекта противопоставление феномена личной свободы и личного выбора и зависимость от социальных отношений, в которые субъект оказывается включенным. И в анализе данной оси семантического пространства мы замечаем групповые различия: когда включенность в отношения с другими людьми воспринимается обычными подростками как обязанность, навязанная извне необходимостью, а их слепыми сверстниками как важная сфера реализации чувства социального долга и ответственности перед другими людьми.

Таким образом, описанные семантические компоненты образа мира современных подростков позволяют выявить основные, универсальные механизмы восприятия и категоризации разнообразных явлений жизни, а именно: осмысление их как позитивных или негативных для субъекта, а также отнесение их к феноменам внутренней жизни или жизни внешней, социальной в их различных проявлениях; а также понять особенности, обусловленные социальной ситуацией развития подростков, заключающиеся в различном понимании феноменов социальной жизни и связи с другими людьми, которые воспринимаются слепыми подростками в качестве источ-

ников поддержки, тепла, реализации внутренних устремлений, а их сверстниками из общеобразовательных школ — как источник давления, принуждения и ограничений для реализации самостоятельно выбранных целей.

Литература

1. *Абдуллаева М.М.* Семантические характеристики профессиональной направленности медиков. Автореферат дисс. канд. психол. н. — М., 1993.
2. *Артемьева Е.Ю.* Основы психологии субъективной семантики / Под. ред. И.Б.Ханиной. — М., 1999.
3. *Клигер С.А., Косолапов М.С., Толстова Ю.Н.* Шкалирование при сборе и анализе социологической информации. — М., 1978.
4. *Климов Е.А.* Образ мира в разнотипных профессиях. — М.: Изд-во Моск. унта, 1995. 224 с.
5. *Лекомцева М.И.* Семантическая структура сравнения // Текст: семантика и структура. — М., 1983. С. 173–179.
6. *Лидерс А.Г., Минеева О.А.* Лексика для описания семьи в психосемантическом исследовании // Семейная психология и семейная терапия. 2003. № 4. С. 3–19.
7. *Лидерс А.Г., Минеева О.А., Познанская А.П.* ИмPLICITные теории семьи в семейной психологии // Вестник университета. Государственный университет управления, Москва. 2010. № 25.
8. *Минеева О.А.* Лексика для описания семьи и отношений в ней // Психологические проблемы современной российской семьи. Материалы конференции, часть 1. — М., 2003. С. 150–161.
9. *Минеева О.А., Лидерс А.Г.* Психосемантический подход к исследованию имPLICITной теории семьи // Вестник университета. Государственный университет управления. Социология и управление персоналом. — М., 2007. № 6 (32).
10. *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики: Учеб. пособие. — М., 1997.
11. *Серкин В.П.* Определения понятия «образ мира» // Психология субъективной семантики в фундаментальных и прикладных исследованиях / Отв. ред. Д.А.Леонтьев. — М., 2000. С. 17–20.
12. *Серкин В.П.* Семантическое описание «северного невроза» // Психология субъективной семантики в фундаментальных и прикладных исследованиях / Отв. ред. Д.А.Леонтьев. — М.: Смысл, 2000.
13. *Стеценко А.П.* Понятие «образ мира» и некоторые проблемы онтогенеза сознания // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 1987. № 3. С. 26–37.
14. *Толстова Ю.Н.* Основы многомерного шкалирования. — М., 2006.

Burovikhina I.A. The universal and group characteristics of semantic components of the image of the world of contemporary teenagers

The paper describes main semantic components of the image of the world of contemporary teenagers, reconstructed in the empirical study using the method of fluent graduation of lexical items, which were collected as valid worlds for description of an individual system of meanings and relations with other people of teenagers. In empirical work authors tried to understand universal and group characteristics of the image of the world in comparison with the results of ordinary teenagers and their peers with atypical physical development (blind and visually impaired). The results of mathematical analysis based on the algorithm of multidimensional scaling shown the elicitation of a subject's consciousness categorical structure and different systems of meanings through which teenagers perceive the world and specific features of perception, based on the characteristics of social situation of development.

Keywords: image of the world, structural components of subjective semantic space of perception, an individual system of meanings, adolescence, multidimensional scaling, method of fluent graduation of lexical items.

Перетолчина Д.С.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОЖНОСТИ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА, ВОСПИТЫВАЮЩИХСЯ В СЕМЬЯХ И В УСЛОВИЯХ ДЕТСКОГО ДОМА

В статье рассматривается психическое развитие младших школьников, воспитывающихся в семьях и в условиях детского дома. Рассматриваются и исследуются такие психологические характеристики как: тревожность, самооценка, эмпатия, мотивация учения, а также мотивационные предпочтения, социальная компетенция. В данной статье делается акцент не на различиях между детьми сиротами и их сверстниками из семьи, а на схожести полученных результатов детей обеих групп.

Ключевые слова: дети сироты, дети, воспитывающиеся в семье, неблагополучные дети, депривация, привязанность, тревожность, самооценка, социальная компетенция, мотивационные предпочтения, мотивация учения, эмпатия.

Никого сейчас не удивишь тем фактом, что семья для ребенка является основным гарантом и залогом счастливого детства ведь благодаря семье ребенок познает этот мир и себя в этом мире, семья является главным источником передачи социально-культурного опыта.

Только в семье ребенок может усвоить «правила жизни», которые ему пригодятся в будущем, он учится доверять, прощать, уважать, ценить, дружить, грустить, и, конечно же, любить.

А что мы знаем про детей, которым не так повезло, как детям из семей, которые вынуждены жить без семьи и близких, в детских домах? На сегодняшний день психологическая литература переполнена информацией об этих детях. В частности говорится о том, что дети из детских домов отстают, прежде всего, от своих сверстников в интеллектуальной, эмоциональной, произвольной сферах (Т.П.Войтенко, Л.Н.Галигузова, И.В.Дубровина, Э.Минкова, А.М.Прихожан, И.Н.Толстых, В.Слущкая). Также делались попытки изучения и сравнения детей сирот с благополучными детьми [3].

В статье мы попытались ответить на следующие интересующие нас вопросы: А может ли в семье ребенок чувст-

вовать себя негармонично, может ли испытывать чувство тревожности, неадекватной самооценки, низкий уровень эмпатии, и может ли все это повлиять на его общение со сверстниками и со взрослыми? Будут ли дети сироты похожи по вышеперечисленным признакам с детьми из семей? Если да, то в чем причина? Ведь как, мы уже знаем, да и привыкли думать, что дети из семей — благополучны, в обществе их воспринимают со знаком +, а вот что касается детей сирот, то здесь придется заключить, что они воспринимаются, как дети, у которых чего то да не хватает, они не получили ту «дозу любви», принятия, нежности, понимания, уважения, в отличие от их сверстников.

Объяснения причин тех или иных сложностей детей из семей и детей-сирот дает нам английский психолог и психоаналитик, а также основоположник теории привязанности Джон Боулби, который изучал материнскую депривацию и употреблял этот термин тогда, когда узы любви между ребенком и матерью были нарушены. По мнению Боулби, материнская депривация приводит к тяжелым формам психического недоразвития, даже детей генетически абсолютно здоровых [2].

О материнской депривации можно говорить не только в случае брошенных детей, детей-сирот, больных детей, на длительный срок помещаемых в лечебные учреждения без родителей, но и тогда, когда мать эмоционально холодна или слишком занята на работе. Материнская депривация является сегодня важной социальной проблемой во всем мире.

Другой исследователь — Голдфарб — считает, что ребенку в учреждении угрожает больше депривации и меньше эмоциональные конфликты, тогда как в неудовлетворительной семье дело обстоит наоборот [6].

Однако М.Эйнсворт различает собственно депривацию, как обусловленную недостатком (*insufficiency*) взаимодействия между ребенком и матерью, и нарушения, вызванные искажением (*distortion*) данной связи, а также нарушения, вызванные ее прерыванием (*discontinuity*) [5].

Проблема сравнения детей сирот с благополучными детьми из семей изучена и является достаточно разработанной на сегодняшний день. Так, Н.Н.Авдеева в своей работе пишет о том, что в отличие от детей из семьи, у воспитанников детского дома ребенка не складывается субъективная составляющая образа себя, не формируется положительное эмоциональное самоощущение, переживание своей значимости для окружающих взрослых, открытость людям и окружающему миру. В частности, установлено, что только у 20% детей сирот формируется условно надежная привязанность к взрослому. Остальных детей отличает ненадежная привязанность (Н.Н.Авдеева, Н.А.Хаймовская, 1999) [1].

По данным Егоровой, у детей дошкольного возраста отмечается неадекватная оценка личных качеств, склонность видеть себя чаще всего с негативной стороны. Известно, что в условиях благоприятного семейного воспитания,

дошкольники обладают позитивной самооценкой и самоотношением.

Н.К.Радица изучала особенности самопринятия (эмоционального компонента самооценки) младших школьников и подростков, воспитывающихся в учреждениях различного типа и в условиях семьи. Автор на основании полученных данных пришла к выводу, что самопринятие детей, воспитывающихся в детских домах, значительно ниже самопринятия детей, воспитывающихся в условиях семьи.

В фундаментальном исследовании А.М.Прихожан и Н.Н.Толстых было выявлено, что у подростков воспитанников детского дома наблюдается более низкий уровень самооценки, чем у семейных детей [4].

Как мы уже говорили, и отечественные и зарубежные исследователи проводили и проводят много исследований на тему различий детей из семьи и детей сирот, однако мы не нашли исследований, которые посвящены изучению «схожести» таких детей, с одной стороны абсолютно разных, а с другой стороны удивительно похожих друг на друга.

Целью нашего исследования было изучение и сравнение психологических характеристик младших школьников, воспитывающихся в семье и без нее в условиях детского дома. Психологические характеристики включают в себя изучение:

самооценки, тревожности, мотивации учения, эмпатии, мотивационных предпочтений (желаний), социальной компетенции.

Испытуемыми явились дети младшего школьного возраста (7–11 лет), воспитывающиеся в детских домах и в семьях. В исследовании приняли участие 99 детей, (средний возраст — 8 лет) воспитывающихся в семьях, Мальчиков — 47 чел, девочек — 52; и 25 детей воспитывающихся в детских домах (средний возраст — 9 лет). Мальчиков

— 13 чел, девочек — 12 чел. Общее количество участников исследования составило — 124 человека.

Мы предположили, что:

1. Некоторые дети, воспитывающиеся в семьях, могут обладать схожими психологическими характеристиками с их сверстниками, воспитывающимися в детских домах.

2. К числу подобных характеристик могут быть отнесены:

- повышенная тревожность;
- неадекватная самооценка;
- мотивационные желания (бедность мотивационных желаний, направленность только на одну сферу);
- низкий уровень эмпатии;
- социальная компетенция (низкий уровень рефлексивности своего общения);
- низкий уровень направленности на приобретение знаний.

3. Подобные характеристики могут быть результатом, неблагоприятных, эмоциональных отношений родителей к детям и соответственно, восприятия подобной неблагоприятной семейной ситуации в семье глазами ребенка.

Методы исследования. Теоретический анализ, проведение эмпирического исследования методом срезов. Наше исследование на данном этапе носит констатирующий характер, математико-статистический анализ полученных результатов с помощью статистического пакета.

Применялись следующие методики:

- Шкала явной тревожности CMAS (The children's Form of Manifest Anxiety Scale), (A.Castaneda, B.R.McCandless, D.S.Palermo, 1956). Предлагаемый вариант шкалы адаптирован для применения на отечественной выборке А.М.Прихожан (1994);

- Исследование самооценки по методике Дембо-Рубинштейн в модификации А.М.Прихожан;

- Методика мотивационных предпочтений «Цветик-семицветик» (Л.И.Божович, Й.Шванцара);

- Методика направленности на приобретение знаний (Е.П.Ильин и Н.А.Курдюкова);

- Методика экспресс-диагностики эмпатии (И.М.Юсупов);

- Методика изучения социальной компетенции (Д.А.Подольский);

- Опросник родительских отношений Варги-Столина (ОРО);

- Методика «Рисунок семьи» (Г.Хоментаускас).

А теперь представим полученные результаты проведенного исследования:

В результате проведенного нами исследования мы установили, что у обеих групп детей, а именно детей из семьи и детей из детских домов присутствует явная тревожность, неадекватная самооценка (высокая), низкий уровень притязаний, у обеих групп мы выявили обедненность желаний, их однообразие.

Также мы установили с помощью теста Манна-Уитни, что дети из семьи и дети из детского дома отличаются друг от друга только по притязаниям и эмпатии. Также мы отметили различия в социальной компетенции, а именно по таким ее параметрам как: общение со взрослым, которое происходит редко, общение со сверстниками, которое происходит часто, частота общения со сверстниками, также есть различие между тем, сколько друзей и взрослых отметили дети обеих групп.

В отношении тревожности, самооценки, направленности на приобретение знаний две независимые группы детей не отличаются друг от друга, где Sig. (2-tailed) — рассчитанный уровень вероятности, больше 0,05.

Мы выявили, что «неблагополучные» (у которых мы диагностировали высокую тревожность и высокую самооценку) дети из семей отличаются от

своих сверстников, воспитывающихся в детских домах только по эмпатии, по всем остальным же психологическим характеристикам тревожности, самооценке, направленности на приобретение знаний, притязаниям нет существенных отличий.

В отношении социальной компетенции мы обнаружили отличия, а именно: в общении со взрослым, которое происходит редко, в общении со сверстниками, которое происходит часто, частота общения со сверстниками, также в общении со сверстниками своего пола, которое происходит часто, и в отмеченных всего сверстников и взрослых детей обеих групп.

Была выявлена связь на уровне тенденций ($p=0,5$) между принятием родителей и тревожностью детей, также была выявлена связь между отвержением родителей и тревожностью ($p=0,1$) и самооценкой детей на уровне тенденций ($p=0,5$).

Связи были обнаружены и между таким родительским отношением как симбиоз и тревожностью детей ($p=0,1$), авторитарная гиперсоциализация родителей и тревожность детей ($p=0,1$), отношение родителей к ребенку как к «маленькому неудачнику» и как следствие этого тревожность ($p=0,1$).

Было выявлено, что дети воспринимают семейную ситуацию неблагоприятно, у 70% детей обнаружилось нарушение эмоционального контакта.

Также мы обнаружили, что фактор семейности не значим для таких психологических характеристик как тревожность и направленность на приобретение знаний. Для всех остальных же психологических характеристик семья является значимым фактором.

Таким образом, можно сказать, что семейность, как главный фактор не может уберечь детей от проявления высокой тревожности. В отношении социальной компетенции семейность не-

значима для таких ее параметров как: общение со взрослыми, которое происходит редко, общение детей со сверстниками своего пола, которое происходит редко, общение детей со сверстниками своего пола, которое происходит часто, также по отмеченным детьми своих сверстников и взрослых.

Из анализа литературных данных и небольшого эмпирического исследования, которое мы провели, следует, что многое в развитии личности ребенка, воспитывающегося вне семьи, зависит от типа детского учреждения, от стиля и методов воспитательной работы в нем, от возраста, в котором ребенок попадает в это учреждение, от времени, которое он в нем проводит, от его индивидуально-психологических особенностей.

Есть основания полагать, что рассмотренные нами характеристики (тревожность, неадекватная самооценка, низкий уровень притязаний, узость и однообразие мотивационных предпочтений), характеризует на сегодняшний день не только детей из детских учреждений, но и детей, растущих в семьях, которые, например, могут страдать от материнской депривации. В этом случае материнская депривация может иметь самые разные причины: это может быть чрезмерная занятость родителей на работе, их озабоченность своими проблемами, отсутствие искреннего интереса к ребенку, к его проблемам и переживаниям, непонимание своей родительской роли, когда например, мать считает, что многочисленные няни, мини-лицеи, воспитатели могут лучше развить ребенка, обучить его, подготовить к школе.

Все это ведет к тому, что ребенок лишается здесь самого главного фактора, необходимого для развития его как личности. Разные авторы называют этот фактор по-разному: «безусловное позитивное внимание» (К.Роджерс), «безусловная любовь» (М.И.Лисина, Р.Кэм-

пбелл), «прочные узы любви» (Дж. Боулби), «витамин Л» (В.А. Сухомлинский), «безусловное принятие» (К. Роджерс и другие гуманистически ориентированные психотерапевты), «сильная и устойчивая эмоциональная связь» (М. Эйнсворт), «общая положительная оценка взрослым ребенка» (М.И. Лисина), позитивная установка, поддержка и т.п. Однако речь здесь идет, по сути, об одном и том же: о том, что ребенок с первых дней своей жизни должен расти в атмосфере любви, принятия и заботы, чувствовать себя ценным, нужным, любимым, вне зависимости от своего поведения, успехов, личностных качеств.

Литература

1. Авдеева Н.Н., Хаймовская Н.А. Зависимость типа привязанности ребен-

ка к взрослому от особенностей их взаимодействия (в семье и в доме ребенка) // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 1.

2. Боулби Дж. Привязанность. — М., 2003.

3. Войтенко Т.П., Миронова М.Н. Проблемы развития детей в детских домах и школах-интернатах // Вопросы психологии. 1992. № 2.

4. Прихожан А.М., Толстых Н.Н. Психология сиротства. — СПб.: Питер., 2005.

5. Ainsworth M.D. The Effects of Maternal Deprivation. In: Deprivation of Maternal Care. WHO, Geneva, 1962.

6. Goldfarb W. Psychological privation in infancy and subsequent adjustment // Amer. J. Orthopsychiat. 1945. 15. P. 247–255.

Peretolchina D. Psychological complexity of primary school age children are brought up in families and in the orphanage

The article deals with the mental development of primary school children being raised in families and in the orphanage. Considered and investigated the psychological characteristics such as: social competence, Self-rating, anxiety, study motivation, empathy, motivational preference (wishes). This article focuses not on the differences between orphaned children and their peers from families, and the similarity of the results of children in both groups.

Keywords: children, children upbringing in the family, children upbringing beyond the family, mental deprivation, mother's deprivation, attachment, social situation of development, key activity, mental new formations, social competence, Self-rating, anxiety, study motivation, empathy, motivational preference (wishes).

НАШИ АВТОРЫ

Антоненко И.В. — доктор психологических наук, профессор, заместитель директора института социологии и управления Государственного университета управления (Москва).

Артемьева И.Г. — аспирант кафедры социальной и политической психологии ЯрГУ им. П.Г.Демидова (Ярославль).

Буровихина И.А. — аспирант факультета психологии МГУ им. М.В.Ломоносова.

Гречишников С.Е. — кандидат философских наук, доцент, эксперт НИРСИ (Калуга).

Карицкий И.Н. — кандидат психологических наук, преподаватель Института социологии и управления персоналом Государственного университета управления; действительный член Ассоциации трансперсональной психологии и психотерапии, докторант ЯГПУ (Москва).

Козлов В.В. — Президент Международной Академии Психологических наук, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной и политической психологии Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова, академик МАПН, РАСО, БПА и др., президент Ассоциации интегративной психологии и психотерапии, главный редактор журналов «ЧФ: Социальный психолог» и «Вестник интегративной психологии», основатель интегративной психологии (Ярославль).

Кузина Е.В. — ведущий специалист НП ПКЦ «Территория роста» (Москва).

Лидерс А.Г. — доцент кафедры возрастной психологии факультета психологии МГУ им. М.В.Ломоносова (Москва).

Мазилов В.А. — доктор психологических наук, профессор, заведующий ка-

федрой общей и социальной психологии Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д.Ушинского, академик МАПН (Ярославль).

Мельникова А.А. — к.п.н., доцент, Гуманитарный университет профсоюзов (С-Петербург).

Минеева О.А. — психолог (Москва — Гренобль).

Олешкевич В.И. — клинический психолог высшей категории, ДПП № 67, институт реабилитации ННЦ наркологии министерства здравоохранения и социального развития РФ, канд. философских наук (Москва).

Перетолчина Д.С. — аспирант кафедры возрастной психологии факультета психологии МГУ им. М.В.Ломоносова (Москва).

Петренко В.Ф. — доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии МГУ, член-корреспондент РАН, академик МАПН (Москва).

Санникова Н.Г. — психолог Центра дерматологии и профилактики БППП, соискатель кафедры социальной и политической психологии ЯрГУ им. П.Г.Демидова (Астана, Казахстан).

Туляганова Г.К. — психолог, преподаватель, Национальный университет Узбекистана (Бухара).

Шигорина Т.Б. — психолог, соискатель кафедры социальной и политической психологии ЯрГУ, Законодательное Собрание Иркутской области (Иркутск).

Янчук В.А. — доктор психологических наук, профессор, академик МАПН, декан факультета психологии ГОУ «Академия последипломного образования» (Минск).

Информационное письмо № 1*Уважаемые коллеги!*

Белорусский государственный педагогический университет им. М.Танка
Факультет психологии Московский государственный университет имени
М.В.Ломоносова

Факультет психологии Российский государственный гуманитарный университет
Институт психологии Л.С.Выготского
Российское психологическое общество
Федеральный институт развития образования
приглашают вас принять участие в работе Международной научной конференции

**ПСИХОЛОГИЯ И ЖИЗНЬ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ**

которая состоится 24–25 ноября 2011 г.

Проблемное поле конференции:

1. Семья в современном мире: междисциплинарный подход.
 2. Теоретико-методологические проблемы исследования семьи.
 3. Семья как ресурс развития взрослых и детей.
 4. Психология родительства.
 5. Перинатальная психология.
 6. Развитие личности ребенка: взаимодействие семьи и социальных институтов.
 7. Семья ребенка с особенностями развития.
 8. Супружеские дисгармонии и семейные конфликты.
 9. Кризисы в семье.
 10. Семья и карьера.
 11. Гендерные отношения в семье.
 12. Психологическая помощь семье.
 13. Семейный психолог: проблемы и перспективы подготовки специалиста.
 13. Нарративный подход в семейном консультировании и терапии.
- Рабочие языки конференции — белорусский, русский, английский.

Условия участия в конференции:

Для участия в конференции необходимо представить в оргкомитет:

1. Тезисы, объемом до 3 страниц (в электронном варианте, формат MS Word с расширением *.rtf).
2. Заявка на участие. Материалы и заявка принимаются до 10 октября 2011 г. по электронной почте psy_live2011@yahoo.com с темой письма «Конференция». Без заполненной заявки материалы не принимаются к рассмотрению. Организационный комитет оставляет за собой право отклонения материалов, не соответствующих тематике конференции, а также полученных после 10 октября 2011 года. К началу конференции будет подготовлен сборник материалов конференции (в электронном виде, сборнику присваивается ISBN).

Организационный взнос:

— для белорусских психологов оплата участия в конференции составляет 50 000 бел. руб. должен быть оплачен до 10 октября: банковским переводом (Расчет: 3632962939007, филиал 527, Бел-

желдор, ОАО «АСБ «Беларусбанк»», электронная копия платежного документа предоставляется одновременно с материалами по электронной почте psy_live2011@yahoo.com

— для российских психологов оплата участия в конференции составляет 300. руб. и может быть оплачена очно на конференции или предварительно на кафедре возрастной психологии ф-та психологии МГУ (Е.И.Захарова или А.Г.Лидерс). Справки по адресу E-I-Z@yandex.ru

Размещение участников планируется в гостиницах г. Минска и общежитии университета. Стоимость бронирования и проживания не входит в организационный взнос. Заявку на проживание в гостинице/общежитии необходимо сделать вместе с заявкой на участие в конференции. После получения заявки вам будут высланы сведения о возможности размещения и порядок оплаты.

Требования к оформлению материалов:

- объем до 3 страниц А4;
- формат MS Word с расширением *.rtf;
- шрифт Times New Roman, размер шрифта — 14, абзацный отступ — 1,25 см, выравнивание текста — по ширине; интервал одинарный;
- размер всех полей — 20 мм;
- название статьи — ПРОПИСНЫМИ буквами, полужирным шрифтом, форматирование по центру;
- через строчку — инициалы и фамилия автора(ов), полужирный курсив, форматирование по центру;
- следующая строка: страна, город, название организации, строчными буквами курсивом, форматирование по центру;
- следующая строка: контактный адрес электронной почты;

— аннотация курсивом (не более 500 знаков включая пробелы);

— далее через строчку следует основной текст;

— выделения в тексте курсивом и полужирным шрифтом;

— ссылки на литературу оформляются следующим образом: в тексте в круглых скобках указывается фамилия и инициалы автора, затем через запятую — год выхода публикации;

— список литературы печатается после основного текста 10 шрифтом.

Форма заявки:

- Фамилия, имя, отчество.
- Организация, должность, ученая степень, ученое звание.
- Выбранное направление.
- Название доклада.
- Почтовый адрес.
- Электронный адрес.
- Телефоны: Дом. / Раб. / Моб.
- Необходимость проживания в гостинице (оплата проживания за счет командирующей стороны).

Контактная информация

Почтовый адрес: 220114, Минск, ул. Скорины, 15, ауд. 309, кафедра прикладной психологии.

Телефон: (8–10–375–017) 263–78–95

E-mail: psy_live2011@yahoo.com
Гончарова Светлана Сергеевна — зав. кафедрой прикладной психологии.

Степанова Людмила Григорьевна — старший преподаватель кафедры прикладной психологии.

Петрушенко Светлана Валерьевна — преподаватель кафедры прикладной психологии.

Для россиян — кафедра возрастной психологии ф-та психологии МГУ имени М.В.Ломоносова, Захарова Елена Игоревна. E-mail: E-I-Z@yandex.ru